

ПРОЗА

Номинации:

«Роман–повесть»

«Рассказ»

«Детективная
проза»
(номинация
имени
Э. А. Хруцкого)

«Моя полиция»

Алексеев Константин
Андриенко Леонид
Сергей Андрющенко
Березина Лариса
Бессонова Елена
Булгаков Олег
Кабакин Виктор
Кожушко Сергей
Луканенков Владимир
Лушин Александр
Лыков Виктор
Екатерина Наговицына
Обушев Константин
Пономарёв Александр
Федосеев Юрий
Филиппова Светлана
Хабибулин Юрий

Кровный брат

Пробуждение было внезапным. Сбившийся Юсупову изумрудно-зелёный луг в одночасье погрузился во мрак, в котором что-то трещало и грохотало. То здесь, то там раздавались звонкие хлопки, будто у самого уха оглушительно лопались электрические лампочки.

– Что за чёрт!.. – вскочивший с соседней койки Теплов, глухо матерясь, шаривал в темноте фонарь.

Словно в ответ за пологом забухали шаги, и в палатку ворвался взмыленный дежурный.

– Духи! – на одном дыхании выпалил он.

Вслед за комбатом, подхватывая висевший в изголовье автомат, Юсупов выскочил наружу.

Ночь гремела и лязгала, трещала автоматными очередями, ухала разрывами гранат. Из палаток и дощатых хозяйственных построек выскакивали полуодетые бойцы, по двое, по трое устремляясь на позиции. Из темневшей в низине «зелёнки» им вдогонку летели шипящие струи, ахали под ногами гулками взрывами, взметая в воздух клочья земли и дыма.

– Батальон! Кольцо! – стараясь перекричать канонаду, ревел комбат, на бегу передёргивая затвор «калашников».

В следующее мгновение, словно разбуженный его яростным рыком, слева от штабной палатки затарахтел АГС. К нему присоединился другой, установленный на крыше гаражных боксов. «Зелёнка» ответила удвоенными хлопками подствольников, вперемешку с лаем миномётов и яростными длинными очередями.

Первое, что испытал Юсупов, был леденящий ужас, желание метнуться к бетонной нише поста охраны, забиться внутрь, словно улитка в спасительную раковину, пережидая обстрел. Но уже в следующее мгновение он подавил в себе липкий, рвущийся наружу страх и повернул назад.

«“Кашеэмка”... – мысль, бившаяся в сознании, подобно попавшей в силки птице, гнала его к маячившему за крайней палаткой фургону с едва различимыми в темноте штырями антенн. – Только бы успеть!..»

Ещё одна граната ухнула в нескольких метрах впереди. Майор инстинктивно затормозил, но тут же вновь рванул вперёд. Сгруппировавшись, сделал последний бросок, заскакивая в узкий проход между рядами колючей проволоки, чувствуя, как колотит по голому телу набитый под завязку разгрузник.

У «кашеэмки» уже метались двое бойцов и начальник поста радиоперехвата – длинный чернявый прапорщик.

– Заводи! Хрен ли валандаешься!.. – орал он на замешкавшегося водителя.

Матюкаясь сквозь зубы, Юсупов запрыгнул на подножку грузовика, выталкивая из кабины нерасторопного солдата. Со скрежетом врубил передачу, вдавливая в пол педаль газа. Автомобиль взревел, как раненый зверь, прыгнул вперёд, наматывая на капот бесчисленные нити «колючки». Тотчас же на месте, где ещё секунду назад находился фургон, заквакали мины.

– Сука... – шептал себе под нос Юсупов, выкручивая неповоротливый руль. – Сука... – машинально повторял он, задевая крылом одну из палаток, чувствуя, как в моторе что-то надсадно звенит, подобно рвущимся гитарным струнам.

Сходу протаранив ещё один ряд колючей проволоки, грузовик ворвался в парк боевой техники, где в темноте белели бетонные коробки гаражей. Не зажигая фар, майор разглядел пустой бокс, заложив крутой вираж, зарулил в него, напрочь снося боковое зеркало. Резко ударил по тормозам. Обесиленно откинулся на спинку сиденья, ощущая затылком холодное железо кабины.

Очередной близкий взрыв заставил его очнуться. Выругавшись теперь уже на самого себя, Юсупов метнулся наружу. Там, в кромешной тьме, уже вовсю гремел бой. Сгрудившиеся у бойниц разведчики поливали «зелёнку» из автоматов. В унисон с ними с флангов стучали пулемёты бэтээров, подобно мощным дизелям, надрывались станковые гранатомёты, пронзали мрак хищные струи «Шмелей», похожие на атакующих огненных змей.

Пригнувшись, словно бегун перед стартом, Юсупов рванул к воротам, где находились позиции его роты. Уже подбегая, увидел двух разведчиков, которые волокли третьего – дембеля Лучникова из первого взвода. Голова солдата безвольно болталась на могучей, перевитой венами шее. Проносясь мимо, майор успел запечатлеть перекошенное от боли лицо бойца, тянувшийся за ним чёрный кровавый след.

Массивные створки ворот зияли рваной дырой. По обоим краям от них белели наваленные друг на друга мешки с песком, облепленные фигурами стрелков. В одном из них Юсупов узнал своего зама Добрынина. Голый по пояс, тот, неловко присев, долбил в «зелёнку» из ручного пулемёта.

– Руку зацепило, мать их... – старлей на мгновение обернул в сторону подбежавшего командира широкое лицо с пышными казацкими усами. – Всё плечо разворотило к едрене фене!

Пристроившись рядом со взводным, Юсупов прильнул к прицелу, выискивая в кромешной тьме огневые точки чеченцев. Дождался, когда густые заросли внизу вновь замерцали белёсыми огоньками вспышек, надавил на спуск, чувствуя, как ожил, забился в грохоте автомат, прочерчивая в темноте раскалённые свинцовые пунктиры.

К разноголосой какофонии боя присоединилось тяжёлое уханье с соседнего пригорка. В чёрной вышине возник металлический свист, отзываясь на позициях «дúхов» далёкими взрывами.

– Уральцы! Проснулись наконец-то! – ругнулся Добрынин, радостно и зло прислушиваясь к грохоту САУшек на ближнем холме.

Огонь из «зелёнки» постепенно сходил на нет. В её чёрном месиве всё реже звучал треск автоматов, хлопки подствольников, уханье миномётов. Вяло

огрызаясь редкими очередями, боевики уходили в ночь, пряча оружие в заготовленных на пути схронах.

Юсупов уже не стрелял, а устало всматривался в угольно-чёрный мрак ночи. Яростное возбуждение боя медленно улетучивалось из сознания. Положив автомат на бруствер из мешков, майор рассеянно слушал запоздалую канонаду артиллерии, долбившую вслед ретировавшимся «дúхам», тяжёлое дыхание Добрынина, менявшего очередной опустевший магазин.

– Живые? – вынырнувший из темноты Теплов окинул быстрым тревожным взором оборонявших КПП разведчиков. В застиранной пятнистой майке, поверх которой болтался расстёгнутый разгрузник, с автоматом наперевес, комбат ничем не отличался от основной массы бойцов. – Весёлая ночька выдалась, мать их!.. Да, что с «кашеёмкой»? – спохватился он, отыскав глазами Юсупова.

– Цела, Иваныч, – отозвался майор. – Успел я её в бокс отогнать.

– Фу-у, – облегчённо выдохнул комбат. Шагнул к Юсупову, крепко обнял:

– Спасибо тебе, Санёк!

* * *

Наступивший день прошёл в суете и нервотрёпке. С самого утра в батальон нагрянуло множество чинов из Ханкалы вместе с прокуратурой и особистами. Надменные полковники из группировки, исполненные сознания собственной важности, расхаживали по лагерю, наперебой давая указания. Чекисты, деловитые, подчёркнуто спокойные, кочевали по ротам, дотошно о чём-то расспрашивая разведчиков.

В ночном бою был убит солдат-первогодок из второй роты, ранены семеро бойцов и прапорщик из взвода радиоразведки. От обстрела пострадало и хозяйство батальона. Шальной осколок разнёс монитор в штабной палатке, и начштаба Коротков до вечера выпрашивал в стоявшей по соседству дивизии новый. Ещё одна мина угодила в дизельную установку, оставив батальон без света. Весь день солдаты латали, заново натягивали палатки, восстанавливали освещение, волокли на позиции дополнительные бетонные блоки и мешки с песком.

Юсупов вместе с начальником связи и контрактником с поста радиоперехвата возились с «кашеёмкой». Машина отделалась лишь сломанной антенной да смятым крылом, потому ко второй половине дня вся аппаратура заработала вновь.

Нацепив наушники, Юсупов переключал каналы, убеждаясь, что техника снова чётко ловит заданные частоты. С каждым поворотом тумблера в эфире возникали то зычные команды военных, то хриплые гортанные фразы чеченцев. Отрабатывающие соседний район сапёры докладывали в комендатуру о найденном на обочине фугасе. Стоявшие на подступах к городу омовцы сообщали о прохождении через КПП армейской колонны. Два чеченских милиционера, судя по говору – из предгорных районов, обсуждали в эфире достоинства последней модели «Ауди». На мгновение на одной из волн объявился неведомый Ахмед, выкликавший позывной местного главаря боевиков.

Эта обычная «кашеэмка», неотличимая от множества других, кочующих по Чечне, была главной ценностью батальона. В железном коробе находился пост радиоперехвата, денно и нощно работала секретная аппаратура. Её чуткие антенны сканировали все частоты в окрестных районах. Хитроумные системы, раскинувшие невидимые сети почти над половиной мятежной территории, пеленговали выходивших на связь непримиримых, наводя на них артиллерию и авиацию. Засекали каждую брошенную в эфир фразу, записывая её на магнитную ленту, чтобы потом разведка и особисты, расшифровав позывные и коды абонентов, разгадали замысел противника и нанесли упреждающий удар.

Юсупов был одним из главных участников этой сложной игры. Знание местного языка превращало его из обычного ротного в особого человека, от которого зависел исход множества ответственных операций, спасших жизни воюющих здесь солдат и офицеров. В нём нуждались не только свои батальонные разведчики, но и высокопоставленные чины из группировки и контрразведки. Обычный майор, он был посвящён в тайные планы не одной спецслужбы, шерстящей Чечню. Посвящён, несмотря на пресловутый «пятый пункт» в личном деле...

* * *

Своего отца Юсупов не помнил, равно как и тот никогда не видел своего отпрыска. Родитель, в ту пору ветреный чеченский юноша-студент, без памяти влюбился в русскую девушку-однокурсницу. Наплевав на устои и вековые обычаи, тайком от родни расписался с ней. Однако спустя несколько недель в Грозный нагрянули родственники молодожёна и почти силком увезли его с собой. А ещё через восемь месяцев родился он, Сашка.

С самого детства он чувствовал себя не таким, как все. Чеченцы не признавали его за своего, презрительно называя гяуром. Сторонились Юсупова и русские сверстники, относясь к нему с отчуждением и настороженностью, как ведут себя подростки с затесавшимся в их стаю волчком.

Лишь спустя несколько лет, в армии, когда десяток верховодивших в роте кавказцев попытались было окончательно подмять под себя сослуживцев-славян, он впервые сумел стать для последних не просто своим, но и лидером, вожаком. Бесстрашие и напор разбуженного русского медведя, помноженные на природную чеченскую жестокость, сделали своё дело. Местный заводила, двухметровый здоровяк-дагестанец, попытавшийся поставить на место строптивого салагу, чуть было не поплатился жизнью, когда Юсупов, подобно расвирепевшему псу, вцепился зубами ему в горло. Через неделю, отсидев положенный срок на гарнизонной «губе», он вернулся в роту общепризнанным авторитетом, которого уважали и побаивались даже самые крутые «деды».

Потом был Баку, разъярённая толпа, вооружённая булыжниками, заточками и копиями арматуры, которая преградила дорогу «Уралу» с двумя десятками бойцов. И когда вытащенная из машины обезоруженная горстка «вэвэшников» уже готовилась принять мучительную смерть, Юсупов, вычислив среди нападавших главаря, стремительно ввинтился в возбуж-

дённую человеческую массу, цепко ухватив того за воротник модной заграничной дублёнки. Выдернув из-за голенища охотничий нож, изъятый накануне у задержанного боевика, он приставил его к горлу вожака. И тот вдруг неожиданно тонким, дрожащим голосом жалобно прокричал что-то на азербайджанском. Толпа расступилась, отдала бойцам отобранные минуту назад щиты и дубинки, вернула пистолет взводному и позволила военным уехать.

Позже, когда лихая солдатская судьба бросала его в Карабах и Осетию, где вспыхивали новые очаги кровавых бессмысленных войн, Юсупов всё больше ощущал себя русским и с каждой новой командировкой всё сильнее проникался неприязнью к братьям-кавказцам. Она достигла своего апогея поздней осенью девяносто первого, когда, дождавшись заветного дембеля, Юсупов возвратился домой.

Уже на подъезде к Грозному он ощутил неясную тревогу. Понять её причины было сложно, но что-то, быть может, настороженные и угрюмые лица немногочисленных попутчиков по поезду, в основном чеченцев, говорило ему о чём-то страшном, случившемся в городе накануне его возвращения.

Когда же Юсупов, миновав привокзальную площадь, очутился на знакомых с детства улицах, ему показалось, что вновь оказался в одной из своих прошлых «горячих» командировок. Здесь горели костры, бесновались толпы, среди которых преобладали бородачи в каракулевых папах с автоматами наперевес. Но, в отличие от боевиков из Баку и Шуши, здешние не прятались по подворотням и горным ущельям, а напоказ расхаживали с разнокалиберным оружием, время от времени паля в хмурое ноябрьское небо.

Несколько раз, пока он добирался до дома, его тормозили вооружённые чеченцы, утыкая в лицо стволы «калашниковых». Холодея от ужаса, Юсупов отвечал им по-чеченски, называл запавший в память тейп отца, запоздало радуясь, что отправился на дембель не в форме, а в «гражданке». Проходя мимо местного армейского полка, видел, как раздухарившаяся толпа окружила военный городок, мечая через забор камни и пустые бутылки, а ворота части таранит большегрузный «КамАЗ». Ещё через квартал ему попалась новая группа чеченцев, гнавшая куда-то прикладами автоматов нескольких милиционеров в растерзанном обмундировании.

Двор, в котором он прожил восемнадцать лет, поразил его непривычным безлюдьем. У подъездов не ворковали, как прежде, на лавочках местные старушки, на площадке не резвились пацаны, и даже окна дома почти все были тёмными, больше напоминавшими глазницы черепа. Свет горел лишь в нескольких, в том числе и в его, Юсупова, квартире, на втором этаже.

На миг забывший увиденное в городе, он заспешил к подъезду, предвкушая долгожданную встречу с матерью. Успел пробежать полпролета, когда неожиданно услышал за спиной знакомый дребезжащий голос:

– Сашок, никак ты?..

Обернувшись, он разглядел Петровну, одинокую восьмидесятилетнюю старушку, боязливо высунувшуюся из-за двери.

– Я, баба Вера, – отозвался он, досадуя, что теряет драгоценные секунды.

– Не ходи туда, милоч, – зашептала та, опасливо озираясь по сторонам...

То, что рассказала ему Петровна, больше походило на нелепый кошмарный сон: две недели назад его мать нашли убитой в собственной квартире, а спустя буквально несколько дней туда уже заселились чеченцы из Алхан-Калы.

– Это всё Хамзат из двадцатой, – всхлипывала старушка. – Он на вашу квартиру ещё с весны зарился... Всё Наде, матери твоей, грозил: мол, съезжай по хорошему в свою Россию... Это же брат его теперь у вас живёт с семейством...

– Как же так?.. А милиция?.. – тупо бормотал Юсупов.

– А что милиция? Её уж два месяца почитай как нет, – качала головой та. – Нынче здесь нехристи эти всем заправляют...

Следующим вечером Юсупов покинул Грозный. Вернулся в часть, где служил, написал рапорт на сверхсрочную. Выучился на прапорщика, ещё через год поступил в училище, где в ежедневной муштре боль притупилась, отошла на второй план.

Лейтенантские погоны он надел через год после окончания первой Чечни. Принял взвод в разведбате. Спустя пару лет, устав от рутинной, казавшейся бестолковой службы, начал подумывать об увольнении, но вторая война, грянувшая летом девяносто девятого, заставила его переменить планы.

Отвоевав первые три месяца, он добился, чтобы остаться на второй срок. Когда же подошла пора возвращаться, Юсупов испытал странную тоску, будто домашний ребёнок, отправлявшийся из семьи в далёкий казённый интернат.

В надменной и чопорной Москве он чувствовал себя чужим. Его раздражали ядовито-яркие огни реклам, безвкусно-пёстрые витрины дорогих магазинов, напыщенные горожане. Раздражало обилие кавказцев на улицах, ведущих себя по-хозяйски, с нескрываемым презрением к местным. Раздражал и особый, ни на что не похожий внутренний мир первопрестольной, казавшейся островком благополучия в безбрежном океане извечных русских бед и лишений.

В Чечне же его существование обретало особый смысл. Московские ничемность и уныние сменял боевой азарт. Расшифровывая очередной перехват или же выходя с группой в засаду, он чувствовал себя охотничьим псом, вырвавшимся из опостылевших четырёх стен на желанный лесной простор.

В Москве, выбираясь за пределы части, он ловил на себе взоры прохожих, с опаской и неприязнью разглядывавших его кавказские черты. Патрульные милиционеры с ходу выделяли его из толпы, тормозили, недоверчиво разглядывая удостоверение. Всё это заставляло Юсупова вновь ощущать себя полукровкой.

В батальоне же и особенно в командировках он чувствовал себя своим, ничем не отличимым от сослуживцев, в большинстве своём чистокровных славян. И даже прозвище Метис в их устах звучало не с тайной издёвкой, а с нескрываемым уважением, какое испытывают охотники к матёрому, досконально знающему повадки зверей, товарищу по ремеслу.

* * *

Возникшие в эфире голоса заставили его очнуться от воспоминаний.

– Тридцать второй – Мансуру. Шакалов отработали.

– Понял, возвращайтесь. Нам ещё в среду Медведя встречать...

– Откуда был сигнал? – сбросив наушники, обернулся Юсупов к начальнику связи.

– Кажись, с Октябрьского... – тот спешно настраивал пеленг. – Точно, первый в районе Минутки шарится, а этот, Мансур, где-то в Черноречье.

– Минутка, Минутка... – майор машинально взглянул на часы. – Кто же там мог быть из наших?

Шакалами боевики именовали «вэвэшников». Армейцы удостоились у чеченцев чуть более сносной клички – собаки. Лишь десантников, разведку и спецназ чеченцы с заметной опаской называли гоблинами.

– Обождите, товарищ майор, – вмешался в разговор один из контрактников. – Это не соседи влипли?

– Уральцы? Откуда им там взяться? – начал было начальник связи, но Юсупов перебил его:

– Да нет, Петя, он сапёров имеет в виду... Точно! – Юсупов бросил взгляд на часы. – Они в это время аккуратно с маршрута возвращаются. – Рог! – окликнул майор дежурного солдата-связиста. – Зови старшего прапорщика Быкова, скажи, через пять минут выезжаем.

Уже подбегая к штабной палатке, Юсупов понял, что не ошибся. За «колючкой», отделявшей разведбат от стоявшего по соседству инженерно-сапёрного батальона, царила нервная суeta. Дымя соляжкой, из парка выкатывали бэтээры, на которые тут же запрыгивали солдаты и офицеры. Следом за ними, стреляя глушителем, выкатила «таблетка» – раздолбанный уазик с красным крестом на боку.

– Ты уже здесь? А я за тобой посылать собрался! – комбат, полностью экипированный, вышел из палатки, на ходу пристёгивая к автомату перемотанные изолентой магазины. – Поехали, Саня. На Минутке подрыв!

«Тридцать второй... Кто бы это мог быть? Уж больно голос знакомый...» – между тем думал Юсупов, вскарабкиваясь на броню.

* * *

Сапёры попали в засаду, не доходя до перекрёстка, вблизи маленького стихийного рынка, который уже оцепили бойцы и местные милиционеры. Стражи порядка, судя по внешности и экипировке – из чеченского ОМОНа, шерстили торговые ряды, время от времени выводя закованных в наручники молодых чернявых парней.

На обочине зияла свежая воронка. На растрескавшемся асфальте темнели комья вывороченной глины, белели обрывки окровавленных бинтов, блестели россыпи тяжёлых металлических шариков вперемешку со ржавыми кусками рубленой арматуры, которыми был начинён фугас.

Юсупов первым прыгнул с брони, на ходу увернувшись от вырлившей навстречу «таблетки». Вслед узику устремился бэтээр сопровождения, на ходу разворачивая башенный пулемёт в сторону ближней полуразрушенной пятиэтажки.

– Крепко досталось? – поинтересовался Юсупов, подходя к командиру сапёров.

– Один «двухсотый», да четверых осколками посекло, – хмуро отозвался тот. – А головной боец из прикрытия, считай, в рубашке родился: его аж в воздухе перевернуло! Думали всё, каюк, а его только контузило малёк! – подполковник удивлённо крутанул лобастой короткостриженной головой, будто сам ещё не до конца поверил в случившееся чудо.

Тем временем Быков, осторожно ступая, направился к воронке. Взгляд цепко скользил по земле, будто отыскивая оброненную мелкую вещицу. Следом за прапорщиком ступал его бессменный помощник и ученик Рушников, дембель из третьей роты.

– Ну что, Анатолич, опять тот же хмырь сработал? – нетерпеливо спросил комбат, наблюдая за действиями сапёра.

– Он, стопудово, – буркнул в ответ Быков, продолжая сканировать глазами каждый сантиметр пути.

Старшего прапорщика Быкова, прозванного Кротом, знала почти вся группировка. Начиная с сапёром ещё в Афгане, а после пройдя Карабах, Абхазию, Осетию и первую Чечню, он разбирался в минах, фугасах и прочих смертоносных игрушках, что называется, от и до. Чуял за версту зарытые на глубине «сюрпризы», определял по уловимым лишь для него одному приметам тип взрывного устройства и индивидуальный почерк минёра. После окончания первой чеченской уволился было из войск, но, не найдя себя на «гражданке», вернулся обратно, аккуратно к началу новой войны. Попад в разведбат, Крот обрёл второе дыхание, оказавшись среди таких же, как и он сам. Но даже тут Быков стоял особняком. Он мог, найдя фугас, не обезвредить его, а переустановить так, чтобы спустя некоторое время на нём подорвался сам чеченский минёр, попытавшийся выяснить, почему не сработал его «подарок». Найденные схроны и тайники «дúхов» также минировались им, равно как и лесные и горные тропы, по которым ночами шныряли боевики. Счёт «дúшков», отправленных им на тот свет, давно перевалил за несколько сотен, потому Крот числился кровником почти у всех местных тейпов.

В батальоне Быков был наиболее близок Юсупову. Их роднило и то, что оба не имели ни семьи, ни другой родни, находя смысл своего существования в тяжёлой кровавой работе, и то, что оба были уникальными профи – каждый в своём деле. И Крот, изобретавший всё новые хитроумные ловушки, что были не по зубам самым матёрым «дúховским» взрывотехникам, и он, Метис, умевший просчитывать ходы противника на несколько позиций вперёд, понимали друг друга с полуслова, с полувзгляда.

Вот и сейчас, наблюдая, как Быков осторожно подходит к воронке, майор интуитивно чувствовал, что цепкий глаз друга высмотрел среди вывороченной, перемешанной с кровью земли что-то ещё невидимое и опасное.

– Значит, проводной фугас? – вопрошал Рушников Крот.

– Так точно. Пару дней назад заложен, – сосредоточенно отвечал боец. – И скорее всего...

– Тихо, тихо! – цыкнул прапорщик. – Давай, дуй за инструментом, ща разберёмся, – и, обернувшись к сгрудившимся за его спиной офицерам, махнул рукой, приказывая отойти.

Спустя полминуты Рушников притащил из бронетранспортёра ломик с сапёрной лопаткой, и Крот, поддев кусок асфальта на обочине, начал аккуратно рыхлить землю. Выкопав небольшую ямку, похожую на лисью нору, прапорщик запустил в неё руку, что-то нащаривая на дне. На миг в его глазах промелькнул азарт, какой бывает у игрока, вытащившего из колоды заветный козырь, и тут же вновь сменился прежним напускным равнодушием. Быстро оглядевшись, он подал едва уловимый знак Теплову и Юсупову.

– Короче, там второй фугас запрятан, – шепнул он подошедшим разведчикам. – Ну что, я им займусь, или засаду выставлять будем?

– Отработай и оставь, – беззвучно приказал комбат.

Крот с нескрываемой досадой кивнул и, быстро достав что-то из набитого под завязку разгрузника, вновь запустил руку в нору.

– Что там у вас? – забеспокоился наблюдавший за ними командир сапёров.

– Да показалось! – Быков жестом фокусника молниеносно извлёк откуда-то обрывок медной проволоки и, вскинув руку, продемонстрировал её подполковнику. – Хрень эта из земли торчала, я и подумал, что антенна от радиоуправляемого... Заметил всё-таки, – шёпотом выругался он. – Так и сорвёт затею...

– Не дрейфь, Анатолич, прорвёмся, – всё так же еле слышно бросил комбат и, изобразив на лице расслабленно-спокойное выражение, присел рядом с Кротом. Следом на обочину опустился и Юсупов, закрывая прапорщика от посторонних глаз с другой стороны.

На его памяти это был уже не первый случай, когда приходилось подобно заправскому актёру изображать полнейшую беззаботность, дабы те, кто находился вокруг, не догадались о таящемся под землёй заряде. Среди снующих вокруг чеченских милиционеров, случайных прохожих, стайки мальчишек, лазающих в ближних развалинах, вполне мог оказаться не один вражеский наблюдатель.

Глядя, как Быков на ощупь ведёт смертельный поединок с фугасом, Юсупов ощущал себя висющим над пропастью на хлипкой, готовой оборваться в любой момент верёвке. Из-под сферы, обжигая лицо, катились ледяные капли пота, тело казалось чужим, будто сплошной деревянный протез.

– Так, с чего же ты не сработал?.. – бормотал Крот, шерудя руками под землёй. – Ай-ай-ай, неужто Акела наш промахнулся?.. А, вот оно: контакт хреново закрепил!.. Придурок, кто ж такие вещи напарнику доверяет?

– Ты о чём? – всё так же продолжая играть на публику, растянув в улыбке резиновые губы, шёпотом спросил его Юсупов.

– Да о том, что не Кулибин эту игрушку ставил... Мастерил сам, а закладывать кому-то другому поручил...

Кулибиным Быков окрестил неведомого «духовского» минёра, с которым вот уже четвёртый месяц они вели невидимую охоту друг на друга. «Сюрпризы» этого чеченского взрывника ещё ни разу не удалось вовремя обнаружить даже самым опытным сапёрам. Исключение составлял лишь Крот.

– Есть! – тем временем выдохнул Быков. – Всё, можно зарывать, – приказал он Рушникову. – Только аккуратно, чтобы не пронюхал этот урод, что мы его детище малёк подпортили.

Юсупов почувствовал, как стискивающий сердце обруч страха разом ослаб, и оно, освободившееся от оков, забухало тяжёлой кувалдой, наполняя тело крупной дрожью. Ослабив лямки бронежилета, он поднялся на нестойкие ноги и, загребая ботинками комья грязи, побрёл к своему бэтэру.

Навстречу ему попала очередная группа местной милиции, гнавшая в «воронок» ещё двоих соплеменников. Один из задержанных, молодой парень, судя по одежде иговору – из высокогорного села, ухватив конвоира за рукав, что-то умоляюще лепетал. В следующий миг рядом выросла крепкая фигура в штатском, и арестованный буквально переломился пополам от мощного удара в живот. Уже в падении его настиг второй – рукояткой пистолета, пришедшийся точно в затылок. Штатский смачно выругался на местном наречии, и Юсупов тут же узнал в нём здешнего начальника розыска Рамзана Магомедова.

Магомедов был кяфиром, по-чеченски – отступником от веры. Он происходил из мелкого горного тейпа, название которого уже позабыли в республике. Накануне первой чеченской кампании Рамзан воевал в оппозиции Дудаеву, после, когда были убиты его молодая жена и двухмесячный сынишка, бесследно исчез, объявившись в начале второй Чечни в отряде гантамировцев.

Начальник розыска находился в должности неполных два года, однако уже каждый второй тейп объявил капитану кровную месть. За его голову назначались баснословные суммы, только за последний месяц его машину дважды обстреливали из засады, но Магомедов, будто родившись в сорочке, каждый раз оставался невредимым и продолжал мстить за погибшую семью, словно волк-одиночка, объявивший войну собственной стае.

Казалось, он тяготится тем, что родился чеченцем, держась особняком даже от сослуживцев-милиционеров, зато почти каждый месяц приезжал в гарнизонный госпиталь в Северном, сдавая кровь для раненых русских солдат и офицеров.

...Тем временем начальник розыска, в очередной раз пнув корчившегося на земле парня, обернулся и наконец заметил Юсупова. Тут же перекошенное ненавистью лицо капитана преобразилось.

- Здравствуй, брат! – произнёс он, шагнув навстречу.
- Маршалла ду хойга, ваша! – эхом откликнулся по-чеченски Юсупов.

Улыбка Рамзана не походила на те, что изображали при встрече с русскими другие вайнахи. В ней не было ни грамма фальши, а в глубине антрацитовых глаз не мелькала затаённая ненависть, презрение, вероломство, а лучилось искреннее дружелюбие и доверие.

– Как сам, брат? – спросил Магомедов, обнимая приятеля за плечи. Не коснулся, согласно местным обычаям, щеки, а по-русски сжал локоть, похлопал по спине, как обычно встречаются боевые друзья после долгой разлуки.

– Живой пока. А ты, я смотрю, по-прежнему воюешь, – Юсупов кивнул на окровавленного чеченского парня, которого волокли в «воронок» милиционеры. – Думаешь, он из этих?

– Не думаю – знаю. Я их, шакалов, за версту чую!.. Его мой человек на рынке ещё за час до подрыва приметил: всё крутился возле лотков да на дорогу косился, ишак сраный! – Рамзан говорил почти без акцента, сдабривая речь

крепким русским матерком. В его голосе то и дело проскакивала едва заметная хрипотца, звучащая непривычно для его высокого, почти мальчишеского голоса. – Жаль, что лишних глаз много, а то бы я этого щенка на месте кончил!..

Магомедов не блефовал. С месяц назад он в одиночку выследил и взял связника, одного из здешних грозненских эмиров, на месте жёстко допросил его, а после хладнокровно пристрелил и спрятал труп. Найденная при боевике карта, переданная капитаном Юсупову, позволила обнаружить несколько схронов с оружием и взрывчаткой в Чернореченском лесу.

– Слушай, Саня, у тебя пара минут есть? – опомнился Рамзан. – Пошептаться бы надо...

Они подошли к неприметной «шестёрке», возившей начальника розыска. Водитель, молодой черноусый джигит, по виду то ли ингуш, то ли аварец, при их появлении деликатно покинул салон.

– Не местный? – кивнул на удалявшегося шофёра Метис.

– С Махачкалинского ОМОНа, – подтвердил догадку Магомедов. – С грехом пополам выпросил, чтобы его на пару месяцев ко мне прикомандировали. Нашим же, вайнахам, верить нельзя: почти все с басаевцами повязаны. Днём мент, ночью – «непримиримый»!.. Ладно, шайтан с ними, – опомнился капитан. – Держи адресок, – он извлёк из внутреннего кармана кожанки сложенный вчетверо лист бумаги. – Здесь, на Гудермесской живёт. Водила с «Грозэнерго» и по совместительству – снайпер. Это он эфэсбэшника в июле на Пригородном завалил!

– Точно?

– Отвечаю. Я тут намерен одного пса из отряда Татаева взял, прессанул его по-взрослому, он и сдал мне эту суку с потрохами... Да, и ещё... есть у меня информация, что на днях какого-то генерала вашего собираются грохнуть...

В стекло постучали. Подошедший к машине комбат подал знак закругляться.

– Что стряслось, Иваныч? – Юсупов, спешно простившись с Рамзаном, вылез наружу.

– Поехали, – отрывисто приказал Теплов. – С базы передали: Ремаревича черти принесли!

* * *

Помощник гарнизонного прокурора Ремаревич, subtilный чернявый подполковник, обосновался в штабной палатке. Вольготно расположившись напротив начштаба, он со смаком затягивался приторно-мятной сигаретой, отчего некурящий Коротков невольно морщился и отворачивался в сторону. Тут же, в палатке, присутствовал и особист Асташин, молодой, крепко сбитый майор.

При появлении комбата и Юсупова Ремаревич изобразил на лице нечто вроде брезгливого укора, словно учитель при появлении опоздавшего на урок нерадивого школьника.

– Как ни приеду – никогда вас на месте нету! – вместо приветствия саркастически бросил он Теплову, даже не поднявшись со стула.

Подполковника не любили как в опекаемых им частях, так и среди своих прокурорских офицеров. За ним ходила дурная слава выскочки и карьериста с мохнатой лапой в Москве. Имелись слухи и о его тайных шашнях с чеченцами. Настораживало хотя бы то, что, в отличие от других офицеров, он безбоязненно разъезжал по Чечне на обычном уазике с прикомандированным бойцом-водителем, без охраны, вооружённый лишь штатным «макаровым».

Расследуя боестолкновения, случавшиеся между войсками и чеченцами, помощник прокурора почти всегда брал сторону последних. С его подачи против военных возбуждались уголовные дела, солдат и офицеров таскали на допросы, мотая им нервы, отбивая дальнейшую охоту воевать.

Даже внешний облик подполковника – худое востроносое лицо, пухлые, брезгливо вывороченные губы, надменно-насмешливая манера говорить – вызывали неприязнь у каждого, кто хотя бы раз сталкивался с ним.

Вот и сейчас, судя по настрою Ремаревича, он пожаловал в батальон с очередным камнем за пазухой.

– Значит, мы всё воюем? – насмешливо вопрошал он, рассматривая комбата, как удав кролика. – Палим, значит, из всех стволов куда глаза глядят?

– Вы о чём, товарищ подполковник? – холодно переспросил Теплов, ответно уставившись в упор на собеседника.

– Всё о том же, Николай Иванович, – нарочито сочувственно ответил Ремаревич, изобразив грустную улыбку, – о сегодняшней ночи. – И в тот же миг напускное добродушие мигом исчезло с его лица. – Ведь был же приказ: в сторону населённых пунктов огня не открывать, а вы? Из АГСов по спящим людям! А в результате – один раненый, да и остальные чуть ли не перепуганы до смерти!

– Что ещё за раненый?

– Эльхан Мацоев. Уважаемый человек, между прочим, в милиции служит, – Ремаревич приоткрыл лежащую перед ним на столе новенькую кожаную папку и пошелестел бумагами. – Вот, осколочное ранение бедра, предположительно из подствольного гранатомёта или же из АГС...

– Из АГСа?! – вмешался в разговор начальник штаба. – Да до села километр с лишним будет! Он туда ни в жизнь не добьёт, а уж подствольник – подавно!

– Небось этот ваш милиционер в «зелёнке» вместе с боевиками ошивался, – впервые подал голос особист, чуть приподняв своё узкое лисье лицо, как-то не

сочетавшееся с его плечистой кряжистой фигурой. – Только не надо на ходу сочинять, что он, мол, пальбу слышал и в одиночку разбираться бросился!

– Ладно, не умничайте, – отпарировал Ремаревич, но по его лицу было видно: реплика контрразведчика застала врасплох. – Я вообще-то не уполномочен за местными надзирать... Хорошо, – он сделал небольшую паузу, словно пытаюсь восстановить статус-кво, подобно боксёру, пропустившему удар. – А по поводу вчерашней драки что скажете, когда ваш солдат троих из бригады избил?

– Солодов? – комбат ещё больше подобрался, набыл голову. – Так они, эти дембеля-беспредельщики, первые полезли, деньги отобрать хотели!

– Да. Вот объяснительные, – подтвердил начальник штаба, доставая из стола несколько исписанных листов.

– Фу, – поморщился Ремаревич, брезгливо выпятив нижнюю губу. – Ну и выражения у вас, товарищ подполковник! Не командир, а пахан какой-то, честное слово! Неудивительно, что ваши подчинённые только кулаками и умеют отношения выяснять! ...Вот потому у вас и всё не слава Богу, – чуть помедлив, вновь заговорил он, – то мордобой, то ещё чего похуже... Этот Солодов, если не ошибаюсь, из вашей роты? – повернулся он к Юсупову.

– Так точно, – сухо отозвался тот.

– Вот-вот, в подразделении чёрт-те что творится, а командира на месте днём с огнём не сыскать, – удовлетворенно продолжал помощник прокурора. – Чем же вы заняты, Александр Асланович? – он намеренно сделал ударение на чеченском отчестве Метиса.

– Майор Юсупов выполняет особое задание группировки, – ответил за подчинённого комбат. – Обязанности командира первой роты временно исполняет старший лейтенант Добрынин.

– И в это задание входят ночёвки в штабной палатке, а не с бойцами в подразделении? – хитро прищурился Ремаревич. – Или же это вы, Николай Иванович, для друга своего на такие привилегии расстарались? Вы же в своё время, если не ошибаюсь, в одной роте служили?

– Какое это имеет значение?! – глухо огрызнулся Теплов.

– Всё на этом свете имеет значение, – философски изрёк помощник прокурора. – Факты, знаете ли, упрямая вещь. До вас здесь батальон из Нальчика стоял, так все полгода тихо было. А как вы прибыли, почти каждый день что-нибудь да приключится.

– Это вы к чему?

– О том, что вы не желаете ладить с местным населением, – ответил Ремаревич. – Пора бы уже понять: война закончена, надо прекращать видеть в каждом чеченце заклятого врага. Ведь если разобраться, то и мы сами во многом виноваты: сначала при царе-батюшке выжигали их целыми сёлами, потом при Сталине выслали к чёрту на кулички... Эх, товарищи офицеры, неужели трудно... – он покосился в сторону особиста и опомнился, осёкшись на полуслове. – Короче, с вашим бойцом, Солодовым, мы ещё будем разбираться конкретно. Где он, говорите, в госпитале?

– Так точно, в Северном, – кивнул начштаба. – Ранен при обстреле этой ночью.

– Жаль, но это не снимает с него ответственности, – желчно усмехнулся Ремаревич. – В общем, товарищи офицеры, моё дело предупредить... – он поднялся со стула и, холодно кивнув на прощание, вышел прочь.

На некоторое время в палатке повисла тишина, нарушаемая лишь жужжанием одинокой мухи, бившейся в задраенное полиэтиленом окошко.

– А счастье было так близко, так возможно... – особист первым нарушил молчание. – Да брось переживать, Иваныч, – он успокаивающе махнул рукой комбату, всё ещё продолжающему нервно играть желваками. – Найдём и на него управу!

– Что-то долго ищите, – хмуро отозвался Теплов, опускаясь на стул.

– Мы тоже не Боги... – контрразведчик невесело усмехнулся, и тут же его лицо обрело прежнее напряжённо-пытливое выражение. – Вы лучше, мужики, мне вот что скажите: кто из посторонних за последний месяц шлялся у вас по территории?

– Ты это о чём?

– О том, что нохчи этой ночью прицельно по «кашеэмке» долбили, – Асташин окинул офицеров цепким вопросительным взглядом. – Считай, половина мин в том квадрате легла. Ну так кто?

– Так, «кашеэмку» мы на новое место перегнали двадцатого, – комбат наморщил лоб. – Причём так, что ни с КПП, ни от штаба её не заметить. Так что, кроме наших, видеть её могли за это время только соседский комбриг, да ещё Носырев с разведотдела округа, что на замену прилетал... Стоп! – он вдруг звучно хлопнул себя по лбу. – Наш законник был здесь неделю назад!

– Точно?

– Точней некуда.

– Значит, опять Ремаревич, – особист недобро усмехнулся. – Что ж, учтём... А ещё чего слышно? – после небольшой паузы поинтересовался он, переводя разговор на другую тему.

– Ну про сегодняшний подрыв ты уже в курсе, а так... – комбат задумчиво пожал плечами. – Есть данные, что Султанов на днях в Заводской вернулся, небось опять на колонны охоту начнёт.

– Ещё под вечер перехват был, – добавил Юсупов. – Сорок третий сообщал, что у него взрывчатка на исходе и просил Мансура подсобить... Двадцатый, Махоев, вроде на отдых в Ингушетию собрался... Ещё этот Гоча неизвестный позавчера Мансуру назначал встречу на запасной точке... – Метис напряжённо перебирал в памяти обрывки чеченских фраз, услышанных в эфире. Вновь и вновь мысленно переносился в железное нутро фургона, где в наушниках среди шороха и треска звучала гортанная речь, выкликались позывные и коды врага. Уже был готов произнести привычное «Вроде всё...», когда в ушах вдруг отчётливо зазвучал текст последнего перехвата, фраза Мансура о неведомом Медведе, слово «кхаара» – «среда». И тут же, вслед за этим, перед глазами возникло озабоченное лицо Магомедова, обронившего что-то о покушении на неизвестного генерала. – Обожди, было! – Юсупов многозначительно взглянул на особиста, а затем на комбата. – Сегодня в пятнадцать сорок, когда Тридцать второй отчитывался Мансуру о подрыве на Ханкальской, тот в эфир обронил,

что в среду им какого-то Медведя надо встречать. И потом мой человек тоже сообщил, что «дúхи» кого-то из наших генералов собираются шлёпнуть...

– Подожди-подожди, – перебил его Асташин. – В среду... в среду... Точно, накануне целый хурал из Москвы ожидается во главе с Гудымой!

– Медведь!.. Точно, о Гудыме речь шла! – подхватил комбат. – Как же я сразу-то не допёр!..

Замглавкома Гудыма слыл в войсках одним из самых отчаянных «окопных» генералов. Начиная в десанте, провоевавший два года комбатом в Афгане, а после, перейдя в ВВ, – комбригом в первую Чечню, он снискал себе славу лихого вояки. Был тяжело ранен в девяносто пятом, однако выкарабкался. Год назад, будучи начальником штаба группировки, провёл несколько громких операций, отправив к праотцам с десятком видных вожаков «непримиримых».

Гудыма был одним из немногих, кто не боялся принимать смелые, подчас рискованные для собственной карьеры решения. Воевал без оглядки на высшее руководство и особенности текущей политики, обретая всё больше кровников на Кавказе и недругов среди их московских покровителей. Несколько раз злые языки поговаривали о близкой отставке строптивного генерала, но вместо ожидаемого указа о снятии Гудыма, напротив, взлетел до первого зама главкома.

Высокая должность ничуть не изменила его. В отличие от других генералов, он не обрёл штабного лоска и вальяжности, и даже добротный мундир сидел на нём как-то неловко, по сравнению с камуфляжем. Не изменил Гудыма и своим привычкам, как и прежде держась особняком от остальной вельможной многозвёздной братии, за что ещё в округе получил от сослуживцев прозвище Шатун. На медведя-одиночку замглавкома походил и внешне: крупный, с широкими, чуть ссутуленными плечами и сильными неторопливыми движениями.

Весть о скором назначении командующим группировкой Гудымы взбудоражила Чечню. Местные начальники, переплетённые узами родства с боевиками, были раздосадованы и не на шутку напуганы. Войска же, а особенно спецназ и разведка, напротив, воспряли духом, предчувствуя возможность от души поквитаться с «дúхами».

И теперь каждый из сидящих в штабной палатке понимал, что попытка устранить Шатуна – многомерный хитроумный замысел, за которым отчётливо просматривалось желание не только здешних полевых командиров. Интерес к кавказской бойне простирался далеко за пределы Чечни и даже самой России – от турок и талибов, мечтавших подмять под себя южных соседей, до высоких чинов из-за океана.

– Да, вляпались мы по самые уши... – задумчиво произнёс комбат. Карандаш в его руке сочно хрустнул, осыпаясь неровными осколками из-под пальцев. – Вяжемся в это дело – точно сожрут с дерьмом!..

– Шишек себе набьём будь здоров! – подтвердил начальник штаба. – Не «дúхи», так свои пистонов навставляют. Здесь не погоны – головы полетят!

– Ситуация, конечно, хреновая, но... – начал было особист, однако Теплов бесцеремонно прервал его:

– Что «но»?! Здесь не обычные разборки, здесь, между прочим, большая политика замешана! Думаешь, зря сюда этот прокурорский прихвостень зачастил? Чего-то он и сапёров, и уральцев так не окучивает!.. Словно команду получил нас на коротком поводке держать!.. Мы три дня назад «дúховскую» базу под Кирово накрыли, так нате – ночью обстрел, а сегодня этот Ремаревич чуть ли не напрямую заявляет: уймитесь, мол, по-хорошему! А мне это надо?!.. – голос комбата сорвался на крик. – Вон, «краповики» месяц назад на зачистке грохнули местного эмира, а тем же вечером «дúхи» прямо по рации им заявили: типа ещё раз сунетесь – вашим родным кирдык! И точный адрес общаги назвали в Саратове, где их семьи остались!..

Юсупов видел, как на шее комбата вздулись вены, костяшки сжатых кулаков побелели, глаза враждебно сузились и буквально сверлили контрразведчика. Гневные слова, что бросал Теплов в лицо особисту, были вызваны не только сегодняшней бессонной ночью, когда подполковник наравне со всеми отбивал атаки боевиков, потом отправлял раненых, а после целый день объяснялся с начальством из группировки. Эти же слова множество раз повторяли его разведчики в курилках и в редкие часы застолий.

– Я воевать никогда не отказывался, только разве это война? – комбат поднялся, шагнул вперёд, расправляя плечи, словно пытался заслонить собой сидящих позади Короткова и Юсупова. – В мае, когда Асланбека под Гехи брали, мы двоих бойцов положили – и что? Передали этого урода тутошним ментам, а в июле он уже опять в своей банде верховодил!.. А с краснодарцами, помнишь, как обошлись? Они в лесу целый отряд накрыли, семерых только «двухсотыми» потеряли, а на них потом ещё и дело завели: типа те десять «дúхов», которых они завалили, на самом деле мирными оказались! Стволы, видите ли, что при этих бандюках были, куда-то испарились, после того как там прокуратура пошерудила!.. А здесь – с Гудымой – дело будет покруче!..

Асташин молчал, задумчиво созерцая пустоту.

– В общем, Василий, можешь докладывать куда следует, – уже другим – усталым и отрешённым – тоном заключил Теплов. – Расстрелять меня не расстреляют, разве что снимут да в какую-нибудь дыру с понижением ушлют. Я своё слово сказал: ни собой, ни своими людьми я впустую рисковать не собираюсь.

– А зачем вообще напрямую отказываться? – пожал плечами Асташин. – Можно просто, как положено, доложить наверх и потом по инструкции исправно сообщать о ходе операции. Тогда уж точно утечка стопудово будет, и «дúхи» свой сценарий переиграют. В другой час, в другом месте Гудыму подловят и грохнут, как собирались. А на группировку пойдёт Ханукаев.

– Кто?.. – изменившимся голосом переспросил комбат.

– Генерал-полковник Ханукаев. Тот самый, который в позапрошлом году в Ханкале начштаба был, помнишь?

– Ни хера себе!.. – невольно вырвалось у сдержанного на ругательства начштаба.

В палатке вновь воцарилось молчание. Ханукаев, некогда второй человек в группировке, за неполные полгода успел прославиться кучей откровенно вредительских приказов и распоряжений. Так, оставшись за командующего на

неполные два месяца, он первым делом свернул все спецоперации, позволив боевикам передохнуть и накопить сил.

– Значит, опять снова-здорово, – угрюмо сказал комбат. – «Духов» типа не трогать, нехай нас режут, как баранов... Так когда, говоришь, Шатун прилетает? – уже совсем другим тоном переспросил он контрразведчика.

– В будущий понедельник.

– Интересно, где же они ему западню собираются устроить? – Теплов, наморщив лоб, обвёл офицеров вопросительным взглядом. – У кого какая мысль есть?

– Думаю, Ханкалу брать приступом они вряд ли решатся, – начал первым размышлять особист. – Вертушку подбить? А почему тогда они про среду говорят? Стоп, Гудыма в среду, скорее всего, сюда наведается!

– А отсюда – по «блокам»! – подхватил Коротков. – Он же любит на броне по заставам отдалённым раскатывать. Только откуда «духи» его маршрут знают? Шатун ведь в этом плане непредсказуем! Помните, как в прошлом году он сначала к питерцам собирался, а потом вдруг на Кирово двинуть решил?

– Если от нас, то он, скорее всего, на двадцатый блок поедет, – медленно, словно взвешивая каждое слово, произнёс Юсупов. – У него же племянник там командует. И от нас туда всего одна дорога – мимо завода, вдоль «зелёнки», где можно дивизию «духов» спрятать...

* * *

– Значит, по-твоему, они у завода засаду сделают? – уже на улице в который раз переспросил Асташин.

– Там, больше нигде, – подтвердил Юсупов, чиркая зажигалкой. – Только вот ещё знать бы, где конкретно. Завод километра на полтора тянется, да за ним ещё «зелёнки» с версту, до самой «двадцатки»... Видимость – ноль, стадо слонов в сотне метров пройдёт – хрен заметишь!

– А работать здесь будет Месхиев, – контрразведчик как-то странно и испытующе взглянул на собеседника. – Слушай, Сань, давай-ка отойдём в сторонку, разговор есть.

Они свернули к бетонным блокам парка боевой техники, где на отшибе, у самой «колючки», сиротливо притулилась старая солдатская курилка.

– В общем, ты в курсе, что Месхиев из одного тейпа с твоим отцом? – понизив голос, спросил контрразведчик, усаживаясь на облупившуюся скамейку.

– Впервые слышу. А что? – Метис скептически покосился в сторону особиста. – У ваших опять сомнения насчёт меня?

– Брось. Просто, сам понимаешь, – тот замялся, опустив глаза. – Наша контора всегда перестраховываться любит... В общем, всё нормально, добро на твоё участие в операции дадут, обещаю, если... – он вновь сделал паузу, – если ты сам не откажешься...

– Не дождётесь! – враждебно усмехнулся Юсупов, испытав глухое раздражение. – Не переживай, голос крови не зыграет! Даже если придётся...

– Нет, не придётся, – поспешно перебил его оперативник. – Батя твой ещё в первую войну в Бамуте погиб.

– Жаль, не довелось мне ему в глаза взглянуть, – Метис выщелкнул окурок далеко за «колючку». – Зато небось вся остальная родня у Мансура под ружьём, так?

– Да нет. Ты, наверное, не в курсе... У твоего родича после тебя больше сыновей-то и не было... Ладно, ты лучше скажи, – Асташин снова цепко огляделся по сторонам. – Человек, про которого ты в штабе говорил, – Магомедов?

– Он, – чуть помедлив, подтвердил Юсупов. – А что?

– Да нет, с ним как раз всё чисто, – опережая вопрос товарища, торопливо сказал Асташин. – Он с самого начала против Дудаева стоял. Отчаянный мужик и умный. Его же семью хохлы-наёмники вырезали, в нашу форму переодетые. Под федералов работали, гады! Думали, он озверееет и к своим собратьям в горы уйдёт. Ошиблись! Только и с нами он не особо рвётся сотрудничать. Одному тебе и доверяет...

* * *

Ближе к полуночи, когда в темноте гулко забахала артиллерия, начав очередной обстрел квадратов, где могли прятаться банды, два бэтээра выкатили из расположения батальона, взяв курс на город.

Не доезжая Минутки, на «блоке» бурятского ОМОНа, «коробочки» притормозили. Загнав машины в тень, дабы притаившийся во тьме вражеский гранатомётчик не взял их на прицел, «летучие мыши», выставив охранение, исчезли за воротами опорного пункта.

Когда же разведчики вернулись, таща с собой увесистый ящик, а их старший на прощание обнимался с омоновским командиром, ещё одна группа, выпрыгнувшая под шумок из десантных отсеков транспортёров, уже отмахала с километр по «зелёнке» вдоль частного сектора.

Свернув в проулок между добротным свежестроенным кирпичным особняком и ветхой покосившейся лачугой за щелястым забором, разведчики нырнули в развалины соседнего дома, двухэтажной панельной постройки. Беззвучно по двое, по трое рассредоточились по позициям, заново слившись с непроглядной темнотой.

Юсупов и Быков вместе с бойцом-связистом притаились у оконного проёма, точно напротив места сегодняшнего подрыва. Сквозь прибор ночного видения в неестественно зелёном свете Метис отчётливо различал обглоданный снарядами остов Дома быта на противоположной стороне, бесформенную кучу хлама на площадке перед ним, чахлые кусты на обочине, где под землёй таился второй неразорвавшийся фугас.

– Как мыслишь, придёт? – оторвавшись от окуляров, едва слышно поинтересовался майор, склоняясь к сапёру.

– Должен, – прошептал в ответ Быков. – И вообще, сдаётся мне, знаю я его.

– Кулибина?

– Ага, почерк уж больно знакомый. Зуб даю, что это кто-то из тех, что со мной в Афгане был. Так «игрушки» собирать и ставить только наш ротный умел, земля ему пухом. А спецов такого класса он вместе со мной от силы человек семь-восемь подготовил...

– А если твой Кулибин раньше или позже у него служил?

– Отпадает. Акчурин, ротный наш, вместе с нами «за речку» прилетел, а через полтора года его под Гератом снайпер снял... Вот только одно, – чуть помолчав, добавил прапорщик, – у нас в роте ни одного чечена не было.

– Значит, думаешь, не местный?

– Угу, к тому же...

– Восьмой – Шторму. Наблюдаю движение... – приглушённая скороговорка наблюдателя с левого фланга, прошелестевшая в наушнике, не дала Метису дослушать напарника.

– Внимание! Вепрь, Четвёртый, Второй... – захватив в ладони крохотный кругляшок портативного микрофона, будто пряча от ветра хлипкий огонёк зажигалки, в свою очередь забубнил Юсупов: – Объект на подходе...

Он не услышал, а уловил каким-то неведомым чувством осторожные шаги снаружи. В приборе ночного видения возникла млечная, похожая на мираж фигура. Замерла, озираясь по сторонам. Подождав с полминуты, вновь беззвучно заскользила к трассе.

Оказавшись на обочине, неизвестный в который раз повертел головой и присел, что-то извлекая из-под летней матерчатой куртки. Издав еле слышный металлический звяк, выворотил уже знакомый кусок асфальта. Ловко орудуя портативной, почти детской, лопаткой, начал рыхлить грунт.

– Внимание! Работаем! – выдохнул в рацию Юсупов.

Тотчас же из ближнего кустарника на обочину метнулись две стремительные тени, сшибая на землю чеченского минёра. И тут же откуда-то сзади ударили злые, захлёбывающиеся очереди, прочерчивая светящиеся трассы к копошившимся на обочине телам.

Выматерившись в голос, Юсупов рванул назад, к противоположному торцу полуразрушенного дома, где уже ответно загрохотали автоматы разведчиков, нашаривая раскалёнными свинцовыми пунктирами спрятавшихся в «зелёнке» напарников захваченного подрывника.

– Уроды, прикрытие проглядели!.. – яростно шептал Юсупов, паля в темноту.

В дальних зарослях что-то вновь промерцало, словно искрящаяся в ночи электросварка. Слева от окна, за которым находился майор, по бетону звучно зацокали пули. Следом раздался отдалённый хлопок, и мгновение спустя в нескольких метрах впереди, подобно лопнувшей автомобильной камере, оглушительно ахнула граната. В лицо Юсупову ударила волна спрессованного воздуха, уши заложило пронзительным звоном, и он на какое-то время провалился в пустоту.

...Звуки возвращались медленно, словно пробиваясь через плотный слой ваты. Вместо треска очередей и хлопков подствольников слух уловил сдавленные ругательства бойцов, приглушённые отрывистые команды Крота. Глаза различили несколько фигур, волокущих два обмякших тела. Первое грубо швырнули на землю, второго же бережно опустили и тотчас же склонились над ним. Луч фонаря выхватил из темноты запрокинутое лицо сержанта Минченкова. Ещё минуту назад лихо оглушивший вражеского сапёра, теперь он безжизненно распластался на земле.

– Аккурат в горло засадили, – долетел до Юсупова голос разведчика. Тем временем Крот, отыскав глазами командира, бросился к нему:
– Цел, Саныч, не зацепило?
– Ерунда, оглушило малёк, – пробормотал Юсупов, морщась от всё ещё не утихнувшего звона в ушах.

Облегчённо переведя дух, прапорщик шагнул к валявшемуся рядом чеченцу. Пнул под рёбра, заставляя перевернуться на спину, взгляделся в лицо пленника, досадно сплюнул:

– Не в цвет. Это, видать, напарник его – тот, что лажанулся давеча...

На дороге послышался надрывный рокот моторов. Со стороны Минутки по дороге неслись два батальонных бэтээра.

– Так, Минченкова – на первую «коробочку» и в Ханкалу, – окончательно приходя в себя, приказал Метис. – Может, сумеют ещё откачать... А этого с нами на базу! – кивнул он на корчившегося на земле чеченца.

* * *

Захваченного «дúха» допрашивали в старом кунге – фургоне-прицепе от армейского «КамАЗа». Пленника с закованными за спиной руками усадили на облезлую, привинченную к полу табуретку. За его спиной встал Добрынин, контролируя каждое движение чеченца. Напротив, за столом, расположились Теплов, Юсупов и Коротков. Последний положил перед собой диктофон и несколько чистых листов бумаги. Тут же в уголке примостился Быков, изучая собрата по ремеслу чуткими внимательными глазами.

– Фамилия, имя, год рождения? Где живёшь? – первым заговорил комбат, в упор уставившись на допрашиваемого.

– Хамхоев Али... Тысяча девятьсот восемьдесят второй... – чеченец – долговязый парень с вытянутым худым лицом – затравленно щурился от яркой направленной в глаза настольной лампы.

– Хьо мичахь векхаш ву? – по-чеченски повторил Юсупов последнюю фразу командира, заметив, как изумлённо дрогнуло лицо пленника, не ожидавшего услышать из уст «неверного» родную речь.

– Вехаш вара хиинца со Грознехь, – помимо воли вырвалось у него.

– В Грозном, говоришь? – с ходу угадал его ответ Теплов. – А здесь, – он кивнул на лежащий перед ним на столе новенький российский паспорт, – стоит штамп, что ты, вроде, в Наурской прописан...

– Что же ты, Али, второй фугас так хреново поставил? – неожиданно вмешался в разговор Быков. – Поленился контакты на совесть закрепить, или спугнул кто?

В глазах пленника вновь промелькнули страх и изумление, будто прапорщик прочитал все его потаённые мысли. Но тут же подрывник справился с собой, и на его лицо вернулось выражение покорности и непонимания:

– Какой такой фугас? Я мырный, Аллахом клянус!..

– Который ты хотел откопать, чтобы выяснить, почему он не сработал днём, – ответил за прапорщика начштаба.

– Нэ знаю ныкакой фугас! Я кабел викапывал, хотэл в цвэтмет сдат, – заученной скороговоркой затараторил чеченец. – Работа нэт, сэмя кушать нэ-чэго...

– Хорош свистеть! – оборвал его Теплов. – Пошёл за кабелем и взвод автоматчиков с собой прихватил? Последний раз спрашиваю, будем говорить?!

– Я нэ прычем, клянус...

Комбат криво усмехнулся и подал едва заметный знак Юсупову и Добрынину. Старлей кивнул, чуть отступил от боевика и с размаху вонзил в тело врага мощный, похожий на кувалду кулак...

...Истошные вопли «дúха», казалось, сотрясали стальные стены кунга, но Метис не испытывал ни смятения, памятных по первому допросу пленного боевика в начале второй Чечни, ни ослепляющей ярости, когда позже он видел в каждом из захваченных ублюдков убийцу своей матери. Подобное давно стало частью его работы, как для хирурга, полосующего скальпелем живую плоть.

Почувствовав, что подрывник вот-вот потеряет сознание, Юсупов и Добрынин остановились:

– Ну так как? Чей ты будешь? Месхиева или Гелисханова?

– Месхиева... – чеченец говорил с трудом, выталкивая из горла слова вместе с хрипом и невольными стонами.

– Где он сейчас?

– Нэ знаю, гдэ-то в горах, у Басаева. Он во вторнык должен вэрнуться, со всем отрядом...

– У кого он обычно останавливается?

– Нэ знаю... То лы в Кирово, то лы в Алхан-калэ...

– А здесь, в Грозном, кто над вами главный?

– Турпал Бекантиев... На Совэтской живёт...

– Точнее говори! – повысил голос Теплов. – Номер дома какой?

– Нэ помню...

– Опять брешешь! – подполковник угрожающе надвинулся на пленника. – Ладно! А ну-ка, мужики, – обернулся он к Юсупову и Добрынину, – подрихтуйте его ещё!

– Правда, не помню, мамой клянус! – заголосил боевик. – Я показать могу...

– А кто тебя фугасы ставить учил? – вклинился в разговор Быков.

– Он нэ из наших, нэ вайнах... Из Вылнуса вродэ, Артур зовут...

– Молодой, навроде тебя? – продолжал допытываться Крот.

– Нэт, лэт под сорок... Он ещё в Афганэ служил...

– Точно! – азартно прошептал прапорщик, обернувшись к Юсупову и комбату, и тут же вновь принялся тормозить пленника. – И где же его найти, этого Артура?

– Он уже нэдэлу нэ появлялся. Его Мэсхиев при сэбэ дэржит... Вроде к срэде должны оба вернуться...

– Ладно, закончим на сегодня, – устало сказал комбат, выключая диктофон. – Скажите бойцу, пусть дока кликнет, нам эта обезьяна, – он мотнул головой в сторону «дúха», – ещё завтра понадобится...

На улице они столкнулись с Асташиным, только что вернувшимся из рейда с соседней группой. Контрразведчик был возбуждён, подобно охотнику, выследившему и подстрелившему заветную дичь.

– Есть контакт, – довольно сообщил он разведчикам. – Взяли мы этого хмыря с Гудермесской вместе с винтарём, который он в нише под паркетом ныкал. Стопудово, это он нашего подполковника на Пригородном снял! – особист многозначительно посмотрел на Юсупова.

– Что ж, тогда пузырь с тебя, – ответил за Метиса комбат.

– Не вопрос, – радостно откликнулся Асташин. – Пошли ко мне, дёрнем коньячку по сто пятьдесят на сон грядущий...

– Товарищ подполковник, – из вечернего мрака вынырнул запыхавшийся дежурный. – Только что с Ханкалы сообщили: Минченков в госпитале умер...

* * *

Проспав от силы часа четыре, Юсупов вновь собрал группу и двинул на броневом в город. На передней «коробочке», справа от майора, находился вчерашний пленник. Одетый в камуфляж, бронежилет, разгрузку, сферу и в чёрной маске-чулке, чеченец был неотличим от остальных бойцов. На плече у боевика висел автомат с пустым магазином.

Оказавшись на Советской, колонна чуть сбавила ход и покатила вдоль глухих дощатых заборов частного сектора.

– Здэс он живёт, – Хамхоев кивнул на добротный, свежестроенный дом из красного кирпича. За высокой, в два человеческих роста, металлической оградой с брони просматривалась часть двора с навесом и гаражом, возле которого над капотом ярко-красной «десятки» склонился усатый молодой чеченец.

– А это, я так понимаю, сам Турпал? – указав глазами на хозяина «Жигулей», поинтересовался Метис.

– Он самый.

– Добре, – майор обернулся к сидевшему сзади Добрынину, «срисовывавшему» взглядом Бекантиева. – Этого под броню! – приказал он, кивнув на пленного. – И давай на вторую «коробочку» перебирайся. Сдается мне, что этот Турпал куда-то ехать намылился. Перехвати его и привези в гости.

Дождавшись, пока заместитель спрыгнет с брони, Метис слегка похлопал по торчавшей из люка голове водителя и бэтээр вновь набрал ход, держа курс за город, где текла, извиваясь, серая лента Сунжи.

На выезде из города разведчиков обогнала знакомая бежевая «шестёрка», призывно засигналила. Из окошка высунулся Магомедов, широко улыбаясь замахал Юсупову.

– Тормози! – приказал майор водителю, озабоченно взглянув на часы: встреча с капитаном не входила в его планы.

– Как сам, брат? – привычно обратился он, выходя навстречу соскочившему на землю Юсупову.

– Нормально, работаем тут потихоньку. Да, тебе спасибо за этого, который в «Грозэнерго» шофёром значился, – шепнул Метис на ухо другу. – Взяли его этой ночью вместе с «эсвэдэшкой».

– «Фэйсам» передай, если что: он в прошлом первый разряд по стрельбе имел, а то вдруг отпираться начнёт. А у нас опять человек пропал, – с лица начальника розыска внезапно сошёл прежний азарт. – Ночью во двор вышел по нужде и – с концами...

– Русский?

– Чеченец! Хамхоев Али, вулканизаторщиком на «Шиномонтаже» работал. Мать сегодня в отдел прибегала, места себе не находит... Небось опять выкуп будут требовать! – сыщик бросил косой взгляд в сторону далёких гор. – Уже второй случай за месяц, маму их...

Юсупов вдруг почувствовал вину перед приятелем. Пропавший вулканизаторщик как раз находился внутри его командирского бэтэра, в то время как капитан безуспешно пытался отыскать его.

– Ты что, Саня? – встревожено спросил Рамзан, заметив перемену в лице майора.

– Да так... – Юсупов замялся, мучительно соображая, как поступить. – Коротче, «дух» этот твой Хамхоев, Месхиева человек, – наконец решился он. – Взяли его ночью на том самом месте, где сапёры подорвались. С фугасом взяли.

– Вот чёрт! – выругался Магомедов. – Как же до меня раньше не дошло!.. И где этот шакал сейчас?

– Думаем «смежникам» передавать, – сделав над собой усилие, соврал майор. – А что?

– Эх, жаль!.. Порасспросить бы этого хрена про его хозяина... Я же Месхиева, сам знаешь, давно ищу... – Рамзан на миг потемнел лицом, и Юсупов вновь ощутил болезненный укол совести.

– Ладно, – он обернулся к сидевшему на броне сержанту-контракtnику. – Давай сюда эту обезьяну!

В глазах Магомедова вспыхнуло радостное изумление. Подобно старателю, отчаявшемуся отыскать в куче бесполезной породы заветную золотую крупичу, он посмотрел сначала на Метиса, затем на вызволенного из десантного отсека Хамхоева.

– Спасибо, брат! – выдохнул он, стиснув Юсупова в объятьях. – Считаю, что я тебе по гроб жизни обязан. Я-то уж вытрясу из этого шакала всё что только можно!

Он сгрёб пленника за шкурку, пинком запихнул на заднее сиденье. Втиснулся рядом, поддвигая боевика жёстким тычком локтя.

* * *

До пункта временной дислокации батальона оставалось минут десять езды, когда ожила рация в верхнем кармане разгрузника.

– Алмаз – Шторму. Объект отработали.

– Понял, возвращайтесь, – отозвался Юсупов, не сдержав довольной улыбки.

Но уже на КПП майор вновь испытал какое-то странное тревожное чувство. Оно же отпечаталось на хмуром лице дежурного по батальону.

– Ремаревич здесь, – доложил прапорщик. – Он вроде как Солодова прямо в госпитале арестовал.

– Чего?!

– Так точно! Да вон он идёт, – разведчик брезгливо мотнул головой в сторону крайней палатки, из-за которой выплыла приземистая фигура помощника прокурора.

– Твою мать! – повернувшись спиной к приближающемуся Ремаревичу, Юсупов выхватил рацию: – Алмаз, я Шторм. Погоди возвращаться.

– Не понял, Алмаз? – ответил в эфире недоумённый голос Добрынина.

– Побудь ещё в городе до моего сигнала, – нервно повторил майор. – Не суйся пока на базу, понял?

Отпустив тангенту, он также незаметно сунул рацию в жилет и повернулся в сторону подошедшего подполковника.

– Добрый день, Александр Асланович, – поприветствовал его Ремаревич и как всегда не сдержал усмешки. – Надо же, в кои-то веки в батальоне вас застал, а не на задании!

– Что с Солодовым? – процедил сквозь зубы Метис.

– Взят под стражу, – нарочито буднично ответил помощник гарнизонного прокурора. – За нанесение побоев, согласно постановлению...

– Он же раненый...

– Да, но ведь легко. Так, можно сказать, царапина. А если что, так и у нас доктора имеются.

– Слушай, чего ты добиваешься? – приблизившись вплотную к подполковнику, свистящим шепотом выдавил из себя Метис. – Что ты всё вынюхиваешь тут?

Ремаревич не ответил. Смерив Юсупова холодным насмешливым взглядом, он развернулся и зашагал к КПП.

* * *

Вот уже третий час разведчики допрашивали Турпала Бекантиева. Чеченец глухо стонал, терял сознание от боли, но продолжал молчать как рыба. И даже когда Добрынин, подвесив пленного на приваренный под потолком крюк, пропустил через него электрический разряд, горец не проронил не слова.

– Крепкий орешек, – вытирая пот со лба, констатировал старлей. – Не встречал ещё таких... Может, он и вправду зомби какой?..

– Зомби не зомби, а если не расколем, то считай Шатуну можно смело заупокойную заказывать, – отозвался Метис. – Ну что, последний вариант?

– Давай.

...Спустя полчаса, когда пленный, окончательно пришедший в себя, вновь был усажен на стул и Добрынин вновь начал обрабатывать упрямого «дúха», в кунг неожиданно ворвался Теплов. Лицо подполковника было настолько неподдельно свирепым, что Ключников, прапорщик из взвода спецразведки, работавший в паре со старлеем, опасливо отступил в угол, будто проштрафившийся первогодок.

– Прекратить!.. – яростный рык комбата на миг оглушил всех, кто находился в кунге. – Вы что, совсем нюх потеряли?! – загромыхал он, обращая свирепое лицо то на Юсупова, то на Добрынина, то на Ключникова. – Нам его особистам передавать, а они тут, понимаешь, прессовать его вздумали!..

Офицеры молчали, понуро опустив головы. Прапорщик медленно пятился назад, стараясь укрыться за широкой спиной Добрынина.

– Под трибунал хотите? И меня заодно подставить?! – продолжал кипятиться Теплов. – Его показаний в Ханкале ждут, как свежего воздуха, а вам бы только до смерти задолбать!..

– Так не сказал он ничего!.. – торопливо, словно оправдываясь, заговорил Юсупов, придавая лицу испуганно-жалкое выражение. – Молчит, как партизан, ядри его налево!

– Точно, товарищ подполковник, – подхватил Добрынин. – Говорит – мирный он и о Мансуре слыхом не слыхивал.

– Так, значит, ты ни при чём? – разом изменившись в лице, обернулся Теплов к пленнику.

Бекантиев в ответ кивнул, вскинув на комбата свои узкие желтоватые, как у рыси, глаза, в которых перемешались остатки недавнего страха, благородное негодование и только что промелькнувшее торжество.

– Приплыли!.. Пустышку вытянули... Вашу мать!.. – Теплов, не в силах сдерживать себя, шарахнул кулаком в железную стену вагончика. – Урыть бы вас, уродов, за такие дела! Придётся его теперь, – он кивнул на пленного, – списывать на хрен... Хорошо, что ещё в Ханкалу не успели доложить!.. Давай, тащи брезент, чтобы, как в прошлый раз, мозги по всему кунгу отскребать не пришлось, – приказал подполковник Ключникову. – И «макар» возьми с глушаком...

Юсупов заметил, как на непроницаемом лице чеченца начал проступать леденящий ужас, окрашивая смуглую кожу в неестественно белый цвет.

– Как же так, командир?.. – с трудом шевеля разбитыми губами, произнёс он.

– А что же, отпускать тебя прикажешь? – Теплов глянул на пленного отстранённо-брезгливо, как на отработанный, бросовый материал. – Чтобы нас всех, как бедолагу Буданова, в тюрьму упрятали? Как же, невиновного чуть до смерти не замучили! В общем, действуйте! – бросил он разведчикам, выходя прочь.

Спустя минуту по ведущей в кунг металлической лесенке застучали торопливые шаги, и в проёме возник боец-контрактник, таща в руках скатанный в рулон брезентовый мешок. Следом за ним появился Мельников, на ходу накручивая на пистолет воронёный цилиндр глушителя.

С непроницаемым лицом Добрынин шагнул к пленнику, отомкнул наручники, отцепляя его от металлической дужки стула. Вновь сковал их за спиной. Рывком за волосы нагнул голову горца, помогая Юсупову надеть на неё мешок.

В наступившей тишине звонко клацнул затвор пистолета, и в тот же миг чеченец словно очнулся, задёргался избитым телом.

– Стой! – хрипел он, барахтаясь в брезентовом коконе. – Позови командира, слышишь?!.. Командира позови!..

Юсупов облегчённо вздохнул и, не удержавшись, подмигнул Добрынину. Спектакль удался.

* * *

Заходящее солнце уже окрасило малиновыми лучами вершины гор, когда в штабную палатку постучался посыльный:

– Товарищ майор, вас на КПП спрашивают. Капитан Магомедов.

...Рамзан поджидал приятеля возле ворот. Машину с шофёром разыскник оставил внизу, на съезде с шоссе, и теперь стоял под настороженными взглядами караульных, с трёх сторон наставивших на него из бойниц стволы «калашниковых».

– Молодцы, на совесть службу тащат, – Магомедов с уважением кивнул на стерегущих КПП разведчиков.

– Сплюнь, – суеверно поморщился Юсупов, дождавшись, пока один из бойцов отопрёт железную калитку.

Они отошли в сторону, присев в небольшом бетонном закутке, скрывавшем их от посторонних глаз.

– Короче, брат, трясанул я этого Хамхоева по полной программе, – понизив голос, заговорил начальник розыска. – Сдал он мне Бекантиева с Советской тоже, кстати, из отряда Месхиева. Сунулся я туда, да опоздал: он ещё с утра зачем-то в Гудермес укатил, как мать его сказала. А на обратном пути, не успел я отъехать, смотрю: «девятка» у их дома тормознула. Оттуда двое вылезли, в дом прошли, а через пять минут как ошпаренные выскочили и – по газам! Ну мы их с Айтемиром, – он мотнул головой назад, где остался автомобиль с водителем-омоновцем, – по дороге на Аргун и взяли. Я их и выпотрошил подчистую. Эти двое связниками Мурзаева, правой руки Месхиева, оказались. А теперь слушай меня внимательно. Эти твари раскололись, что в среду Месхиев собирается Гудыму валить.

– Гудыму?! – Юсупов, прикидываясь, что слышит об этом впервые, вытаращил глаза.

– Именно! Путин его уже официально командующим назначил... Он завтра утром в Ханкалу прилетает, а вечером во вторник – сюда. У ваших соседей заночует, потому как у комбрига, однокашника Гудымы, послезавтра юбилей... А с утра с колонной по «блокам» двинет. В общем, где-то там по дороге ему Месхиев секир-башка устроит.

– Ещё что-нибудь есть по этому делу? – разведчик пытливо взглянул на друга.

– Пока нет. Кроме того, что всем этим сам Месхиев заправляет, может, даже на месте будет рулить. Ну и ещё кое на кого выход из кунаков его есть, только здесь, извини, – Магомедов вдруг потемнел в лице, – мне эту собаку надо самому достать. За Мадину... За Русланчика...

Капитан замолчал, отрешённо глядя куда-то в пустоту. Во всём его облике – опущенных плечах, горестно сжатых губах, безучастных прикрытых глазах – чувствовалась такая боль, что у самого Юсупова вдруг нестерпимо заныло в груди.

– Мне уже десятый год тот день снится... – голос Рамзана звучал хрипло и глухо, словно он находился не здесь, а на смертном одре, исповедуясь в последние отпущенные ему судьбой часы. – Мадина на полу... в крови вся... Эти же суки над ней скопом надругались... А Русланчику... Русланчику голову отрезали... А ещё сосед, шакал старый, суетится рядом и всё ахает: мол, это федералы, вся улица их видела... Только я тогда уже знал, что у Месхиева в отряде сорок наёмников с Украины, с УНА-УНСО... Я же потом одного из хохлов этих взял. Он мне, падаль, всё и выложил... И Месхиева достану, памятью сына клянусь!

* * *

Проводив Магомедова, Юсупов вернулся в штаб, где над разложенной на сдвинутых столах картой корпели Асташин и комбат.

– Ну что, есть новости? – особист поднял на вошедшего воспалённые от недосыпа глаза.

– Насчёт Гудымы почти всё подтвердилось, – кивнул Метис, усаживаясь напротив. – «Духи» даже в курсе, когда он сюда, в бригаду, нагрянет. Кстати, мой человек ещё утром просил вашим передать насчёт Алиева, снайпера с Гудермесской, что он в прошлом разряд по стрельбе имел.

– Мы уже в курсе. Правда, Алиев всё отпирается: мол, не я это, оговорили, подставили, ствол подбросили... Зато «эсвэдэшка» оказалась та самая. И после того, как мы его взяли, два его младших братца тут же из дома испарились. Значит, в любом случае здесь нечисто.

– Смотри-ка, и Бекантиев говорит, что вашего на Пригородном другой, какой-то Арсанов из его группы, снял... – покрутил головой комбат. – Ладно, с этим делом вы и без нас разберётесь, а вот с Гудымой тянуть нельзя: у нас меньше двух суток осталось. Так, что мы имеем? Ещё с год назад «чечи» на дороге фугасов до чёрта заложили, – карандаш в руке подполковника прочертил по карте добрых десять сантиметров. – Причём, я так мыслю, где-то на метр, под асфальтом, так что ни собака, ни приборы его не возьмут...

– Так здесь километра четыре будет, – присвистнул Асташин. – Это ж надо всю трассу перекопать!

– Тайники надо искать, – задумчиво сказал Юсупов, не сводя глаз с карты. – «Духи» наверняка рядом с позициями схроны оборудовали. Сами посудите, скорее всего, они сначала заряд подорвут, а потом начнут долбить по колонне с нескольких точек. Надо бы на место вылазку сделать...

– Главное, надо пульт найти, – добавил сидевший с краю Быков. – Эх, может, к завтраму отпустит, я бы хоть сам в «зелёнке» пошурудил.

Прапорщик выглядел не лучшим образом. Коренастая, плотно сбитая фигура скрючилась, словно под тяжким гнѐтом. Случившийся накануне с сапѐром приступ радикулита напрочь вывел его из строя, и обосновавшийся в санчасти Крот мучительно переживал своё вынужденное безделье.

– Брось, Анатолич, отлѣживайся, – устало сказал ему комбат. – Завтра Добрынин с группой пойдёт, вот и отряди туда своего Рушникова...

* * *

Следующим утром, ещё до начала совещания, на пороге штабной палатки возник боец с поста радиоперехвата.

– Товарищ подполковник... Вас на связь... Мансур...

– Кто? – оторопело произнёс Теплов.

– Мансур. Пять минут назад на нашу волну вышел и Сатурна попросил... Сказал, что через четверть часа опять на связь выйдет...

...В душном коробе «кашеэмки» напряжѐнно гудела аппаратура. То же напряжение читалось и на лицах набившихся в фургон людей. Контрактник Савченко в неизменных наушниках сосредоточенно крутил ручку настройки. Вторые наушники нацепил Юсупов, одной рукой проверяя диапазон частоты, другой барабанил по клавишам магнитофона. Рядом сидел комбат, нервно покусывая губу, за его спиной застыли Коротков и Асташин.

– Сатурн, ответь Мансуре, – гортанный, каркающий фальцет ворвался в эфир неожиданно, и тотчас все, кто находился внутри поста радиоперехвата, оживились, засуетились, словно в детской игре, по команде «Отомри!». Савченко щёлкнул тумблером, врубая громкую связь, Юсупов ткнул кнопку записи, Теплов ещё больше напрягся, стиснув в кулаке микрофон передатчика, начштаба и особист синхронно подались вперѐд.

– На связи Сатурн, – хрипло отозвался комбат.

– Здравствуй, Коля, – усиленный динамиками голос Месхиева заполнил тесное нутро фургона. – Как живѐшь-можешь, дорогой?

– Чего тебе надо? – раздражѐнно перебил его подполковник.

– Э, ты чего такой нервный, а? – притворно оскорбился чеченец. – Я, понимаешь, к нему с добром, как к брату, весточку от родных хочу передать...

– Что?! – вздрогнув, рявкнул в эфир Теплов.

– Семья твоя, говорю, по тебе соскучилась. Дочка в прошлую субботу из лагеря вернулась, загорела... Мой кунак в Москве её возле вашей общаги на Гурьянова увидел – аж не узнал, клянусь!.. И жена твоя тоже вся как звезда сияет, после того, как ты ей в понедельник из Ханкалы звонил!..

– А твоѐ какое собачье дело?

– Вай, Коля, нехорошо, – в эфире послышалось сокрушённое цоканье. – Я ж о твоей семье пекусь, не случилось бы с ними чего!..

– Слушай, ты!.. – Юсупов видел, как лицо комбата стремительно бледнеет, а тело начинает сотрясать дрожь. – Да я...

– Нет, это ты меня слушай, – вкрадчиво, с издевательской насмешкой оборвал Месхиев разведчика. – Уймись, дорогой, и псов своих уйми, иначе я за своих кунаков в Москве не ручаюсь... Да, и Юсупову своему передай, что с его дружкой-ментом несчастье приключилось...

* * *

Бэтээр мчал по трассе, распугивая встречные машины. Сидя на броне, Юсупов подгонял «коробочку» или хрипло матерился, когда на пути возникала замешкавшаяся чеченская легковушка и водитель, резко ударяя по тормозам, закладывал крутой вираж, объезжая препятствие. Майор не знал, жив ли Магомедов или нет, но был уверен, что в обстрелянных на Минутке «Жигулях» находился не кто иной, как его друг.

«Держись, Рамзан, я на подходе! – мысленно твердил он, словно обнадёживая себя, что капитан остался в живых. – Ещё минутку, браток!..»

Впереди показался мост, мелькнули обглоданные артобстрелом красные короба пятиэтажек.

Спрыгнув с брони на ходу, Юсупов подскочил к знакомой бежевой «шестёрке», уткнувшейся в фонарный столб возле блокпоста. У машины толпились махачкалинские омовцы, рядом на асфальте застыло накрытое брезентом тело. Растолкав народ, разведчик откинул жёсткую материю. Перед глазами возникло залитое кровью лицо с дыркой вместо левого глаза.

– Эх, Айтемир, Айтемир... – сокрушённо произнёс сзади кто-то из милиционеров, и Метис, наконец, узнал в убитом дагестанца, возившего начальника розыска.

– Где Магомедов?! – Метис обернулся к омовцам.

– У нас на «блоке». Контузило его здорово, – ответил старший блокпоста немолодой майор-лезгин, жестом приглашая следовать за собой.

Магомедов лежал на койке в маленьком бетонном отсеке, приспособленном под медпункт. Возле него хлопотал фельдшер-прапорщик.

– Брат, ты живой? – радостно выдохнул Юсупов, бросаясь к другу.

Рамзан слабо улыбнулся в ответ:

– Вот, Саня, чуть-чуть к тебе не успел... Подловили всё-таки, шакалы...

– Совсем оборзели, б...ди, прямо перед блокпостом!.. – процедил сквозь зубы омовский командир. – Хорошо, что хоть с «граница» промазали...

– Это Айтемир... – лицо Магомедова исказила гримаса боли. – Успел затормозить до того, как умер... А то бы оба сгорели... Мужики... – он с усилием оторвал голову от подушки. – Оставьте нас одних... В общем, слушай, Саня, – дождавшись, пока майор и прапорщик выйдут, зашептал Рамзан. – Я за эти сутки много что накопал... Так вот, запоминай: там, на дороге, от того места, где Софринский комбат подорвался, до съезда на Андреевское всё фугасами напиговано... как минимум полтонны взрывчатки... А пульт должен быть в схроне за цехом, где мы с тобой в июне в засаде были...

* * *

Гудыма прилетел из Ханкалы вечером. Уже на подъезде к батальону Юсупов заметил непривычные перемены в расположенной по соседству бригаде. Из курилок исчезли праздно расслабленные офицеры, на спортгородке не загорали отдыхавшие после нарядов контрактники и дембеля. Напротив, за палатками, на импровизированном плацу старательно чеканили шаг полсотни свободных от службы солдат, за которыми снисходительно наблюдали два чина из группировки с главковскими шевронами на новеньких камуфляжах.

Сам генерал без свиты заседал в штабной палатке разведчиков. Одетый по случаю жары в лёгкий дырчатый «комок» с короткими рукавами новый хозяин группировки поглядывал в развёрнутую на столе карту, слушая негромкий доклад Теплового.

– Заходь, заходь, – замглавкома первым узрел появившегося в дверях Юсупова. – Не стесняйся, сидай, говорю, – Гудыма произносил слова с заметным «хохлацким» акцентом, поплёскивая весёлыми птичьими глазами из-под густых, похожих на барсучьи хвосты бровей. – Ну так что, отыскал пульт, чи ни?

– Так точно, – Метис не сдержал торжествующей улыбки. – В тайнике возле одного из цехов нашли. И ещё три схрона вдобавок ко вчерашним. А от цеха дорога прямо в село ведёт. Умно место выбрано: дело сделал, в тачку запрыгнул, и ищи-свищи!..

– Товарищ генерал, разрешите туда Быкова с группой? – облегчённо вздохнул комбат.

– Отставить! – командующий отрицательно мотнул лобастой короткостриженной головой. – Обождите, хлопцы, не спугните этих уродов, да и Быкову вашему надо дать до конца оклематься... А вот утречком и начнём, как порешили: я ваши засады ещё «краповиками» усилю, а сам с колонной двину...

– Опасно вам ехать, товарищ генерал, – попытался возразить комбат. – Может, лучше...

– Поучи отца жить! – сердито оборвал его Гудыма. – Кишка у них тонка Шатуна перехитрить. Верно я говорю, Метис? – неожиданно задорно подмигнул он Юсупову.

Майор опешил. Впервые он услышал своё прозвище не от друзей-разведчиков за хмельным офицерским застольем, а в официальной штабной обстановке из уст замглавкома, который в свою очередь оказался в курсе того, как называют за глаза его самого.

– Так точно! – после минутной паузы отчеканил он.

* * *

Позывной Месхиева прорезался в эфире около полуночи. Ему отозвался Тридцать второй, коротко подтвердив о готовности на завтрашнее утро. И, вновь слышав хриловатую скороговорку неведомого «дúха», Юсупов вдруг понял, откуда ему знаком этот голос...

«Не может быть...» – мысленно твердил майор, снова и снова слушая запись.

* * *

Группа Метиса уходила в засаду последней, в четвёртом часу утра, когда чёрное небо на востоке начало едва заметно сереть. По двое, по трое разведчики крались в зарослях вдоль дороги, то и дело замирая, до рези в глазах всматриваясь в темноту, вслушиваясь в каждый шорох.

Обогнув частный сектор, разведчики вышли к шоссе, где напротив в пред-рассветной дымке темнели очертания заводских корпусов. Подтянувшись к трассе, группа вновь затаилась, рассредоточившись в кустарнике на обочине.

– Шторм – Сатурну. Вышли на исходную.

– Понял, выдвигайтесь на точку, – отозвалась рация голосом комбата.

– Я – Стрела, понял, встречаю, – следом, подобно эху откликнулся в эфире, Добрынин.

...Могучая фигура замкомроты выросла из темноты, как только группа приблизилась к обозначенному на карте цеху.

– Порядок, – прошептал он, взмахом руки увлекая Юсупова в тёмный квадрат дверного проёма. – Вроде обложили всё как надо: наших шесть групп и ещё человек пятьдесят с «Восьмёрки».

– Ты куда, Анатолич? – окликнул его Метис.

– На пульт хочу глянуть, Саныч, – морщась от боли в потревоженных суставах, ответил тот. – Я его специально велел не трогать...

– Связавшись с комбатом, Юсупов покинул бетонный короб. Обошёл позиции, где в укрытиях затаились бойцы.

– Стрела – Шторму, – неожиданно раздалось в наушниках. – Срочно подойди!.. – в искажённом эфиром голосе Добрынина звучала неприкрытая тревога.

...Добрынин и Рушников нервно переминались с ноги на ногу возле найденного вчера тайника. Быков, присев на корточки, вертел в руках плоский брусок пульта.

– Ну что у вас ещё за пожар? – обратился к ним Юсупов.

– Кажись, лопухнулись мы вчера, – ответил замкомроты, кивнув на Быкова.

– Как лопухнулись?..

– А так, что лажовый этот пульт, – подал голос Крот. – Не подсоединён ни к какому заряду. Только батарейку вставили и провода в землю закопали. Короче, обвели нас вокруг пальца, как последних лохов.

Юсупов, всё ещё не до конца осознав страшный смысл слов прапорщика, непонимающе смотрел то на тёмную коробочку в руках сапёра с рядом кнопок и пульсирующим матовым экраном, то на близкую дорогу, по которой уже подходила к конечной точке маршрута колонна инженерной разведки. Опомнившись, спешно выхватил рацию:

– Сатурн, я Шторм, ответь!..

Выслушав доклад майора, комбат глухо выругался в эфир и отключился. Спустя минуту Теплов вновь вышел на связь.

– Вариант четыре! – в голосе подполковника явственно слышалась безнадёжная злость.

Юсупов почувствовал, как внутри словно что-то оборвалось. Слова комбата означали, что Гудыма уже в пути.

– Ноль пятнадцатый – Шторму, – внезапно вновь ожила рация голосом сержанта с наблюдательного поста на крыше цеха. – Обнаружена группа в квадрате... И ещё две... – сержант торопливо перечислял координаты объектов, засечённых станцией ближней разведки.

– Не понял... – холодея, прошептал Юсупов. – Откуда они взялись? Там же заслоны, засады...

– Как из-под земли... – ошарашённо произнёс Добрынин.

– Оттуда и вылезли, – неожиданно подтвердил Быков. – Помнишь, как в двухтысячном под Бамутом басаевские крендели через подземные ходы ушли?..

– Точно! – Метис ощутил лёгкое головокружение, как при резком перепаде высот в горах. – Знать бы только, которые из них подрывники?

– Да те, что напротив батальона нарисовались, – всё так же буднично ответил Крот. – Там место идеальное: от дороги метров двадцать в кустах воронка в метр глубиной в «зелёнке». К тому же «коробочка» с Шатуном верняка напрямки на базу покатит. Не будет же Гудыма пёхом в гору с полкилометра переть...

– Вперёд! – оборвал его Юсупов и – уже на бегу – по новой выдернул из «разгрузки» радиостанцию.

Встречные кусты больно хлестали по лицу, дыхание сбилось, но Юсупов упрямо ломился сквозь «зелёнку», слыша за спиной топот покидавшей позиции группы. Нырнул под нависающие над землёй сплетения труб, чья асбестовая оболочка ещё хранила едкий запах нефти. Огибал развалины заводских построек, то и дело спотыкаясь на осколках бетона и кирпича.

У крайнего цеха Юсупов остановился, вскинул руку, тормозя догонявших сзади разведчиков. Дождался, пока покажется отставший от группы Быков, вновь взмахнул рукой и, крадучись, по-кошачьи двинулся вперёд.

На пути возник завал из труб, за которым слышались негромкие голоса. Одновременно с этим где-то далеко позади, донёсся нарастающий гул моторов. Метис на мгновение обернулся, точно желая разглядеть на горизонте вереницу боевых машин, в одной из которых должен был находиться Гудыма, однако тело по инерции сделало ещё один шаг вперёд и в следующий миг, повернув голову, метрах в десяти впереди майор увидел знакомую воронку, в которой копошились двое «духов». Ещё четверо присели по краям ямины, чутко поводя по сторонам стволами «калашниковых».

Он так и не понял, что произошло. Быть может, под ногой кого-то из разведчиков предательски хрустнула ветка, а может быть, ближний к Метису чеченец, расположившийся вполоборота на краю воронки, почувствовал на себе чужой взгляд, но в следующий миг он резко обернул лицо в сторону, и глаза противников встретились.

Метис ощутил леденящий, парализующий сознание ужас. Словно в замедленном кино он видел, как боевик, изумлённо глядя на невесту откуда взявшегося «неверного», поднял ствол, кладя палец на спуск, но, опережая врага, вбитые в подсознание навыки бросили Юсупова на землю, одновременно скидывая и упирая в плечо автомат, выпуская в упор грохочущую очередь.

Ступор длился секунду. Очнувшись, Юсупов увидел заваливающегося навзничь «дúха», услышал как из-за спины ударили автоматы бойцов. Приподнялся на колено, выставил из-за труб «калашников», вдавил спусковой крючок, несколько раз прочертив стволом крест-накрест по воронке. Заменял опустевший магазин, вскочил, сиганул вперёд, запечатлевая глазами две неподвижные фигуры на дне ямы.

– Осторожно, пульт! – раздался позади голос подбегающего Крота.

В тот же миг откуда-то сбоку затрещали очереди, и в следующее мгновение словно невидимый огромный молот шарахнул майора в спину, припечатывая к распростёршимся на дне боевикам. Тело захлестнуло тупой болью, в глазах за клубился красноватый туман, сквозь который Юсупов разглядел оседающего на землю Быкова и взметнувшийся чёрный столб земли от близкого разрыва гранаты.

Метис пришёл в себя от того, что кто-то осторожно перевернул его на спину. Разглядел склонившегося над собой Добрынина, почувствовал под локтем что-то мокрое, вязкое, похожее на подостывший кисель. Скосив глаза, увидел под собой мёртвого чеченца с развороченным пулями затылком. Рядом, скрючившись, стонал Быков, над которым хлопотал санинструктор.

– Фу-у, напугал!.. – облегчённо произнёс старлей, заметив, что Юсупов наконец-то открыл глаза. – Повезло тебе, Саныч. Вскользь пришлось, только пластины на «бронике» разворотило.

– Что с ним? – преодолевая боль, Юсупов приподнялся, подавшись к корчившемуся на земле прапорщику.

– Крепко зацепило, – отозвался фельдшер. – Пуль пять в него всадили... в живот, в грудь, да ещё осколки...

Грохот рванувшего неподалёку снаряда заглушил слова солдата. Следом просвистел другой, ухнув где-то справа. С окрестных пригорков, где обосновались заслоны, по заводу долбили «зушки» и миномёты. Со стороны перекрёстка рывкали раскатистыми очередями пушки боевых машин пехоты, паровыми молотами стучали башенные пулемёты бэтээров подошедшей колонны во главе с Гудымой. В окрестной «зелёнке» тоже уже вовсю захлебывались автоматы, подобно лопнувшему воздушным шарам, хлопали подствольники.

– Саня... – сквозь какофонию боя услышал Метис. Быков, приоткрыв глаза, что-то силился сказать сквозь пузырящуюся на губах кровь. – Пульт... Пульт дай сюда...

Юсупов огляделся. Возле второго убитого боевика с нетипичной для чеченцев белобрысой головой майор заметил плоский прямоугольник, напоминавший детскую игровую приставку, – точь-в-точь такой же, как найденный накануне. Осторожно размотав провода, вложил в руки сапёра.

– Передай... – вновь прохрипел Быков, тыкая непослушными пальцами в пульт. – Пусть срочно все валят от дороги...

Опередивший Юсупова Добрынин нажал тангенту радиостанции, связываясь с комбатом. Спустя секунд тридцать из бетонного короба выносного поста, белевшего на съезде с пригорка, где расположился опорный пункт, выскочили несколько бойцов и стремглав понеслись вверх.

– Можно, Анатолич, – кивнул прапорщику Юсупов.

В следующий миг земля содрогнулась, будто вырвался наружу мощный вулкан. Впереди на дороге ахнул взрыв, взметнув в небо обломки асфальта и бетонные блоки поста. Всё вокруг заволокло чёрным дымом, со стороны трассы накатила обжигающая волна раскалённого воздуха, будто кто-то приоткрыл заслонку мартеновской печи, и Метис, задыхаясь от жара, уткнулся лицом в спасительную прохладную землю.

...Он не услышал, а скорее почувствовал хриплый стон Крота, почти неразличимый на фоне катящегося по горам эха взрыва.

– Мужики, гляньте... у этого белобрысого нет наколки на плече, как у меня?

– Есть, – через минуту отозвался Добрынин. – Картинка и подпись «ДРА 1982–1984».

– Это он... – еле слышно прошептал прапорщик. – Сакалаускас... – он вновь разлепил побелевшие губы, словно хотел что-то добавить и так и застыл, глядя недвижимым взором из-под полуприкрытых век.

– Всё... – тихо произнёс санинструктор, коснувшись пальцами шеи прапорщика.

– Как всё?! – встrepенулся Юсупов, подавшись к солдату.

– Умер. Ему же пуля под сердце вошла. Сам видел, когда перевязывал... Только не пойму, каким чудом он ещё почти десять минут в сознании протянул...

Метис непонимающе уставился на близкое лицо Быкова, в одночасье ставшее неестественно чужим, с заострившимся носом и провалившимися глазами яблоками, чувствуя, как внутри что-то обрывается, летит вниз, взрываясь слепящим, захлестывающим сознание жаром. Этот жар, заглушив ноющую боль в теле, поднял майора с земли, бросая вперёд, в «зелёнку», вслед отходящим «дúхам».

За густыми зарослями открылась дорога, извивавшаяся между заброшенных корпусов бывшего нефтезавода. Привычно перемахнув её, Метис было двинулся дальше, но вдруг затормозил, услышав приближающийся гул мотора.

Из-за поворота вынырнула синяя «Нива». В боковых окнах торчали стволы «калашниковых». Водитель, заметив застывшего на дороге Юсупова, колыхнул высунутым наружу ручным пулемётом, удерживая одной рукой руль, и тотчас же почти впритирку с майором взвизгнули пули. В ответ, продолжая стоять в полный рост, Метис поднял автомат, выпуская в лоб накатывавшему автомобилю весь магазин.

...С подкатившего бэтэра спрыгивали проворные «краповики», выставив стволы, осторожно приближались к застывшей на обочине «Ниве». Рядом из «зелёнки» высыпала другая группа бойцов, среди которых Юсупов узнал Гудыму. В разгрузнике и Сфере, с автоматом наперевес, он был почти неотличим от остальных. Приблизившись, генерал распахнул заднюю дверь, откуда, словно куль, вывалилось под ноги тело одного из пассажиров.

– Месхиев, – кивнул на убитого подошедший командир спецназовцев. – Отвоевался, козёл!

– Ну что, песиголовец, взял меня? – Гудыма с усмешкой разглядывал поверженного главаря. – Нет, шалите, бисовы дети! Я ещё на ваших поминках не раз погуляю...

– Санёк! – окликнул Юсупова невесть откуда взявшийся Добрынин, заглядывая в машину.

На залитом кровью водительском сиденье лежал... Магомедов. Рука капитана, всё ещё сжимавшая рукоятку пулемёта, судорожно подрагивала в предсмертной агонии, будто через неё пропустили электрический разряд.

* * *

Гудыма погиб спустя неделю – в сбитом боевиками вертолёте, возвращавшем командующего из Шелковской в Ханкалу. Очевидно, «дúхи» знали, в какой машине летит генерал, ибо ракета была выпущена лишь по одной из четырёх «двадцатьчетвёрок».

Вечером того же дня из группировки вернулся Асташин. Не заходя в штаб, он сразу же направился в санчасть, где уже восьмой день обитал Юсупов.

Всё это время Метис пребывал в странном, похожем на сон состоянии. Целыми днями он лежал в койке, отрешённо изучая брезентовый потолок санитарной палатки, почти не прикасался к еде, равнодушно исполняя предписания врачей. Вяло общался с навещавшими сослуживцами, не интересовался почти ничем, что происходило за стенами лазарета. Он испытывал полнейшее безразличие ко всему на свете, и даже война, что была смыслом его существования, теперь казалась чем-то бессмысленным и ненужным.

– Как здоровье, Саныч? – пожимая приятелю руку, дежурно поинтересовался Асташин, присаживаясь на соседнюю незанятую койку.

– Получше.

– А вот у нас хреновые дела, – контрразведчик вздохнул. Его и без того невесёлое лицо стало совсем мрачным. – Прокуратура, похоже, за нас по-серьёзному взялась. У двенадцати «дúхов», которых в среду на заводе завалили, оружие куда-то подевалось, и теперь нам шьют, что мы мирных порешили. Вдобавок ко всему из тех убитых бандюков ещё человека три, которых наши положили, ментами оказались, и теперь местные выставляют это, так что, мол, они не с «дúхами» были, а наоборот, на Месхиева засаду ставили. Короче, дурдом полнейший! – заключил майор, смачно выругавшись.

– А с Тридцать вторым... то есть с Магомедовым... что-нибудь выяснилось? – всё так же равнодушно спросил Юсупов.

– Выяснилось... – Асташин замялся. – В общем, никакой это не Магомедов... Тот ещё тогда, в девяносто пятом, как у него семью вырезали, в горы к Дудаеву подался и через полгода под Бамутом погиб. А этот... короче, он с его документами в двухтысячном здесь объявился... Тот ещё артист оказался... Чеченов своих сторонился напоказ, а наших, наоборот, братьями величал, кровь свою отдавал раненым. А с тем шофёром с «Грозэнерго» как нас провёл? Сначала сам ему снайперку подбросил, а потом нам его и подставил. Всё рассчитал: что мы его спеленаем, а его братья, естественно, обозлятся и к боевикам свалят.

– А кто же тогда обстрелял его в прошлый понедельник?

– Кто-кто... Спектакль для нас устроили, а заодно и шофёра-омоновца убрали. Видать, тот чего лишнего приметил. Зато мы на этот пульт липовый повелись! Толково придумали, твари, просчитали, что мы всё равно прознаем, что они Гудыму завалить хотят, и решили в последний момент нас переиграть...

* * *

Вереница армейских машин появилась из-за поворота ровно в двенадцать, как и обещал накануне старший колонны. Сам капитан, восседавший на головном бэтээре, приветственно взмахнул рукой, разглядев топтавшихся у выносного КПП разведчиков.

– Ну вот и всё, Саня, – обратился к Юсупову комбат, кивнув на притормаживающую колонну. – Считай, через минут сорок ты уже в Северном будешь, а в три – вертушка на Моздок, прямо к московскому борту.

– Вот и всё... – словно эхо, откликнулся Юсупов.

– Давай, Санёк, счастливо! – Добрынин первым обнял приятеля и, уступив место комбату, подхватил с земли увесистый пятнистый рюкзак Метиса.

...Уже сидя в кабине крытого «Урала», Юсупов вдруг высунул голову из окна, провожая взглядом удалявшуюся сопку, где белели бетонные блоки батальонного лагеря, ощутив странную тоску, подобную той, какую чувствовал всегда, покидая Чечню. Только теперь эта тоска была ещё острее и безысходней.

У перекрёстка, за которым кончался частный сектор, головной бэтээр вдруг резко затормозил. Высунувшись из окна, Юсупов разглядел вставший поперёк пути армейский уазик, знакомую приземистую фигуру в ярком заграничном камуфляже с пёстрыми нашивками, узнавая в ней Ремаревича. Рядом с ним переминались с ноги на ногу ещё двое местных стражей порядка.

Спрыгнувший с брони старший колонны нервным шагом направился к подполковнику, на ходу начиная что-то сердито выговаривать ему. В ответ помощник прокурора извлёк из папки какую-то бумагу, протягивая её капитану. О чём-то поспорив, капитан и Ремаревич направились к грузовику, в кабине которого находился Метис.

– Слышь, братан, тут заморочка вышла, – старший кивнул на помощника прокурора. – У него постановление на привод... насчёт тебя. Допросить, говорит, надо срочно...

– Это ещё зачем? – произнёс Юсупов, вылезая из кабины.

– По поводу гибели капитана Магомедова, – привычным менторским тоном ответил Ремаревич, подавая майору бланк с подписью гарнизонного прокурора. – Да вы не волнуйтесь, Александр Асланович, – вдруг, словно спохватившись, мягко, почти дружески добавил он. – Дел-то всего – подпись под протоколом поставить. А потом я сразу же вас в Северный домчу, борт-то на Моздок только в пятнадцать, если не позже!..

– Вот ведь какая закавыка, – капитан враждебно стрельнул глазами в сторону помощника прокурора. – Обожди, браток, сейчас я с твоими свяжусь... – он отошёл в сторону, приглушённо выкликая в рацию позывной разведбата.

– ...Порядок, – спустя минуту, обратился он к Юсупову. – Иваныч ваш уже в курсе, сейчас подскочит в прокуратуру.

– Да ради Бога! – всё так же нарочито доброжелательно улыбнулся Ремаревич. – Что мы, его арестовывать собираемся? Я же говорю – чистая формальность и только!

Юсупов так и не понял, что заставило его влезть в предупредительно распахнутую перед ним дверцу уазика. Быть может, нервные взгляды высунувшихся из машин офицеров, боящихся опоздать на долгожданный борт домой, а может, и то странное, похожее на летаргию состояние, в коем пребывал Метис после боя на заводе. Кивнув на прощание старшему колонны, майор устало плюхнулся на заднее сиденье прокурорского вездехода.

Свернув с трассы, уазик покатиł по узкому переулку, срезая путь до гарнизонной прокуратуры. Впереди, у выезда на параллельную улицу, показался загородивший полдороги фургон «Грозэнерго». Несколько работяг сматывали в катушку кабель, загружая его в машину, и солдат-водитель притормозил, пытаясь объехать препятствие по обочине.

В тот же миг слева к уазiku метнулись несколько фигур в камуфляже. С другой стороны к вездеходу подскочили «работяги», извлекая из-под спецовок автоматы.

– Не дергайся! – один из чеченцев с ходу пресёк попытку майора рвануться к лежащему у переднего сиденья водительскому АКМу. – Сиди, я сказал!

Он приставил к голове солдата ствол «стечкина». У другой двери ещё трое боевиков разоружали Ремаревича, уперев ему в грудь дула «калашниковых».

Юсупов почувствовал, как несколько пар рук грубо ухватили его, выволакивая из автомобиля. Успел заметить, как сграбаставший водителя чеченец с размаху саданул рукояткой пистолета по голове бойца, прежде чем страшный удар в затылок опрокинул Метиса в чёрную пропасть...

* * *

– Ты его не зашиб? – главарь, одетый, как и большинство боевиков, в брезентовую куртку с нашивкой «Грозэнерго», обеспокоенно кивнул на безжизненно обмякшее тело майора, распростёршегося возле лежащего без сознания солдата-водителя. – Смотри, Шамиль его велел живым привезти. Лично хочет ему башку отрезать!

– Не переживай, эмир, не сдохнет, – успокоил жожака здоровенный «дух», наблюдая, как остальные чеченцы шустро загружают в фургон закованного в наручники разведчика.

– Ну вот, а ты переживал, – обратился главарь к Ремаревичу. – Шамиль же говорил тебе: главное, постановление у своего начальника выбей, а уж мы не подведём!

– Зато меня теперь «фэйсы» затаскают, как пить дать, – нервно отозвался помощник прокурора, продолжая пугливо озиаться по сторонам.

– Так и скажешь им, как было. Налетели, мол, внезапно, стволы со всех сторон наставили. Куда мне было в одиночку на них переть? У тебя и свидетель имеется, – чеченец кивнул на оглушённого водителя. – А если что, наши в Москве подстрахуют, усмирят кого надо. Впервой, что ли? – он ободряюще потрепал сообщника по плечу и лихо запрыгнул в кабину взревевшего мотором фургона.

Леонид АНДРИЕНКО

Выстрелы в госпитале

*«Ничто не принесло людям столько зла,
как слепое выполнение долга...
без всякой оглядки на правду.»
А. Арбузов «Ночная исповедь»*

Дверь камеры распахнулась. Конвоир, пожилой ефрейтор с медалью «За отвагу» на засаленной муаровой ленте, обратился ко мне с долгожданной вестью:

- Михаил, настраивайся на долгий разговор. Следователь приехал.
- Иваныч, какой следователь? Откуда? Как настроен?
- Пойдём, всё увидишь и узнаешь.

Вот и дверь кабинета. Конвоир открывает её. Вхожу и представляюсь:

- Старший лейтенант Капитонов.

Настроение моё упало до нижней отметки. За столом сидит лейтенант юстиции лет двадцати четырёх и в новенькой форме. Он весь новенький, как игрушечный солдатик, только что отштампованный и раскрашенный. Таким новеньким я в серьёзных делах не доверяю.

До сорок третьего года с его высшим юридическим был бы он сразу военюрист третьего ранга, шпала в петлице – как армейский капитан, а на флоте – капитан-лейтенант. Ещё шинель не износив, пожалуйста – на уровень командира корабля. А теперь начинай с лейтенанта – до капитанских погон ещё послужить надо.

«Солдатик» представился приятным баритоном:

– Панкратов Владимир Львович. Мне поручено разобраться в вашем деле. С бумагами я уже ознакомился, но хотел бы услышать обстоятельный рассказ со всеми подробностями.

Его слова в какой-то мере меня успокоили: в голосе Панкратова чувствовалась та заинтересованность, которой жаждет каждый подследственный.

В 1943 году я командовал торпедным катером. Наш дивизион базировался под Геленджиком. Шла подготовка к десанту под Новороссийск. Получил я задание доставить группу разведчиков на берег, занятый врагом.

Поздним вечером взяли их на борт, скрытно подошли к месту высадки. Разведчиков перенесли на берег и отошли на малом ходу. Но не успели мы отдалиться от берега метров на четыреста, как ночную тишину разорвал грохот пулёмётных очередей. Я решил немедленно вернуться и вместе с одним из матросов бросился на выручку разведчикам при поддержке пулёмёта с катера.

Боцман спас ситуацию, пустив торпеду в берег. Взрыв прогремел несколько в стороне от места огневого контакта. Разведчики, воспользовавшись секундным замешательством немцев, рванулись нам навстречу. Катер, подлетев по мелководью, почти скрёб днищем, но загрузиться и уйти мы успели.

Один из разведчиков был тяжело ранен, остальные уцелели. Я с ними почти не разговаривал, переживал, представляя предстоящий доклад командованию. Командир разведчиков был удивлён «тёплой встречей» немцев: в этом месте он уже дважды высаживался без всякого шума.

Наутро командир дивизиона учинил мне разнос. Он не сомневался в виновности экипажа катера и закончил свой гневный монолог словами:

– Капитонов, командование дало нам возможность исправить положение, но в случае повторного провала – вплоть до трибунала. Кого-то вместо тебя посылать несправедливо: ты наследил, ты и исправляй. Вечером уходишь. Готовься!

До вечера был как на иголках. Старался отвлечься от мрачных мыслей, готовил катер и экипаж. И вот, наконец, выход в море. Разведчики – та же группа.

Я уединился с их командиром, поведал ему, чем угрожает мне провал. Оказалось, что и у него ситуация аналогичная.

– Василий, – проникновенным тихим голосом взмолился я, – дай шанс нам обоим. Печенью чувствую, не в нас дело, было всё как обычно!

– Ну и у нас – как обычно.

– Что вы делаете на берегу? У кого отлёживаетесь?

– Вопросы, Михаил, задаёшь ты рискованные. Не положено нам обсуждать ни мою задачу, ни способы её выполнения. Да и почему ты решил, что отлеживаемся у кого-то?

– Тут ума много не надо. Обратно возвращаетесь через двое суток. За ночь далеко не уйти, значит, у кого-то переживаете день, а следующей ночью вдаль от лёжки выполняете задание и возвращаетесь, снова днём переживаете, а ночью мы вас подбираем.

– Смотри, какой грамотный, а может, отсиживаемся где-нибудь в пещерке?

– Рассказывай. Без местной поддержки никак. Где новые гарнизоны и посты, тайные тропы, информация об интересующем объекте – всё это постоянно меняется, без них вы слепы. Если слышал про Керченский десант, так я в нём не последним был.

Лейтенант-разведчик всё же уступил моему натиску и под стаканчик из фляжки поведал, что на оккупированном берегу есть у них подпольщик, у которого они действительно устраивают днёвку. Сначала он и слышать не хотел о моём участии в вылазке. Мой план был прост: разведчики ничего не знали о том, что я самовольно последовал за ними, а затем присоединился, и – выхода не было – пришлось взять с собой. Если бы в той войне мы действовали строго по требованиям уставов и правил, которые далеко не всё могли предусмотреть, победили бы мы сильного умного врага?

Высадились без шума и направились к дому подпольщика. По национальности он был осетином, поэтому мы между собой его так и называли. Мне дали немецкую плащ-палатку и полевое офицерское кепи.

Как было условлено, в дом я вошёл первым. Разведчики остались в сенях. Когда я толкнул дверь в горницу, увидел картину, от которой голова на секунду стала пустой. За столом сидел осетин (его я узнал по описанию), а рядом с ним – мужчина в штатском лет тридцати пяти и штурмфюрер СД или СС в полевой форме. Они вопросительно взглянули на меня. Молча кивнул штурмфюреру, приглашая выйти, и закрыл дверь. Разведчикам выдохнул шёпотом:

– Немец и штатский. Братъ!

В этот момент в сени вышел штурмфюрер, которого разведчики скрутили, не дав и пикнуть. Затем ворвались в комнату, но штатский молниеносным броском, ломая стекло, вывалился в окно. Стрелять было нельзя, преследовать в темноте не стали, а, прихватив хозяина дома, полевую сумку офицера и его самого, двинулись в обратный путь. Минут через пять услышали шум начавшейся погони, но до катера добрались без приключений.

В море после короткой беседы с осетином выяснилось, что незадолго до нашего первого поиска немцы под пытками сломали его и склонили к сотрудничеству. Гестаповец (а добытый немец был-таки штурмфюрером СД) в момент нашего появления инструктировал его для дальнейшей работы, штатский – агент СД из наших соотечественников – должен был играть роль руководителя созданной немцами «подпольной» ячейки.

Здесь я немного перевёл дух. Следовательно, внимательно слушавший меня, понял, что я завершил первую часть повествования, и дал мне отдохнуть. Достал из стола пачку папирос, пепельницу, подвинул ко мне.

– Разреши закурить свои? – обратился я на ты. Умышленно. Если оборвёт, поставит на место, значит, «пустышка» этот следователь, больше думает о дистанции между собой и подследственным, чем о деле.

Панкратов молча кивнул, и я достал свою трубку. Она была необычной. Чубук представлял собой резную голову чёрта, накрывался крышечкой.

Панкратов заинтересовался:

– Трофейная?

– Да, забрал у немецкого унтера. Здоровенный попался, под два метра. Винтовку мою со штыком отбил так, что она отлетела в сторону. Стал он меня уверенно так душить, но у меня за голенищем финка была, она и защитила в смертельную минуту. В кармане у него торчала вот эта трубка. Трубка из-за крышечки была ценной.

Летом 1944 года фронтовая судьба забросила меня в госпиталь, разместившийся в нескольких бараках, которые были поставлены ещё в Первую мировую, но неплохо сохранились. Как легкораненый место получил на «втором этаже»: барак был забит двухъярусными нарами. Познакомился с соседями. Подо мной размещался тяжелораненый лётчик, которого ждала отправка в глубокий тыл. Судьба у него оказалась необычной.

Во-первых, немец. Яков Долингер. Как известно, немцев из армии убирали. Но Якова оставили. Юнцом бился в Испании, сбил несколько немецких и итальянских самолётов и ещё в 1938 году был награждён орденом Красного Знамени. В Отечественную тоже был отмечен тремя орденами, но остался лишь командиром звена. Наверное, не забывали, что немец. В мае сорок четвёртого Якову не повезло: был сбит. Упал на скалы и повредил ноги. Три дня выползал к передовой. Пока полз, фронт продвинулся, и он оказался на освобождённой территории.

Разговаривая о фронтовых судьбах, просидели с ним до вечера.

– Пойду устраиваться на ночлег, – сказал я, намереваясь отправиться на «второй этаж».

– Не торопись, Михаил, – усмехнулся Яков. – Сейчас вечернее построение.

– Какое построение в госпитале?

– Серьёзно говорю. Здесь замнач госпиталя очень деятельный майор. Каждый вечер построение: лёгкие – стоя, тяжёлые – лёжа на нарах, все ли в наличии, всё ли в порядке.

– Ну и что! Ретивый майор если на меня нарвется – обрежется. Я с нар не сойду.

Полез я на «второй этаж» и демонстративно устроился.

Вскоре в барак вошёл старшина и гаркнул: «Строиться!»

Я с любопытством глянул вдоль прохода. От входной двери энергично двигался офицер. Когда он подошёл поближе и попал в круг света, меня как током прошило. По проходу в майорских погонах уверенно шёл... тот самый штатский, которого я год назад видел у осетина.

Мысли в голове путались, зато руки действовали без промедления. Из кармана бушлата достал небольшой трофейный пистолет, с которым нигде не расставался, дослал патрон в патронник. Свесился с нар и прошипел Долингеру:

– Яшка, ты свидетель. Этот майор – шпион!!!

Долингер от неожиданности ничего не ответил, а я опустил пистолет в карман бушлата.

В это время «майор» заметил меня на нарах и грозно спросил у старшины:

– Кто это там возится? Почему не стоит?!

Я спрыгнул с нар и, оказавшись вплотную к «майору», крикнул:

– Свиделись, с...а гестаповская!

Оборотень две-три секунды изучал моё лицо, а затем молча схватился за кобуру. Я не стал ждать, пока он достанет оружие, и, выхватив пистолет, дважды выстрелил в грудь негодяя.

Дальше всё понятно. Меня тут же скрутили, отняли оружие, и через считанные минуты я уже был перед гневным лицом начальника госпиталя. Сбивчивые объяснения он слушать не стал, а приказал поместить под стражу.

Содержали меня в землянке. Всю ночь я не мог уснуть. Думал, как буду всё происшедшее объяснять, какие представлю доказательства. Хорошо бы «майор» остался жив, всё было бы проще.

Прокрутил я и версию побега, но отбросил эту мысль, так как вины за собой не чувствовал и просто не сомневался, что если меня внимательно выслушают, то всё встанет на свои места.

Утром молчаливый конвоир доставил меня в кабинет начальника госпиталя. Там сидели три военюриста: два майора и капитан. На стуле недалеко от стола примостился седовласый подполковник – начальник госпиталя.

– Старший лейтенант Капитонов! Военный трибунал рассмотрел обстоятельства совершённого вами преступления и считает, что вы виновны в совершении умышленного убийства майора Головатого, заместителя начальника госпиталя, при исполнении им служебных обязанностей. Вам предоставляется слово.

«Всё-таки убит», – растерянно подумал я, но твёрдо отрезал:

– Я убил шпиона!

Мои стройные речи, подготовленные в землянке, рассыпались, я начал понимать всю сложность своего положения. Трибунал, очевидно, опросил раненых, старшину, которые присутствовали при вчерашнем эпизоде, и обстоятельства для них настолько ясны, что военюристам даже скучно слушать меня, «допрос» воспринимается ими как пустая формальность.

– Капитонов, почему вы решили, что майор Головатый шпион? – спросил председательствующий.

– В прошлом году я видел его в обществе эсесовцев и предателя... – начал я, намереваясь всё подробно описать.

Сидевший справа от председательствующего майор, понимая, что я собираюсь рассказать что-то длинное, резко оборвал меня:

– В трибунале не упражняются в словесности, а отвечают на вопросы, – и, обращаясь к начальнику госпиталя: – Справку о Головатом!

Тот поднялся с листком бумаги в руке:

– Майор Головатый в госпитале второй месяц, направлен из офицерского резерва фронта, так как в связи с последствиями ранения не мог быть в ближайшее время направлен на передовую. Фронтовик. Воевал с ноября сорок второго, имел два ранения. Награждён орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги». Семья погибла в сорок первом. За время службы в госпитале проявил себя как энергичный офицер, много внимания уделял укреплению дисциплины, проведению занятий с выздоравливающими, – и, немного помолчав, добавил: – Разбираясь с обстоятельствами происшествия, выяснил,

что Капитонов, вчера прибыв в госпиталь, во время вечернего построения, не подчиняясь требованиям дисциплины и распорядка, остался лежать на верхних нарах. Майор Головатый сделал замечание, и Капитонов спрыгнул с пистолетом в руке, намереваясь, очевидно, испугать Головатого, показать свою пьяную удаль и непокорность. Да, в том, что произошло, не последнюю роль сыграло и то, что Капитонов был пьян, – закончил свою, можно сказать, прокурорскую речь начальник госпиталя.

Да, было. Мы с Долингером и ещё двумя соседями приняли грамм по пятьдесят спирта за знакомство.

– Капитонов, если вы опознали шпиона, почему не сообщили ни начальнику госпиталя, ни в «Смерш», а дали ему уйти из рук правосудия? – спросил председательствующий.

– Если бы я пошёл к начальнику госпиталя и сказал, что его заместитель – шпион, поверили бы мне? Да пока начали бы разбираться, он скрылся бы, так как узнал он меня сразу.

– Вы неплохо придумали отговорки, но лучше вам признаться, объяснив истинные мотивы, и раскаяться...

– Товарищ майор, у меня есть свидетель. Он здесь находится, среди раненых. Капитан Долингер. Допросите его, он скажет...

Председательствующий гневно перебил:

– Ваш приятель Долингер вскоре после случившегося пропал. Почему? Не знаю. Это дело «Смерша» – разбираться с немцами и шпионами. Старший лейтенант Капитонов! Вы признаны виновным в совершении умышленного убийства военнослужащего при исполнении им служебных обязанностей. И по условиям военного времени будете наказаны соответственно – смертной казнью.

Так страшно и быстро закончилось заседание военного трибунала. Меня вновь поместили в землянку и дали обед, но к еде я не прикасался. О чувствах приговорённого к смерти распространяться не буду – словами не опишешь.

Не знаю, долго ли я просидел в оцепенении, из которого меня вывел шум около землянки. Дверь открылась, вошёл молодой лейтенант и спросил:

– Старший лейтенант Капитонов?

– Да, это я.

– Пройдите со мной. Вас вызывает полковник Гриневский.

У барака, где размещалось командование госпиталя, я увидел «эмку» и грузовик с солдатами. А подойдя ближе, я услышал:

– Здорóво, Мишка!

У барака сидел... Долингер. Да-да, Яков, который «исчез».

Лейтенант подвёл меня к полковнику и доложил. Гриневский напоминал аскета – худощавый, подтянутый, хотя ему никак не менее пятидесяти, впалые щёки. Форма сидела как влитая. По орденской планке определил, что полковник награждён орденами Красного Знамени, Отечественной войны первой степени, Красной Звезды, «Знак Почёта», медалью «XX лет РККА». Последняя награда свидетельствовала, что Гриневский надел форму ещё в Гражданскую. «Знак Почёта» был редким для военного. Награждали им

в основном командиров и политработников, добившихся значительных успехов в боевой и политической подготовке подчинённых подразделений или частей.

– Капитонов, поедете со мной, будем разбираться с вами и вашим приятелем, – полковник кивнул в сторону улыбающегося Долигера. – Для ясности: вы – по-прежнему подследственный со всеми вытекающими последствиями. Даю пару минут на прощание – и в машину.

Я подошёл к Якову с немым вопросом в глазах.

– После того, как ты «майора»... я пошёл в город, нашёл коменданта, полковника Гриневского, и рассказал о тебе и всё, что случилось. Полковник взял солдат и приехал. По дороге пообещал представить к награде, если правда, а не подтвердится – накажет. При мне расчихвостили начальника госпиталя и юристов, у которых на твой приговор несколько коротких бумажек – и всё. Накричал на них, и тебя привели. Он, думаю, разберётся внимательно. От его порученца узнал, что Гриневский – из старых чекистов, мужик правильный.

Слушая Якова, готов был обнять его ноги-колоды, которыми он шёл в город, а это около двенадцати вёрст. Ведь он понимал, что одна фамилия его может вызвать недоверие. Нечего говорить и о чисто физических страданиях, когда Яков брёл ночью с костылями.

Ещё дважды вызывал для допроса меня Панкратов, спрашивая порою о таких деталях, на которые я и внимания не обращал.

Напоследок он сказал:

– Михаил, я уеду. Сколько буду отсутствовать неизвестно, но жди и верь, не делай глупостей. Я сделаю всё, чтобы установить истину.

Не было его недели две, а то и больше. Режим моего содержания несколько смягчился. Даже во дворе дрова поколоть разрешали, но с конвоиром.

Несколько раз во дворе, когда курил, подходил Гриневский, спрашивал о фронтовых флотских делах, как бы подбадривал. Однажды, когда утомился уже ждать Панкратова, заговорил с ним о следователе.

– Товарищ полковник, вы говорили, что подберёте толкового, опытного следователя, а приехал...

На худощавом лице Гриневского мелькнула снисходительная улыбка. Не спеша затянулся папиросным дымком, помолчал. В этой паузе я вдруг понял, насколько выше меня он по жизненному опыту, и я даже подумал, что не ответит. А ведь прав: не по чину вопрос.

– Насчёт выбора. Я ведь не на складе выбирал. Мне его старый товарищ порекомендовал. Парень молодой, только вступил на путь решения человеческих судеб, не утратил ещё человеческих чувств. А опыт... Он разный бывает. Пример – горе-юристы, которые с тобой в госпитале разбирались. Верю я в Панкратова. Дотошен и грамотен. Эх, как его грамотности мне в Гражданскую не хватало, на одной революционной сознательности работали.

В томлении и от безделья о многом я передумал и решил для себя: если удастся доказать правоту, буду выдержанным и больше в беду не попаду.

И вот однажды конвоир мне сообщил, что Панкратов возвратился. Спустя несколько часов отвёл он меня в кабинет Гриневского.

Панкратов сообщил, что разыскал одного из разведчиков, ворвавшихся в дом осетина.

– Жив он – единственный, кто остался в живых из той разведгруппы. Искалечен основательно: лишился обеих ног и руки, но выжил и хорошо помнит этот эпизод. Память поразительная. Если, говорит, у «майора» на левой щеке родинка, это тот, которого у осетина упустили. Родинка у нашего «майора» была. По фотографии, предъявленной в числе других, разведчик без труда его опознал. В воинских частях, где служил до госпиталя Головатый, его по фотографии не опознали, хотя некоторое сходство было. Итак, старший лейтенант Капитонов, вы убили врага, и, хотя обстоятельства напоминают самосуд, думаю, нам удастся доказать, что другого выхода не было.

Гриневский добавил:

– Найди Якова. Ты ему до гробовой доски обязан. Я на него наградной лист направил – на медаль «За отвагу».

* * *

– Дед, а где эта трубка? Вроде никогда не видел.

– В пятидесятом году вышел у меня скандал с командиром. Закипела во мне кровь, матом он меня крыл, а я молчал. Только хотел дать залпом ответ, вспомнил землянку, и холодом меня обдало. Говорю ему спокойно: «Вы матросов унижаете и треплете, офицеров матом кроете, а ведь слабы вы характером!»

«Покажу тебе, какой я слабый», – и кулак к носу моему подносит. А я, как в броне: «Раз мужской разговор, предлагаю дуэль. Не будем же мы, офицеры, морду чистить друг другу!»

«Офанарел, что ли? Что ещё за дуэль?»

«Не волнуйтесь, товарищ кавторанг, всё в рамках и даже лучше. Оба сейчас же бросаем курить, и кто первый закурит, тот и проиграл. Сами знаете, мұка курильщика – не синяк под глазом». С этими словами трубку я сломал и смотрю на него. Курильщик он был серьёзный: в день пачку папирос расходовал. Опешил, понимает, что в сложное положение попал, но не спасовал. Честно говоря, слишком хорошо я его запальчивую натуру знал и в точку попал. В общем, бросили мы курить, а это на корабле не скроешь. Истинную причину в кают-компании не поведали, а отшутились, что норму свою курева употребили да и корабль хотим сделать некурящим: глядишь, если по боевой подготовке на первое место не выйдем, так зато хоть этим прославимся.

– Он закурил?

– При мне, то есть пока два года вместе служили, не замечен. А общественный контроль за нами был, сам понимаешь, на высшем уровне.

– А потом? Сам-то ты не куришь.

– Адмиралом он стал, разошлись наши пути-дороги, не мой уровень. Но больше у нас таких конфликтов на грани срыва не было. Может, он потому и адмиралом стал, что ровнее всё стало на корабле.

Сергей АНДРЮЩЕНКО

Хозяин тайги

Предисловие

В сторожке царил полумрак. Керосиновая лампа с отколовшейся стеклянной колбой уже давно закоптилась. Да и горящий фитиль, медленно поглощая последние капли живительного то ли бензина, то ли керосина, чадил и готов был погаснуть совсем, окончательно скрывая в плотной темноте стол. Отблески пламени играли на лежащей пустой бутылке из под «Русской», выхватывали из темноты две ошетилившиеся раскрытыми жестяными ртами консервные банки, куски хлеба, две луковицы, одна из которых была надкушена. Ещё одна пустая бутылка из-под водки стояла на полу у стола. В каждой детали присутствовала привычная для лесного домика картина прошедшего ужина. В дальнем углу на нарах угадывались фигуры лежащих людей. Слышалось их мерное сопение, которое изредка перемежалось с лёгким похрапыванием. Видимо, после алкогольной составляющей трапезы сон выдался крепким. Внезапно спящую идиллию нарушил грохот распахнувшейся двери, и в комнату кубарем вкатился человек.

– Мужики, мужики, проснитесь! – тонко, на фальцете, закричал он. Это был Владимир Пеньков, один из трёх гостей таёжного домика. Он подскочил к нарам и стал трясти спящего приятеля.

– Лёха! Лёха! – судорожно оглядываясь назад, демонстрируя свой неподдельный испуг, вопил Пеньков.

– Ну чего ты орёшь! – не открывая сомкнутых глаз, выдохнул Лёха, он же Алексей Воронов. – Сам не спит и другим не даёт.

– Я не даю? – Вовка на секунду поперхнулся возмущением, но тут же зататорил. – Да я по нужде ходил. Стою, значит, дела делаю. И вдруг сзади меня, слышу, ветка – хрясть! Я поворачиваюсь – никого! Ну, думаю, показалось! Ветер там или ещё чё такое. Стал брюки застегивать, и будто мне кто спину глазами сверлит. Я назад. Ничего. Пошёл к дверям и слышу, зовёт меня словно...

Тени играли на его лице, причудливо изменяя выражение. Лёха приоткрыл один глаз и, уставившись на эти тени, зло процедил:

– Пить надо меньше, псих! Кто здесь тебя звать начнёт? До райцентра километров тридцать. Ложись и не мешай спать!

– Угу, – поддержал его сверху заспанный голос. Это перевернулся на бок Мишка Бормотов, а в простонародье Обормот. – Не мешай.

– Вы что, меня за идиота держите? – на этот раз Вова, кажется, обиделся. – Сами вы психи. У меня всё в порядке со слухом.

– Со слухом у тебя, может, и в порядке, а вот с головой нет! – Лёха отвернулся от приятеля и тоном, не терпящим возражений, отрубил. – Всё, базар окончен!

Вова хотел ещё что-то сказать, но, зная крутой Лёшкин характер, махнул рукой. Он встал, подошёл к лампе, покрутил колёсико фитиля и посмотрел на часы. Стрелки показывали почти половину пятого утра.

– Ну и хрен с вами, – взяв лампу и подойдя к вещам, Вова присел на корточки и, порывшись в рюкзаке, что-то достал. – Я не идиот. И вам это докажу, – шепча себе под нос, он снял с гвоздя ружьё и, остановившись на пару секунд перед дверью, шумно выдохнул и вышел в темноту...

Глава 1

Звонил телефон. Оторвавшись от бумаг, Николай Чудов недовольно посмотрел на него. Да и что хорошего можно ждать от этого изобретения человечества? В свои двадцать пять лет Николай уже привык к тому, что к нему чаще всего обращались по имени-отчеству, тем самым подчеркивая его статус. Порой со стороны это выглядело заискивающе. Хотя должность следователя районной прокуратуры давала ему возможность поглядывать свысока на людей, старше по возрасту и обладающих куда большим жизненным опытом. Пожалуй, чувство некого превосходства над обычными людьми было единственной приятной составляющей в его работе, а вот слова о служебном долге, офицерской чести и совести его не особо задевали, хотя и жить не мешали.

– Слушаю. Чудов, – прижав трубку к уху, следователь посмотрел на висящий напротив календарь. Симпатичная блондинка широко улыбалась ему с глянцевого листа.

– Николай Иванович? Это оперативный дежурный ОВД капитан Юранев. У нас тут криминал. Похоже на убийство.

«Ну вот, как в той песне, где предчувствия его не обманули», – подумал Чудов и спросил: – Опергруппу уже вызвали?

– Да, – капитан явно хотел ещё что-то сказать, но Николай перебил его:

– Через минут пятнадцать буду, – и бросил трубку.

Погожий субботний вечер захлопнул приветливые двери, едва успев наметнуть на своё приятное продолжение. «Да. Вот я и встретился с Викой. Вместо пряника – кнут, Николаша, – раздражение нахлынуло не к месту и заставило следователя прокуратуры невольно поморщиться: – Ладно, возможно, не всё так плохо». С этими мыслями Чудов взял свою папку с документами и вышел в коридор. Через десять минут прокурорская «Волга» притормозила у здания районного отдела внутренних дел. На крыльце стояли трое сотрудников милиции, всех их Чудов знал.

– Здравия желаю, Николай Иванович, – протянул ему руку крепко сбитый, спортивного вида парень. Это оперуполномоченный уголовного розыска Андрей Кузнецов по-военному бодро поприветствовал прокурорского работника. Несмотря на то, что они были почти ровесниками, старший лейтенант никогда не позволял себе панибратства, чего нельзя было сказать о Чудове.

– Здравствуйте, здравствуйте, товарищи милиционеры, – нажимая на последнее слово, пожал всем руки Чудов. – Что стряслось?

– Тут один городской пришёл. Охотник, блин, – Андрей ухмыльнулся, так как считался в отделе первоклассным охотником. – Трясётся весь, говорит, его друзей кто-то в лесу убил.

– А где он?

– В дежурке сидит, Николай Иванович, – вступил в разговор эксперт-криминалист Артём Ротгер. – Юранев его в чувство приводит.

Чудов развернулся на каблуках и вошёл в здание ОВД. Постучав в зарешёченное окошко с надписью «Дежурная часть», он показал Юраневу глазами на дверь. Щёлкнул электронный замок, и Чудов, толкнув дверь, очутился в помещении. Вообще-то вход посторонним в дежурную часть строго воспрещён, но Чудов никак не относился к посторонним. На топчане, скрючившись, сидел человек. Руки его свисали с колен, голова была опущена, плечи мелко подрагивали. Кивнув дежурному, Чудов подошёл к сидящему.

– Здравствуйте! Я следователь районной прокуратуры Чудов. Кто Вы, и что произошло? – он отметил, что человек никак не реагировал на его слова. Чудов дотронулся до плеча сидящего. Тот вздрогнул и поднял на него воспалённые, испуганные глаза.

– Я, я... – заикаясь, начал он. – Не-е убивал! Когда я пришёл, они уже лежали...

– Как вас зовут?!

– Пеньков Владимир Степанович, одна тысяча девятьсот восемьдесят третьего года рождения, проживает в городе по адресу: улица Восстания, дом двадцать два, квартира сто сорок, – отчеканил за сидевшего Юранев. – Вот его паспорт.

«Одного года», – машинально подумал Чудов, взял паспорт и посмотрел на фотографию. Сравнение с оригиналом было явно не в пользу последнего.

– Так, товарищ капитан, откройте мне какой-нибудь кабинет. Мы с Владимиром Степановичем побеседуем. Вскоре, сидя напротив Пенькова, Чудов внимательно разглядывал говорившего собеседника, попутно заполняя протокол. Слова тому давались с трудом.

– Значит, вышел я с ружьём. Стою. Страшно. Но и злость меня взяла. Думаю, приведу того шутника за шиворот. А то Лёха вечно из себя такого крутого корчит, – тут Пеньков осёкся и сглотнул.

– Продолжайте, продолжайте, – понимающе кивнул Чудов.

– В общем, пошёл я туда, где слышал эти звуки. Иду медленно, оглядываюсь по сторонам. Вдруг слышу, словно шепчет кто: «Уходи отсюда». Хотел всё бросить и бежать в сторожку, но удержался. Взял курки и говорю: «А ты кто такой?» Тишина. Ну постоял я минут десять. Думаю, ладно, хрен с ним, пойду назад, как вдруг слышу орут. Я бегом назад, а тут как бабахнет, – Пеньков судорожно полез в карман. – Я закурю?

Чудов кивнул, хотя это был не его кабинет, и сам он не переносил табачный смог. Сильно затянувшись и выпустив большую порцию дыма, Пеньков закрыл глаза и продолжил рассказ:

– Подбегаю, дверь нараспашку, внутри темень, лампа погасла. Я спичками чиркаю, не зажигается. Кое-как спичку зажёг и Лёху зову. Смотрю, он на нарах

лежит. Я ему говорю: «Чё случилось, кто стрелял?» Он молчит. Тут я струхнул. Ну поднёс спичку к его лицу...

Чудов разглядывал собеседника и заметил, как внезапно Пеньков побледнел.

– Что дальше?

– Дальше... – запинаясь, произнёс Пеньков, и было очевидно, как ему не по себе. Он открыл глаза и уставился на невидимую точку в окне. – Короче, Лёха лежал вот с такими глазами, – Пеньков округлил свои глаза и изобразил руками их нешуточный размер. – А лицо его было страшным, я такого никогда не видал, – выдохнул Пеньков.

– Ну и что? – после некоторого молчания спросил Чудов.

– Он не дышал, и мне показалось, что он мёртв.

– А этот ваш третий, как его?

– Мишка. Бормотов, – выдавил Пеньков.

– Да, Бормотов, с ним-то что случилось? – Чудов пытался понять, что скрывает от него этот напуганный человек.

– Его на полке не было. Я нашёл в рюкзаке фонарик. Хотел бежать куда глаза глядят. Но не бросать же Мишку... – опустив глаза, сказал Пеньков.

– Так вы его видели?

Пенькова опять, как и в дежурке, стало потряхивать, но он сделал над собой усилие и, глубоко вдохнув, продолжил:

– В сторожке Мишки не было, и я вышел во двор. Стал звать. Тишина. Решил обойти вокруг избышки и наткнулся на него. Он лежал на земле, ружьё валялось рядом. Я наклонился к нему, потрогал пульс – ничего не нащупал...

– Но позвольте, с чего вы взяли, что их убили, и кто, в конце концов, стрелял? Один, по-вашему, вроде бы не дышал, у другого вроде бы пульса не было, – Чудова начинала раздражать эта глупая история. Возможно, этот горе-охотник, напившись, в пьяной разборке умертвил своих приятелей и, чтобы скрыть следы преступления, придумал такую нелепицу и чушь.

– А что же с ними случилось, по-вашему? – вдруг вскочил и закричал Пеньков. – Мишкино ружьё было согнуто в дугу. Понимаете? Его стволы, как пластилиновые, согнули коромыслом!!! И в стволе была стрелянная гильза!

– Сядьте! – Чудов повысил голос. – Что значит согнули ружьё? Вы понимаете, что говорите?

Пеньков сел и обхватил голову руками. В кабинете повисло молчание. Слышались только звуки, похожие на щенячье поскуливание, и плечи Пенькова подрагивали им в такт. Чудов посмотрел на стену и нашёл список телефонов ОВД, прикрепленный скотчем к обоям. Найдя номер дежурной части, он снял трубку и набрал внутренний номер.

– Юранев? Это Чудов! Где машина? Готова? Хорошо, сажай опергруппу, мы едем, – Чудов нажал пальцем на рычажки и набрал номер. – Вика, привет. Я вынужден огорчить тебя, у нас тут срочное дело. Извини, но вряд ли мы сегодня встретимся. Не скучай!

Он положил трубку и взглянул на Пенькова. Тот постепенно успокаивался.

– Владимир Степанович, вы как сюда добрались из города?

– Мы приехали на машине, один знакомый довёз нас до делянки. Договорились сегодня в два часа дня, что он за нами заедет. А тут такое... – Пеньков выжидающе посмотрел на Чудова. – Вы туда поедете?

– Непременно мы поедem к месту предполагаемого преступления, – произнося последние слова, он следил за реакцией Пенькова, – но вам надо будет указать это место. Вы ушли оттуда после всего случившегося сразу?

Пеньков словно китайский болванчик закивал:

– Да-да, конечно! Часов двенадцать по лесу пилил! Но я туда не поеду, – не слишком уверенно произнёс Пеньков и посмотрел на следователя. В его глазах читался страх.

– Ну а как же нам без вас?

– Я не поеду!!! – вновь сорвавшись на фальцет, взвизгнул Пеньков.

– Хорошо, пойдёмте! – Чудов без видимых усилий взял под локоть Пенькова и вывел его из кабинета. Захлопнув дверь, он привёл допрашиваемого на первый этаж. В помещении дежурной части сидел заместитель начальника РОВД подполковник милиции Малышев. Он был ответственным от руководства отдела.

– Николай Иванович, помощь нужна? – скорее с некоторым подвохом, чем участливо спросил Малышев. Все знали, что он недолюбливал прокурорских и к Чудову не испытывал особой симпатии.

– Спасибо, ваши подчинённые прекрасно мне помогают! – в тон ему ответил Чудов. – Задержите этого гражданина до выяснения всех обстоятельств. Есть основания подозревать его в совершении особо тяжкого преступления. Пригласите, пожалуйста, понятых, – он сел за стол и, достав из папки протокол задержания, быстрым размашистым почерком заполнил документ.

– Гражданин Пеньков, ознакомьтесь и распишитесь.

Выйдя на улицу, Чудов подошёл к уазу «Буханке», открыл дверь и спросил:

– Все на месте?

– Да, Николай Иванович, ждём вас, – ответил за всех Андрей Кузнецов.

– Кто знает дорогу к сторожке на двенадцатой делянке?

– Кто ж не знает это чёртово место, – хмыкнул Кузнецов.

Чудов запрыгнул на переднее сиденье.

– А фонари взяли?

– Само собой, – опять ответил Кузнецов и скомандовал водителю: – Давай, Толянныч, разгоняй свою телегу!

Водитель лет сорока, которого все звали Толяннычем, кивнул и с характерным уазовским скрежетом включил передачу. Машина нехотя двинулась в начинающую темнеть даль.

Глава 2

Они сидели в «избушке на курьих ножках», как назвал её Гайморит. Страдающий хроническим насморком и поэтому говоривший с извечным французским прононсом, он как нельзя лучше соответствовал своей кличке. Третья бутылка водки подходила к концу, и повод для выпивки был отменный: три убитых лося лежали на полянке перед сторожкой.

– Да, сегодня мы отлично провели время! – уже слегка заплетающимся языком сказал Гайморит.

– А я-то, я был каков! – причмокнул смуглый черноволосый мужчина по прозвищу Цыган. – Просто красавца завалил с первого выстрела! – он явно был доволен собой.

– Давайте выпьем за то, чтобы так везло нам почаще! – произнёс, поднимая алюминиевую кружку мужчина лет сорока. Лицо его было украшено оспинками и следами отживших фурункулов. Поэтому и давшие ему кличку приятели не мудрствовали лукаво. Это был Рябой.

– За лося! – сказал знакомый всем тост четвёртый и опрокинул в рот порцию водки.

– Ха-ха! Это ты правильно сказал, Самосвал! – засмеялся Цыган. – Сам понимаешь, без лося-то никак! – и он подмигнул сказавшему тост приятелю, своей фигурой напоминавшему многотонный грузовик.

Все дружно выпили за Самосвалом. Вдруг снаружи в дверь постучали. Гайморит поперхнулся куском хлеба: так противоестественно и нелепо прозвучал этот атрибут вежливости в глухой тайге.

– Кого там леший принёс?

Дверь открылась без приглашения, и на пороге выросла фигура человека, голову которого украшал головной убор, напоминавший форменную фуражку. В полутьме блеснула кокарда.

– Приятного аппетита, охотнички, – голос вошедшего был сух и излишне учтив. – Обмываем, стало быть, удачную добычу? – он кивнул во двор.

Человек перешагнул порог, и сидящие за столом увидели пожилого мужчину в зелёной форменной фуфайке. На вид ему было за шестьдесят. Седые волосы, колючий взгляд из-под густых бровей. За плечом висела одностволка.

«Ну и ну! Похоже, ТОЗ-32. Из музея что ли?» – хмыкнул про себя Цыган. Он любил оружие и прекрасно в нём разбирался. Даже в плохо освещённой комнате он без труда точно определил марку ружья.

– А ты что за пень мохнатый? – оправившись от неожиданности и чувствуя теперь себя более чем уверенно, спросил в ответ Самосвал.

– Я, паря, хозяин этих мест. Егерь, стало быть! – старик сверлил его взглядом. – А вы, я вижу не местные. Из каких краёв будете?

– Мы, дедушка, того, иностранцы! – хохотнул Цыган, пытаясь разрядить обстановку. – Прибыли по обмену опытом на встречу с лесными представителями флоры и фауны, теперь вот водочку вашу русскую пробуем!

Все дружно засмеялись, только егерь не собирался разделять чужого веселья.

– Ну тогда, будьте любезны, товарищи иностранцы, предъявите ваши охотничьи билеты и лицензии на отстрел крупного зверя, – егерь даже бровью не повёл. Говорил он требовательно, не проявляя ни малейшей робости.

Повисло молчание. Переглянувшись с Рябым, Цыган ловко выудил из внутреннего кармана объёмного вида портмоне и достал несколько двадцатипятирублёвых купюр.

– Вот наши документы, папаша! – он шлёпнул на стол деньги. – Устроит?

Глазами проводив путь купюр из портмоне на стол, егерь вернул взгляд на Рябого и безошибочно определил:

– Ты здесь главный? Можешь не отвечать. Чую! – старик снял с плеча ружьё и щёлкнул предохранителем. – Свои капиталы спрячьте, они мне ни к чему. А ты, болезненный, – обратился он к Гаймориту, – давай-ка от греха подальше дружков своих повяжи, особенно этих, и стволом ружья, словно указкой, прочертил воздух от Самосвала до Рябого.

– И без всяких штучек-дрючек. Я пальну, не постесняюсь, не сомневайся! Стволы смотрели прямо Рябому в грудь.

– Чё ты пыхтишь, старикан? В героев решил поиграть? Шёл бы ты от греха подальше, егерь! – прохрипел Самосвал прокуренным голосом, по-блатному растягивая слова и надеясь своим грозным видом урегулировать щекотливый вопрос. Старик, не глядя в его сторону, совершенно спокойно ответил:

– Тебя, молокосос, видать в детстве не научили старшим не грубить и их слушать.

Кроме егеря только один человек внешне оставался спокойным и невозмутимым.

– Делай, носатый, что говорят, – Рябой, прищулив левый глаз, смотрел на стволы ружья. Он был гораздо хитрее своих компаньонов и уже решил проиграть один ход, чтобы выиграть партию целиком.

– А у нас и верёвки-то нет, – сказал Гайморит, глупо улыбаясь. Егерь левой рукой залез в карман фуфайки и, достав моток бечёвки, бросил его на стол.

– Да, запасливый ты, пенсионер, – хмыкнул Гайморит и, взяв со стола верёвку, подошёл к Самосвалу.

– Давай, не стесняйся, милоч, повязывай! – егерь был непреклонен.

– Отец, – Цыган вновь попытался исправить положение. – Тебя как зовут?

Егерь оставил этот вопрос без внимания. Он следил за тем, как Гайморит вяжет руки Самосвалу. Рябой сидел молча. В отличие от Цыгана он сразу понял, что они влипли. Только герои Гражданской войны могут в одиночестве шастать по лесу и отнюдь не за тем, чтобы воспользоваться предложенной взяткой. Голова его лихорадочно работала и искала выход.

– Слышь, хозяин, ты, что же, решил из-за этих лесных коров нас в ментовку сдать? – процедил он сквозь зубы.

– Нет, решил вас выслать из страны, как чуждый нашей земле элемент, – дед прекрасно держал удар.

– Отпусти нас, старый, не дури, ты же не знаешь, с кем связался! – недобро взглянув на егеря, Самосвал предпринял очередную попытку его запугать!

– Я своё, паря, отбоялся ещё в сорок четвёртом, на Днестре!

Гайморит закончил вязать Самосвала и, подойдя к Рябому, виновато завёл тому руки за спину.

– Вот видишь, герой войны, а такой фигнёй занимаешься, – сказал Цыган, – ведь у тебя наверняка есть дети, внуки. А им деньги не помешают.

Он поднял со стола купюры и помахал ими.

– Деньги, они лишними не бывают! Ни-ко-гда! А мы спокойно и мирно уедем домой. Все довольны всем...

Он не успел закончить фразу. Всё произошло молниеносно. Неуловимым движением Рябой схватил со стола бутылку и резким кистевым броском швырнул её в егеря. Оглушительно грохнул выстрел. Гайморит завизжал, так как заряд дроби угодил ему в правое бедро и задел руку Рябого. Но брошенная бутылка сделала своё дело, попав старому егерю в голову. Через мгновение его тело подломилось и упало на пол.

Самосвал подскочил к лежавшему старику и что есть силы ударил его ногой в живот.

– А-а-а-а-а-а! – завалился на пол Гайморит. – Он меня убил! А-а-а-а-а!

– Не ори ты, падла! – Рябой, держась за раненую руку, медленно бледнел. Самосвал продолжал избивать безжизненное тело, хрипя и нанося удары куда попало.

Цыган стоял с деньгами в руке. Он впал в ступор, но крик Гайморита вывел его из оцепенения.

– Стой, Самосвал, ты же его убьёшь, идиот! – будучи самым интеллигентным в своей компании, он всегда отрицал любые силовые способы разрешения конфликтных ситуаций, утверждая, что где бессильны слова и угрозы, там деньги способны разрешить любую ситуацию.

– Ша, Самосвал! – окрик Рябого заставил того прекратить избиение и плюхнуться на лавку.

– А-а-а-а-а-а! Больно, с-с-у-к-а! – выл на полу Гайморит.

Цыган подошёл к нему и наклонился:

– Убери руки! Дай посмотрю!

Но Гайморит, словно заведённый, орал, не переставая.

– Да стой ты, не кричи! – Цыган силой развёл ему руки.

Картина была впечатляющая. Вся правая брючина от колена до ягодицы была изорвана в клочья, словно маленькая сенокосилка порезала материю. Посередине зияла рваная рана, наполняющаяся густой кровью.

– Не вертись, придурок! – Цыган схватил со стола кусок бечёвки и сильно натянул её выше ранения. Взяв в рюкзаке целую бутылку водки и вылив на рану добрых полстакана, без сомнений сунул горлышко в разъявленный в крике рот Гайморита.

– На вот, анестезия! Пей. Чем больше, тем лучше!

А сам, стянув с себя майку, принялся обвязывать ногу раненого.

Рябой молча встал и подошёл к егерю. Ружьё валялось в шаге от лежащего на спине старика. Лицо его было разбито и выглядело страшно. Присев на корточки, Рябой прикоснулся пальцами к сонной артерии.

– Да, вот тебе и Третий Украинский фронт, – задумчиво произнёс он и, повернув голову, посмотрел на Самосвала.

– Чё? – спросил тот.

– «Чё?» – передразнил его Рябой. – Отвоевался наш ветеран. Не дышит.

– Сам виноват, старый конь! Начал корчить из себя борца за справедливость! – Самосвал смачно выругался.

Гайморит уже тихо скулил, выпив почти две трети бутылки. Цыган сидел, тупо уставившись на стол.

– Так, братва, нужно валить отсюда. И чем быстрее, тем лучше, – Рябой поморщился, закатывая рукав. – Нам только проблем с ментами не хватало!

– А этого куда? – ткнул огурцом в лежащего старика Самосвал. Он только что допил за Гайморитом оставшуюся водку.

– Куда-куда? Пусть здесь лежит, отдыхает! Нам вон носатого ещё на себе тащить.

– До машины километра три по лесу. Ещё коньки отбросит, – с сомнением в голосе произнёс Самосвал.

– А ты что, предлагаешь его рядом с дедом положить? Не отбросит! – Рябой смочил свою рану водкой и заскрежетал зубами. – Да, спасибо тебе, дед, чуть не пристрелил меня, зараза!

Компания собралась по-быстрому. Кое-как побросали в рюкзаки вещи. Гайморит отключился и лежал на земле без движения. Самосвал предложил поджечь сторожку, но Цыган, отличающийся бóльшим благоразумием, сказал, что ни к чему разводить такой большой костёр. Рябой его поддержал.

– Всё равно нас никто не видел, – пробормотал он, уходя последним и закрывая дверь.

Но он ошибался, хотя и не знал об этом. Как и не знал того, что из-за ветвей за ними внимательно наблюдает пара глаз.

Глава 3

Отделовскому уазику на днях минуло десять лет, как он, весело мигая фарами, сбежал с заводского конвейера. А для милицейской машины – это уже пенсионный возраст. Поэтому сейчас он натужно хрипел двигателем на подъёмах и скрипел амортизаторами и коробкой передач, будто извиняясь перед сидящими внутри за свою медлительность. Хотя Толяныч, зная его, сказал бы, что скорее он ворчал за бесконечную суету без сна и отдыха.

Вот уже полчаса, как они съехали на грунтовую лесную дорогу, где ухабы и рытвины с наслаждением издевались над вестибулярным аппаратом сидящих в машине людей. Все пассажиры, включая и разыскную овчарку по кличке Шайтан, пытались стойко переносить тяготы и лишения милицейской службы, хотя временами тряска напоминала штормовую качку. Перекрикивая шум двигателя, Кузнецов разговаривал с Чудовым:

– Ещё минут пятнадцать, и будем на вырубке, а там пешком около трёх километров.

Чудов взглянул на часы. Девятнадцать ноль восемь. Значит, у сторожки они будут не раньше восьми вечера. Он уже сто раз пожалел, что не заехал домой переодеться. Милиционеры были в полевой форме, в ботинках с высокими берцами. Кузнецов хоть и в гражданской одежде, но в джинсах и резиновых сапогах. Один Чудов был по-пижонски облачён в костюм и туфли. Словно угадывая его мысли, Толяныч сказал:

– Товарищ следователь, у меня там сапоги резиновые есть! Не побрезгуйте. Всяко лучше, чем туфли портить.

Чудов, удивившись проницательности шофёра, кивнул и сказал:

– Да, спасибо!

Со стороны было непонятно, то ли он вежливо отказался, то ли поблагодарил. Не поворачиваясь в салон, Чудов, глядя на свет фар, прокричал:

– Кузнецов, а почему это место чёртовое?

Андрей, в отличие от прибывшего в райцентр по распределению Чудова, родился и вырос в селе. Поэтому он был в курсе всех слухов, баек и сплетен, гулявших в родном краю.

– Потому и чёртовое, что леший шалит! Много всяких историй связано с этой двенадцатой делянкой. А началось всё в восемьдесят четвёртом, когда возле той сторожки нашли мёртвого егеря. Хороший был егерь. Говорят, никому спуска не давал. Местные жители его уважали и боялись. Да только вот напался старик однажды на каких-то залётных браконьеров. Они его и убили.

– А убийц нашли? – Чудов проявил профессиональный интерес.

– Да какой там! Его самого нашли дней через пять. А этих где искать? Поговаривают только, что тайга сама их наказала. Там на делянке «Москвич» стоял с городскими номерами. Когда пробили хозяина, оказалось что неделю назад он с тремя друзьями уехал в лес, да не вернулся. Дело повисло «глухарём». Там, в сторожке, нашли отпечатки пальцев этого хозяина «Москвича». Да вот только поймать и допросить его не получилось! Как и дружок его. Исчезли, словно в лесу растворились.

– Ну а что дальше?

– А дальше делянку с этой сторожкой словно леший облюбовал. Кто не пойдёт туда, про всякие страсти рассказывает. То голоса какие-то слышатся, то провожает кто-то, не показываясь, то водит по лесу. А ещё старики говорят, что это душа егеря мается и не может найти покоя. Несколько раз с города приезжали, искали своих охотников, якобы сгинувших в этих местах. Да всё без толку. Я сам туда не ходок. Ещё с детства с пацанами зареклись!

Последние слова утонули в рёве двигателя, так как ветеран отечественного автопрома въехал в яму, наполненную мутной жижей, и теперь пытался исправить положение. Толяныч, бросив матерное словцо, изо всех сил помогал железному коню. Наконец, машина выбралась на сухое место, и все облегченно вздохнули: желающих толкать застрявший автомобиль было немного. Точнее их не было вовсе.

Через десять минут дорога упёрлась в большую поляну, которая и была вырубленным когда-то участком леса. Толяныч выжал педаль тормоза и, заглушив двигатель, выдохнул:

– Всё, туристы, приехали!

За окном стремительно темнело. «Вот принесла нелёгкая!» – подумал Чудов. Он не любил лес, а ночной лес для него вообще был неприятен и загадочен. Опергруппа вылезла из тёплой машины, включились фонари, защёлкали зажигалки. Кузнецов, обращаясь к Толянычу, отдавал распоряжения:

– Ты здесь сиди отдыхай. Мы часа за три обернёмся, пожалуй! Рацию держи на приёме.

Он нажал на «мотороле» передачу и проверил связь с автомобильной радиостанцией.

– Ну и куда тут идти? – спросил Чудов. Он только что переобулся в резиновые сапоги, которые ему были немного не по размеру. В сторону уменьшения, как назло.

– Да вот, Николай Иванович, по визирке и пойдём, – Кузнецов махнул рукой в сторону вырубленной просеки. – Она нас как раз к этой сторожке выведет.

Кузнецов что-то сказал кинологу, и тот, ослабив поводок Шайтана, пошёл впереди по узкой просеке, следом за ним оперуполномоченный, за ними Чудов, и замкнул группу эксперт.

Луч мощного фонаря рассекал сумерки, словно прожектор на локомотиве. Ветер беспрерывно шелестел ветвями деревьев, иногда порывами устраивая шумные овации, как будто они аплодировали четверым смельчакам, отважившимся на такую позднюю прогулку. Чудов, пройдя около двухсот метров, с сожалением отметил про себя, что кровавых мозолей ему вряд ли удастся избежать. Чтобы не думать об этом, он спросил шагающего перед ним Кузнецова:

– А что, часто ночью по лесу приходилось ходить?

Кузнецов, не поворачиваясь, бросил через плечо:

– Да как сказать! Если на охоте, то всякое бывало, а так, по работе, первый раз иду!

«Вот и я первый!» – подумал Чудов. Конечно вчетвером это не одному, да и лес – не кладбище, но неприятное чувство где-то под ложечкой немного давило. «И чего мы попёрлись на ночь глядя? Поехали бы завтра утром! Никуда эти жмурики не делись бы, тем более что этот... – Чудов задумался, – Пеньков уже сидит в ИВС». Но вслух, конечно же, ничего не сказал.

– А мне вот недавно анекдот рассказали, – прервал его мысли эксперт Ротгерт, перекрикивая шум ветра. – Заблудились в лесу два грибника. Еле волоча ноги, вышли на опушку. А там прапорщик стоит. Они его спрашивают: «Простите, мы на железнодорожную станцию правильно идём?» А он им: «Да какой там правильно? Голеностоп вихляет, удар нечёткий, да и вообще не в ногу».

Дружный хохот разрядил тягостное молчание.

– Да, нам сейчас только строевым шагать, – смеясь, сказал Кузнецов, – тут под ноги успевай смотри. Опергруппа медленно, но уверенно пробиралась вперёд. Собака рвала поводок, виляя из стороны в сторону, наслаждаясь нечаянной свободой. По-видимому, ей одной эта прогулка приносила удовольствие. Через сорок минут справа показалась поляна. Луч фонаря выхватил из темноты покосившийся бревенчатый сруб, давно осевший в землю.

– Вот она, дорогуша! – с облегчением сказал Кузнецов. Люди незаметно подобрались, ведь для них это было служебным заданием. Внезапно Шайтан, до этого молчавший всю дорогу, остановился и отчаянно залаял в темноту.

– Ты чего, лохматый? – кинолог сержант Ковалёв попытался успокоить пса. Но тот не унимался. Приседая на задние лапы, он лаял в чашу. Потом вдруг оборвал свой лай и, прижавшись к ногам Ковалёва, по-щенячьи заскулил.

– Вот, чёрт! – поведение пса озадачило Ковалёва. Тот никогда не показывал признаков трусости и покорности, напротив, его бесшабашная напористость и злость определили кличку – Шайтан.

Кузнецов, подсвечивая себе фонарём, достал табельный «макаров» и, осторожно ступая, предупредил эксперта:

– Я открою дверь, а ты Артём меня страхуй.

Подойдя к двери, Кузнецов аккуратно взялся за ручку и потянул на себя. Толстый сноп света проник внутрь одновременно с щелчком взводимого затвора. Эксперт держал фонарь, отведя левую руку в сторону. Луч света выхватил стол с остатками пищи, нары, пол, стены. Чудов с кинологом стояли в трёх шагах от двери, напряжённо всматриваясь внутрь. Кузнецов зашёл в сторожку и через минуту выглянул. На его лице недоумение смешивалось с удивлением:

– Здесь никого нет!

Все переглянулись.

– Надо осмотреть вокруг. Пеньков сказал, что Бормотов лежал рядом с домом.

Собака отказывалась выполнять команды. Она вела себя совсем не как разыскной пёс, побывавший в различных переделках, а словно молодой трусливый первогодок.

– Шайтан, Шайтан! Что случилось? – Ковалёв успокаивал пса. – Я с ним даже на медведя ходил! – он недоумённо пожал плечами.

Кузнецов с Ротгертом уже обошли вокруг сторожки, осмотрев всё в радиусе десяти метров.

– Николай Иванович, я ничего не понимаю! Похоже, мы здесь одни.

– А может, это не та сторожка?

– Да нет здесь никакой другой. Тут в ней два рюкзака с ружьём! – Кузнецов был озадачен не меньше остальных.

– Так, мужики, мне надо составить протокол. А вы, – Чудов обратился к эксперту, – сфотографируйте сторожку и вещи. Пойдёмте.

Глава 4

Рябой шёл впереди, как и подобает вожак стаи. Стаи, которая забыла все людские законы. За ним, тяжело сопя, тащился Самосвал. На его плечах висел раненый Гайморит. Он находился в бессознательном состоянии, которое, естественно, было усугублено действием водки, поэтому и тело было тяжелее

обычного и доставляло массу неудобств Самосвалу. Цыган молча шёл сзади, и два рюкзака оттягивали его плечи.

– Давайте, мужики, потерпите! – Рябой сам скрежетал зубами от боли, которая вонзалась в мозг миллионами нервных окончаний. – Надо успеть до света убраться из этого места.

Единственный фонарик, как назло, то гас, то вновь обретал живучесть, тусклым светом от посаженных батарей освещая дорогу.

– Вот урод! – Самосвал встряхнул сползающее тело Гайморита. – Столько сразу геморроя из-за этого ветерана!

Цыган понимал, что через какое-то время бремя Гайморита в прямом смысле ляжет на его плечи, поэтому молча пропустил возглас Самосвала. Рябой вдруг остановился и, оглянувшись назад, с тревогой спросил:

– Цыган, а ты моё ружье взял?

– Нет, оставил. Пусть ментам достанется, – съязвил тот. – Не переживай. Взял, конечно!

Процессия медленно двинулась вперёд. Конечно, сейчас тяжелее всего было Самосвалу, но никто не предлагал ему помощь, на то он и Самосвал! Через десять минут голос впереди идущего товарища заставил группу остановиться.

– Стой! Привал! – скомандовал Рябой, и Самосвал, давно ожидая эту фразу, кулем опустил на землю приятеля.

– Вроде бы доходяга, а г...а пудов пять, – выдохнул он.

Все трое остановились. Тяжело дыша, трясущимися от напряжения пальцами Самосвал вынул из пачки одну папиросу и, чиркнув спичкой, жадно затянулся. Гайморит лежал, не издавая ни звука.

– Доходяга-то живой? – кивнув на него, спросил Самосвала Рябой.

– Живой конечно, такие недохнут, – с удовольствием выдохнул тот порцию едкого дыма.

Цыган присел на корточки и молча о чём-то думал. Ещё пару часов назад жизнь была прекрасна и беззаботна, никаких поводов для такой суеты не существовало.

– Слышь, Рябой! А ты уверен, что этот дед ушёл к праотцам? Вдруг он отлежится, подскочит как молодой козлик да и заявит на нас?

Рябой молча посмотрел на него и через пару секунд ответил:

– Ну и что с того? Разве он видел твои документы? Ты для него кто? Браконтёр без имени и фамилии, так что не задавай тупых вопросов, и без тебя тошно!

– Слышь, кент, я тут иду, думаю, а как наши с тобой отпечатки пальцев срисуют? – просипел Самосвал.

Рябой матюгнулся. Подумав несколько секунд и глядя на Цыгана, медленно произнёс:

– Давай, ты самый молодой, смотайся и сожги эту халупу на хрен. Хотя после такого обращения, – Рябой выразительно глянул на Самосвала, – вряд ли старика кто найдёт! Сгниет быстрее. Но бережёного бог бережёт!

– Факт! – Цыган выпрямился и с сожалением произнёс: – Только некоторые аборигены этого не понимают!

– А ты чего шипишь, чебурек? – Самосвал угрожающе воззрился на Цыгана. – Умный, да? Небось, не сидел никогда возле параши?

Конфликт, созрев как гнойный нарыв, лопнул и грозился вылиться в нечто большее, чем перепалка.

– Ша! – Рябой вовремя вмешался в никчёмную разборку. – Нам ещё не хватало поцапаться друг с другом!

Самосвал отвернулся и, смачно выругавшись, продолжил тянуть сигарету. Лес неодобрительно шумел, осуждая взявшихся ниоткуда нарушителей спокойствия. Цыган вновь присел на корточки, устало проведя по кустам брусники рукой.

– Давай беги, Цыган, мы тебя обождём! – Рябой шагнул в сторону и вдруг, охнув, завалился набок.

– Ты чё, Рябой? – удивился Самосвал.

– Ногу, кажется, подвернул!

Самосвал наклонился над охающим Рябым, и в этот момент какая-то нечеловеческая сила подбросила Цыгана вверх и, ломая позвоночник, ударила его о сосну, стоящую рядом. Самосвал успел обернуться и вскинул ружьё, проявляя отменную реакцию, но она его не спасла. Последнее, что он увидел в своей жизни, была размытая тень. С хрустом лопнули шейные позвонки, и его голова развернулась так, что Самосвал стал смотреть затухающим взором себе за спину. Рябой не успел даже испугаться, как к его лицу приблизилась страшная физиономия, и железный обруч обхватил горло. Звериный запах наполнил его ноздри, угасающее сознание уловило обрывок то ли услышанной, то ли высвободившейся из недр подсознания фразы «Я твоя смерть!». Фонарик, лежащий на тропинке, пару раз мигнул и погас навсегда. Только ветер качал ветви елей, да звёзды смотрели вниз на распластанные внизу четыре тела. В ночную тайгу вернулись безмолвие и тишина.

Глава 5

Фонарь стоял на столе, лучом света упираясь в потолок. За столом сидели Чудов, Ротгерт и Кузнецов.

– Итак, что мы имеем? – Чудов посмотрел на сидящих напротив милиционеров. – Никаких тел! Впрочем, и живых людей тоже нет. Судя по тому, как разбросаны вещи, по неубранному столу, здесь действительно были недавно люди. Вариантов развития событий несколько. Что вы думаете по этому поводу?

Кузнецов по привычке взялся за кончик носа снизу большим и указательным пальцами и стал его потирать, что у него обычно означало нешуточную работу мысли.

– Возможно, этот, как его, Пеньков убил своих друзей, а потом их тела спрятал или закопал. Но тут возникает резонный вопрос, зачем он тогда к нам явился? И где хоть какие-то следы преступления?

– А может, никто никого и не убивал. Просто у парня зуб на своих друзей. Они повздорили между собой, а он нас сюда и направил, чтобы им насолить. Наверняка ведь без лицензий и разрешений охотились! Дружки проспались и дёру дали! Ведь почти сутки прошли, – это высказался Артём.

– Резонно! – Чудов кивнул. – Но обратите внимание на три факта. Во-первых, все их вещи, даже ружьё, остались здесь. Почему? Во-вторых, как я понимаю, ваша собака никогда себя так не вела, она даже в сторожку не зашла. И, наконец...

Он втянул воздух ноздрями и произнёс:

– Вам не кажется странным запах?

В сторожке действительно чувствовался какой-то специфический тяжёлый запах. Его было трудно с чем-то идентифицировать, но Чудову он напомнил запах из далёкого детства, запах зоопарка.

– Медведем, похоже, воняет, – предположил Кузнецов, выразив схожую мысль.

– Ну что ж, раз факта совершения преступления нами не выявлено, считаю, что нужно приехать сюда завтра утром и детально всё рассмотреть вокруг, а сейчас поехали домой, – Чудов взял со стола фонарь и поднялся из-за стола.

– Николай Иванович, чего это я буду кататься туда-сюда? Может, лучше останусь здесь, а как рассветёт, всё внимательно и посмотрю. Оружие у меня есть, рация тоже.

Кузнецов лукавил, прекрасно зная, что его Motorola GP-140 максимум способна работать на расстоянии не более десяти километров. Поэтому на вопрошающий взгляд эксперта Кузнецов незаметно подмигнул, предупреждая его восклицание.

Чудов остановился и задумчиво посмотрел на Кузнецова.

– А тебе не страшно тут одному ночевать?

– Да ладно, в Чечне пострашней бывало.

Весь отдел знал, что Кузнецов служил в ВДВ и в 2001 году участвовал в составе своего подразделения в контртеррористической операции на территории Чеченской Республики. Правда, о том, что за спасение командира роты в бою под Шали он был награждён медалью «За Отвагу», знали немногие.

– Хорошо! – сдался прокурор. – Оставайся, если так хочешь. Только будь на связи, чтобы тебя не потеряли. А завтра утром за тобой пришлют машину. Если чего найдёшь, сообщай сразу.

– Обязательно, Николай Иванович! – Кузнецов улыбнулся, продемонстрировав в темноте белизну зубов.

Они вышли наружу. На небе взошла полная луна и своим молочно-белым светом залила поляну перед сторожкой, усиливая ощущение загадочности происходящего. Ковалёв сидел перед Шайтаном на корточках и гладил его по голове, словно ребёнка.

– Чего-то он здорово боится, трясётся весь! – сержант поднял глаза на Чудова, ожидая распоряжений.

– Мы идём к машине, а Кузнецов остаётся здесь.

– Сто первый, сто первый, ответь Тринадцатому! – Кузнецов принялся вызывать автомобильную радиостанцию.

– Слушаю, Сто первый! – сквозь шумы и помехи эфира до людей на поляне донёсся голос Толяныча.

– Нас не искали?

- Нет. Когда будете?
- Сейчас выдвигаются к тебе, минут через сорок-пятьдесят будут.
- Понял тебя Тринадцатый, жду!

Все пожали руку Кузнецову и пожелали ему удачи. Шайтан, поняв, что группа возвращается назад, рванул так, что чуть не свалил Ковалёва с ног.

- Тише ты, дурила! – Ковалёв резко дёрнул поводок на себя.

Когда группа скрылась из виду, Кузнецов постоял ещё минут пять возле сторожки и зашёл внутрь. Он сел на нары и задумался. Да, странный случай, хотя в этом мире всё имеет своё объяснение. Одно дело байки и сплетни, а другое – взвешенный, даже научный подход к оценке ситуации. За каждым преступлением против здоровья и жизни человека стоят преступник и его жертва. Без жертвы не может быть преступления как такового. Кузнецов вспомнил, как в школе милиции преподаватель по криминалистике рассказывал им, молодым курсантам, о своей кандидатской диссертации. Если память не изменяет, тема диссертации называлась примерно «Виктимология в предотвращении и профилактике уголовного преступления». Да, практический опыт оперативника убедил его в правоте данной диссертации. Жертвами преступлений чаще становятся люди с определённым типом поведения, мышления, отношения к жизни, люди, словно провоцирующие преступника на то, чтобы именно с ними произошло правонарушение. Вот он, старший лейтенант милиции, никогда не станет жертвой.

Кузнецов сидел практически в темноте, только лунный свет, падающий из окошка на стену, разбавлял черноту вокруг. Ему захотелось есть, и он вспомнил, что благоразумно захватил с собой пару бутербродов. Да, в тайге существует неписаный закон оставлять часть припасов для тех, кто придёт после. Но его не соблюдают люди случайные, пришлые. Последние гости относились именно к таким. Проглотив всухомятку последний кусок, Кузнецов сказал, ни к кому не обращаясь:

- Что ж, и на этом спасибо!

Перекусив, решил лечь на нары. Только он прикрыл глаза, как усталость, взявшись ниоткуда, тут же почувствовала себя хозяйкой положения. Неделя выдалась не из лёгких. В прошлое воскресенье обворовали продуктовую лавку в Сосновке, а уже в среду он вышел на преступников. Вдвоём с Костей Прокудиным взяли их тёплыми. Горе-воришки дрыхли в соседней деревне после грандиозной попойки, обмывая наворованное. А позавчера в райцентре пенсионер-инвалид зарубил насмерть своего неработающего сына, когда тот, напившись до невменяемого состояния, в очередной раз стал требовать у матери пенсию, избивая её. Перед этим он закрыл отца в туалете, вдоволь поглумившись и над стариком. В российской глубинке и жизнь, и нравы были соответствующими.

Внезапно тишину прервал какой-то шорох. «Ага, местные жители тоже кушать хотят», – спокойно подумал Андрей, предположив, что это мыши. Но всё-таки открыл глаза и случайно увидел, как лунную дорожку на стене пересекала тень. Андрей мог бы поклясться, что тень была высокая, человеческая. Он резко подскочил на нарах и, подойдя к окну, осторожно выглянул. Шагах в десяти

от окна спиной к лунному свету стояла тёмная фигура. Она показалась Кузнецову нереально большой. «Медведь! – промелькнула первая мысль. – Вот влип!» Он достал пистолет и перезарядил его. Выглянув в окно, увидел, что фигура подошла ближе к дому, и он вдруг отчётливо осознал: это не медведь!!! Но хуже было то, что это был... и не человек!!!

Вдруг он услышал голос, и голос этот словно рождался у него в голове, но никак не извне.

– Не надо! Я ухожу.

– Что? Что? – Андрей чувствовал смешанные чувства страха, удивления и опасности. – Кто ты? Он разговаривал вслух, хотя реального собеседника у него не было. Боясь оторвать взгляд от фигуры, он наблюдал, как она повернулась и шагнула в сторону леса. Решение пришло неожиданно. Он подскочил к двери и выбежал наружу.

– Эй! А ну, стой!

Фигура стремительно удалялась в сторону деревьев. Андрей, собрав всё мужество и выключив предохранитель на «макарове», бросился следом. Он не осознавал, понятны ли его требования этому субъекту, просто привычные слова сами вырывались наружу:

– Стой, кому говорю! А то буду стрелять!

Погоня длилась недолго. Он увидел, как через пару мгновений фигура растворилась в лесной темноте.

– Блин, фонарик! – Кузнецов забежал в сторожку, схватил со стола фонарик и выскочил в ночь. Он запомнил, в какой стороне скрылась фигура загадочного существа, и, пробежав шагов двадцать, забежал в чащу леса в том же месте.

Освещая себе дорогу, оперуполномоченный как мог быстро передвигался сквозь ельник, то и дело останавливаясь и слушая. Но, кроме шороха ветвей и шума ветра, ничего не различал. Пробежав метров сто, Кузнецов понял, что ему не удастся найти и догнать загадочного гостя. Буквально через пять-шесть минут по лицу его ударили первые капли дождя. Вернувшись к сторожке, он зашёл внутрь и сел за стол. Может, никого не было, и всё это плод его воспалённого воображения? Оперативник, живший в нём, явно был не согласен с подобным предположением. Кузнецов тут же выбежал снова во двор и, подсвечивая землю фонариком, подошёл к месту, где стоял нежданный гость. На земле отчётливо отпечатались следы. Ног, лап, конечностей? Аккуратно поставив свою ногу рядом, Андрей поразился. След был как минимум сантиметров на пять больше его сорок третьего размера и не был похож на след от обуви. Глядя в пустоту, он прошептал:

– Даже если ты леший, я всё равно тебя найду!

Глава 6

До райцентра оставалось километров пять, когда ожила радиостанция:

– Сто первый, Сто первый, ответь Арарату! Это был позывной дежурной части ОВД. Одному богу известно, чем руководствовался человек, который придумал такой позывной для радиостанции в уральской глуши.

Толяныч взял тангенту:

- На связи, Сто первый!
- Когда на базу прибудете? Малышев волнуется!

Чудов ухмыльнулся. Ждут, боятся «глухаря» словить. Эта поездка ему порядком надоела, хотелось есть и спать.

- Минут через пятнадцать.

Толяныч повесил переговорное устройство на кронштейн. В зеркало заднего вида он видел, как Ротгер и Ковалёв клевали носом.

Чудов закрыл глаза и представил, как завтра отоспится, а потом они с Викой поедут в город и обязательно сходят в кино. Почему в кино? Да вот так просто. Вот уже полтора года они были знакомы. Их отношения то вспыхивали, то угасали, то тлели, оставляя чувство неопределённости. Но Чудова это вполне устраивало, так как он был уверен, что не будет Вики, её место очень скоро займёт другая. Его прокурорская зарплата была в райцентре чуть ли не самой высокой и была чуть меньше зарплаты главы администрации. Вика же была мягкой и покладистой девушкой, не умеющей скандалить и устраивать истерики. Во многом именно из-за этого Чудов и не разрывал с ней отношений окончательно.

Скрип тормозов вывел его из полусонного состояния.

- Приехали, господа хорошие.

Чудов вылез из машины и, обращаясь к шофёру, сказал:

- Не отъезжай пока, сейчас меня домой отвезёшь.

Толяныч кивнул:

- Наше дело маленькое, крути баранку да педали жми! Как скажете.

Чудов вместе с милиционерами зашёл в здание ОВД. Возле дежурки он остановился и спросил Юранева:

- А где Малышев?

Получив ответ, они поднялись на второй этаж и, пройдя по коридору, оказались у кабинета заместителя начальника ОВД подполковника милиции Малышева. Чудов без стука отворил дверь и, зайдя в кабинет, сел на свободный стул:

- Только зря катались!

Малышев сидел за столом и смотрел по телевизору какой-то фильм. Чудов отметил, что у Малышева на стене висели старые часы с кукушкой. Стрелки раритета показывали 23 часа 37 минут.

Выключив звук и повернувшись к вошедшим, подполковник кивнул милиционерам «Свободны!», а сам обратился к Чудову:

- Поподробнее можно, Николай Иванович?
- Алексей Александрович, поподробнее – это ни живых, ни мёртвых! Никого! Малышев поднял телефон прямой связи с дежуркой:

- Юранев, приведите ко мне этого, задержанного... Да, Пенькова.

Положив трубку, он о чём-то задумался и, вспомнив, спросил:

- Кстати, а где Кузнецов?

Чудов, совершенно спокойно глядя на Малышева, ответил:

- Там. В лесу остался.

– Как в лесу? Один?

– Ну да, один. Он сам изъявил желание.

Услышав ответ, Малышев позеленел от злости. Мальчишка! Всем известно, что старший в опергруппе – следователь, и неважно, какое у него звание. За опергруппу отвечает именно он. Взяв себя в руки, Малышев тихо спросил:

– Вы что, Николай Иванович, не понимаете?

– Что я не понимаю? – Чудов хотел оскорбиться, но, глянув в глаза Малышеву, осёкся.

– У меня Кузнецов – лучший оперативник! Я на него молюсь, он мне один раскрывает пять преступлений из семи! А вы преспокойно оставляете его одного в лесу на месте предполагаемого преступления и как ни в чём не бывало возвращаетесь сюда. А если с ним что-нибудь случится?! – Малышев с шёпота перешёл на повышенный тон.

– Но, извините, – Чудов не переваривал, когда его в чём-нибудь обвиняли, и сейчас был именно такой случай, – что может произойти за одну ночь?! У него пистолет, рация... В конце концов, он офицер!

– Вот взяли бы рацию, пистолет и сидели бы там вместе с ним! А вы в курсе, что наши «моторолы» не волшебные и дальность их действия ограничена, – уже успокоившись, сказал Малышев. Чудов демонстративно фыркнул и отвернулся. Повисла неловкая пауза. Через минуту в дверь постучали.

– Да, войдите!

В кабинет зашёл помощник оперативного дежурного.

– Привёл, товарищ подполковник. Заводить?

Малышев кивнул. Пеньков протиснулся в кабинет. Он уже пришёл в себя и выглядел гораздо лучше. Видимо, вспомнив иностранные боевики, он довольно бодро произнёс:

– За что меня задержали? Я требую адвоката!

Малышев удивлённо поднял бровь.

– Товарищ Пеньков! По действующему законодательству мы имеем право задержать вас на 48 часов до выяснения всех обстоятельств или предъявления обвинения. Адвокат у вас будет, а пока потрудитесь ответить мне на пару вопросов!

– Я никого не убивал и буду говорить только в присутствии адвоката, – хотя Пеньков и хорохорился, в его голосе явно послышалась неуверенность.

Не обращая на его слова никакого внимания, Малышев продолжал:

– А вас никто в убийстве и не обвиняет. Пока, – он пристально взглянул на собеседника. – Вы же подписывали протокол, и вас предупредили, что в соответствии со статьей 306 Уголовного кодекса Российской Федерации о возможном возбуждении уголовного дела за ложный донос срок до шести лет лишения свободы.

Малышев откинулся в кресле и перевёл взгляд на Чудова.

– Владимир Степанович, – Чудов вспомнил, что он работник прокуратуры и выжидательно посмотрел на Пенькова, – зачем вы обманули правоохранительные органы?

– Я? Я обманул? – Пеньков тут же стал заикаться. – Я никого не обманывал!

Он снова стал выглядеть испуганным и жалким.

– А у всех нас сложилось другое мнение о вас, гражданин Пеньков! – Чудов продолжал. – Мы были на том месте, где, по-вашему, убили э-э-э-э, Бормотова и Воронова. К сожалению, или, вернее, к счастью, никого там не нашли.

– Не может быть! Я... я... сам же их там видел мёртвыми! – кажется Пеньков был близок к обморочному состоянию.

– Разве вы не верите нам?

– Но как? Как такое может быть?! Я клянусь вам, я говорю правду!

– А может это вы их убили и закопали где-нибудь поблизости? – Чудов вонзил в допрашиваемого беспощадный вопрос.

Пеньков побледнел, поднёс ко рту кулак и закашлялся. В его глазах заметался страх. Малышев встал, налил из графина воды и подвинул стакан к краю стола.

– Выпейте и успокойтесь, Пеньков. Вам дали возможность сообщить родным о задержании? Мы в любом случае во всём разберёмся. Виновных найдём и привлечём к ответственности, обещаю.

Пеньков, взяв стакан, закивал:

– Да, я маме позвонил.

Когда Пеньков выпил воды, Малышев распорядился, чтобы его увели назад в ИВС.

– Что ж, похоже, он не врёт. Но тогда всё становится ещё более странным и загадочным. Завтра я распоряжусь, чтобы наши ребята съездили в город к этим Воронову и Бормотову, поработали там. Может, тогда что-нибудь прояснится.

– Ладно, Алексей Александрович, утро вечера мудренее. Я поехал домой.

– Да, я вам не начальник. Спокойной ночи.

Когда за Чудовым закрылась дверь, Малышев вновь поднял телефон прямой связи с дежуркой.

– Юранев! Свяжись с Тринадцатым и мне доложи, как обстановка.

Спустя пять минут зазвонил телефон:

– Товарищ подполковник, Тринадцатый не отвечает.

Малышев сжал челюсти:

– Вызывайте периодически, пока не ответит, – и устало положил трубку.

Он повернулся к окну. Три года назад его сын погиб в автокатастрофе. И сейчас к Кузнецову он испытывал почти отеческие чувства. Нравился тот ему своей толковостью, хваткой, профессиональным чутьём, и, главное, он чем-то неуловимо напоминал ему сына.

– Эх, Андрюша! Только не лезь ты никуда!

На стене часы пробили полночь.

Глава 7

«Раз он мне не сделал ничего, значит, и не сделает», – лежа на нарах, успокаивал себя Андрей. В сторожке дверь не закрывалась на замок, поэтому Кузнецов придвинул к ней лавку и подпёр под ручку. Хотя это было слабой защитой, скорее, своеобразной сигнализацией. Он лежал, положив левую руку под

голову, а в правой руке сжимал пистолет. Старший лейтенант был реалистом и не верил во всякую нечисть. Убийства, грабежи, кражи, изнасилования совершали всё-таки люди, а не вымышленные кем-то чудовища и герои народных эпосов. Рассказы стариков и бабские сплетни он считал больше сказками, чем историями из реальной жизни. Но сегодняшний случай не вписывался в его прежнее мировосприятие и понимание жизни. Это можно было сравнить с тем, как если бы, посмотрев фильм про зомби, ты, выйдя вечером за сигаретами, вдруг столкнулся с одним из них нос к носу возле ларька. Вон на небе сегодня полнолуние. Время оборотней и вурдалаков. И что, значит, эти оборотни сегодня где-то шастают?

От этой мысли Андрей вздрогнул, так как вдалеке вдруг послышался волчий вой. «Да, сержант Кузнецов, что бы по этому поводу сказал бывший ротный? А ротный сказал бы наверняка свою любимую фразу: “Не умирай раньше, чем тебя убили”». Воспоминание о капитане Светлове вернуло оперативнику присущую ему уверенность и силу духа. Перед глазами вновь встала картина, когда их рота попала в засаду недалеко от Шали. Тогда это было для него первое настоящее боестолкновение. Он увидел растерявшегося от грохота, дыма и чувства обречённости, ужаса и страха рядового Кузнецова. Тот зелёный, необстрелянный Андрей лежал за каким-то камнем и, обхватив голову руками, хотел одного – раствориться и слиться с окружающим миром. Он хотел превратиться в этот камень, в эту землю, стать невидимым. Тогда, открыв глаза, Андрей случайно наткнулся взглядом на ротного. Тот, раненный куда-то в плечо, лежал в трёх шагах от него и хриплым голосом выкрикивал команды. Светлов встретился с ним глазами. И вдруг Андрей среди хаоса боя и какофонии звуков совершенно отчётливо услышал его хриплые слова: «Кузнецов! Ты же солдат, ты десантник! Стреляй, стреляй братишка». И, заразившись его неподдельным мужеством, Андрей вспомнил про свой автомат и, словно переступив через незримую черту в собственном сознании, принялся ожесточённо и отчаянно стрелять сначала бессмысленно, но потом всё увереннее и толковее. Он целился в тех, кто пришёл сюда его убивать, кто захотел лишить его большого, прекрасного мира и этого закопчённого, но такого родного неба. Когда же, расстреляв второй рожок, он повернулся к ротному, тот уже потерял сознание. Андрюха затащил его под гусеницы бээмдэшки и, отстреливаясь, свято верил, что именно сегодня он не погибнет, не умрет. Он будет жить.

«Вой, вой, волчара! Тебе по всем волчьим законам полагается быть на луну!» – Кузнецов, успокаиваясь, вздохнул. Если верить во всех этих вурдалаков, кикимор и упырей, то в своих фантазиях можно далеко зайти. Он улыбнулся. Будучи в пионерском лагере, который он ещё застал, с каким возбуждённым наслаждением пионеры после отбоя рассказывали друг другу всякие страшилки про чёрного-чёрного человека, про Елену Длиннорукую, про гномов-людоедов. «Нет, в этой жизни есть совершенно объяснимые факты, а всякая нечисть живёт в небылицах и сказках. В сказках обитают великаны, лешие, циклопы...» Веки Андрея отяжелели, сон неожиданно наваливался, гася сознание. «Духи, демоны, джинны, черти, драконы, чудовища...» – мысль уже не участвовала в оценке образов, она из последних сил цеплялась за бытие.

Он спал. И не мог видеть, как за окошком за ним внимательно наблюдает пара нечеловеческих глаз.

Прошло почти семь часов.

Открыв глаза, Андрей несколько секунд смотрел на верхнюю полку, соображая, где он находится. Потом рывком сел на нарах и осмотрелся. За окном уже светало. Дверь по-прежнему была припёрта лавкой, на столе лежали остатки трапезы, фонарь, рация. «Пистолет!» – резанула проснувшееся сознание внезапная мысль. Но «макаров» никуда не делся и лежал рядом, холодная сталь обожгла пальцы. Кузнецов поежился: «Да, сентябрь – не май месяц!» Он встал, потянулся, подпрыгнул пару раз на месте и сделал несколько круговых движений руками, разгоняя по остывшему за ночь телу кровь. Посмотрел на часы. Шесть двадцать две. Взяв рацию, щёлкнул тумблером и, нажав на передачу, произнёс:

– Арарат, Арарат, я Тринадцатый. Как слышишь меня? Приём!

«Моторола» издевательски молчала и глядела на оперуполномоченного чёрным динамиком.

– Арарат! Тринадцатый на связи! Приём!

Судя по всему, Арарат был так же недостижим, как и одноимённая вершина в горах Закавказья.

– Да, так и должно быть! – Андрей невозмутимо сунул рацию в нагрудный карман и, отодвинув лавку, вышел наружу.

Небо почти сбросило ночное покрывало. От ночных облаков не осталось и следа. Трава после дождя была мокрой, и Кузнецов довольно отметил, что резиновые сапоги надел не зря. Надо действовать, всё равно машина за ним придёт рано или поздно, потому что Малышев его здесь не оставит куковать.

Постояв несколько секунд, Андрей решил внимательно осмотреть следы вокруг. Он понимал, что дождь размыл и практически уничтожил их, но надеялся увидеть хоть что-нибудь. «Если здесь были трупы, то передвигаться самостоятельно они не смогли бы, значит, их несли или тащили волоком». Андрей внимательно стал вглядываться в землю, отыскивая признаки своего предположения. Отойдя от сторожки метров на десять, он зашёл в лес, край которого был ближе всего к домику. Да, он видел размытые человеческие следы на свободных от мха проплешинах, но было непонятно, то ли это следы опергруппы, то ли ночевавших охотников, то ли ночного гостя. Подняв глаза, Кузнецов заметил что-то висящее на дереве шагах в пяти. Подойдя ближе, он даже присвистнул от удивления, а сердце забилось чаще, как у охотника, почуявшего дичь. Похоже, рассказ Пенькова, стал воплощаться в реальность. На дереве, запутавшись ремнём в ветвях, висело ружьё. Вернее то, во что оно превратилось. Стволы были согнуты, словно переломленная на колене палка.

– Ага! Это уже что-то! – довольно размышлял Андрей. – Ночью какое-то чудо здесь гуляет и убегает от меня, утром я нахожу это ружьё! На спектакль не похоже.

Он вспомнил историю, которую слышал от деда. Мол, в начале шестидесятых бродил по здешним лесам мужик. Здоровый, как медведь. Пугал женщин

и детей, к людям не выходил. А однажды его случайно пристрелили, спутав с косолапым, когда он залез в коровник. Как потом оказалось, этот мужик, боясь карающего и всемогущего меча НКВД, сразу после войны сбежал в лес, так как был дезертиром. Да так и прожил там около тринадцати лет в землянке. Может, это такой же дезертир? Только вот выходило, что ему уже за семьдесят и согнуть ствол ружья он вряд ли бы смог. Как и вообще человек в принципе. А потом, зачем его ломать, когда лучше им воспользоваться? Тем более в сторожке целое ружьё стоит себе спокойно? Да, вопросов больше, чем ответов.

Развернувшись, Андрей пошёл к сторожке. Вдруг по спине пробежал холодок. Он кожей ощутил чей-то пристальный взгляд. Решив не поворачиваться, Кузнецов осторожно сунул руку в карман и, нащупав рукоятку пистолета, обхватил её. За спиной послышался шум. Резко повернувшись и выхватывая пистолет, Кузнецов увидел огромный силуэт, и тут же в его голове взорвалось несколько ярких солнц. Свет в глазах мелькнул и погас, как лампочка, лопнувшая от перенапряжения.

Глава 8

Утренний развод прошёл без лишних эксцессов. Пара краж и два заявления по хулиганке, за исключением информации о неподтвердившемся убийстве. Начальник ОВД, закончив совещание, встал из-за стола.

– Александр Петрович! – это Малышев, обращаясь к нему, видимо, хотел чем-то расстроить. – По вчерашнему случаю!

– Да, Алексей, что ещё!

– Вчера Чудов, – Малышев поморщился. – Оставил на делянке Кузнецова. Наши попытки связаться с ним по радиостанции ни к чему не привели, сам он на связь не выходил. Далёко ведь. Я думаю, ничего не случилось, просто ограниченность связи. Хотя в любом случае надо туда ехать, чтобы составить бумаги по заявлению и забрать нашего героя.

– Хорошо, Алексей, я разберусь! Ты иди домой, отдыхай. Всю ночь и так бодрствовал.

Данилов повернулся и пошёл в свой кабинет. Малышев, поднявшись к себе, вызвал начальника отделения уголовного розыска.

– Вот что, Игорь, – он смотрел на сухощавого высокого мужчину лет тридцати, – отправь в город человека потолковее. Пусть пробыёт по адресам этих Бормотова и Воронова. А также проверит их и Пенькова в информационном центре по картотеке, как там у них с прошлым.

– Сделаем, шеф! – ответил начальник отделения в стиле американских фильмов про полицейских и совершенно с другой интонацией спросил: – Можно я за Андрюхой слетаю?

– Валяй! И не дай бог... – тут Малышев осёкся. – И надеюсь, у вас сложностей не возникнет. Позвонишь мне домой, как всё утрясётся. Давай, Игорёк!

Он сел в кресло и задумался. Чего это я так разволновался? Кузнецов – парень местный, за плечами Чечня, охотник, спортсмен. Но непонятный червь сомнения терзал его душу и мысли. Выдохнув, он встал, накинул куртку и, поправив причёску, захлопнул за собой дверь кабинета.

Вчерашний уазик стоял во дворе, работая на холостых оборотах. Только за рулём сидел не Толяныч, а молодой водитель, работающий в отделе первый год. Он сидел и разгадывал кроссворд, когда трое сотрудников, садясь в кабину, хлопнули дверью.

– Так, Серёга, едем на двенадцатую делянку!

– Машина едет, а служба тащится, – сострил Серёга и, выжав педаль сцепления, включил передачу. Машина нехотя тронулась с места, словно оскорбляясь на то, что её снова отправляют в лес.

– Игорь! А что вчера было-то? – это участковый Карпинского сельсовета Максим Шувалов спросил у начальника отделения уголовного розыска.

– Да так. Один гражданин из города заявил, что на двенадцатой делянке убили его товарищей, с которыми он вышел в лес погулять.

Игорь смотрел в окно и, казалось, никак эмоционально не отреагировал на вопрос.

– В смысле, погулять? Поохотиться, что ли?

– Ну понятное дело! Они просто такие вольные стрелки, похоже, у них ружья даже незарегистрированные. Если бы не случай, о них никто бы и не узнал.

– Чудов вчера удружил, как всегда, – это вступил в разговор следователь Смирнов, – приехал, наследил и уехал.

Мало кто в ОВД питал настоящее уважение к Чудову. За довольно короткий срок люди распознали в нём циника и карьериста. Смирнов не был исключением.

– Не переживай, Василич, мы с Андрюхой тебе быстро доказательную базу и состав преступления нароем, если оно имело место быть. Да он там уже всё раскрыл без нас, – засмеялся Игорь.

Уазик пытел из всех сил, и если бы он был вполне одушевлённым и живым существом, разговаривающим по-русски, то наверняка люди услышали бы вместо рёва двигателя отборный мат.

– Товарищ капитан, – Серёга, глядя в зеркало заднего вида, обратился к Игорю, – а вы слышали какие-нибудь рассказы про эту двенадцатую делянку?

– Так люди постоянно мелят чепуху! И про то, что нам зарплату поднимут в два раза, и про то, что у нас будут строить деревообрабатывающую фабрику... – Игорь отреагировал на вопрос коллеги, не задумываясь.

– Ну вы же понимаете, о чём я?

– Да, слышал я про всякое. Но разве ты сам веришь в этих леших и оборотней?

– Ну знаете, как посмотреть! Вот у моей бабки за печкой жил домовый! Так он ей посуду мыл!

– Может, это бабушка ей посуду мыл, а она на домового грешила?

Троица весело рассмеялась.

– Да нет, дед на кухню только за куском заходил, а к грязной посуде вообще под страхом смертной казни не прикасался.

– Так при чём здесь домовый?

– А при том, что бабка сама видела, как миски и кастрюльки наутро становились чистыми! И так каждый раз, когда на ночь грязную посуду оставляли. Она потом домовому блюдец с молоком за печь ставила. И ведь наутро она была пустой!

– Вот! И мышки с кошками были счастливы, что у них есть в доме домовый! – закончил Максим. И снова в машине раздался смех.

Несколько секунд в салоне было тихо, а потом Максим Шувалов вдруг заговорил:

– Да, кстати, я тоже, помню, от отца слышал историю, как однажды на рыбалке он с русалкой познакомился. Он как выпьет, всё эту русалку вспоминает!

– Вот-вот! Глаза, видимо, так же залил, как эти городские. После этого любое бревно русалкой покажется, которая разговаривает и хвостом рыбьим заманивает, – Максим не сдавался.

Уазик тем временем съехал на лесную дорогу и, как накануне почувствовав себя яхтой на голубом океанском просторе, стал то и дело проваливаться в бездну. Где-то через полтора часа группа подошла к сторожке. Не доходя до неё несколько метров, Игорь крикнул:

– Эй, хозяева, встречайте гостей!

Никто не вышел им навстречу. Тишина встретила их, а не хозяева.

– Куда унесло нашего разыскника? – Смирнов посмотрел по сторонам. – Спит что ли?

Но сторожка была пуста. Ни Кузнецова, ни пистолета, ни рации. Никого. Лишь тайга молча взидала на очередных гостей.

Глава 9

Утро встретило Чудова лежащим на диване. И это было для него прекрасным вознаграждением за вчерашнюю поездку.

«Как же здорово просыпаться в собственной постели, когда тебя обволакивает белоснежная простынь, никто тебе не капает на мозги, никто не требует раскрытия преступлений».

Чудов потянулся и довольно зажмурился. Затем, нащупав под подушкой телевизионный пульт, вытянул руку в направлении плоскоэкранный Panasonic и нажал на кнопку.

Телевизор раскрыл свой кинескопический глаз на канале НТВ и, уставившись на Чудова, стал рассказывать о новостях за прошедшие сутки.

Чудов засунул руку под подушку и вынул сотовый телефон. Глянув на дисплей, удивлённо присвистнул.

– Нормально! Уже одиннадцать!

Сбросив одеяло, Николай опустил ноги на пол и, всунув их в тапочки, пошлёпал в туалет.

Стоя в туалете, он с сожалением подумал, что холостяцкая жизнь хоть и прекрасна, но лишает человека полноценного отдыха, так как чувство голода мешает радоваться жизни. «Вот бы Вика сейчас приготовила какую-нибудь вкуснятину, а я бы, потягиваясь в постели, капризно дул губы», – мечтал он.

Внезапно телефонный звонок на кухне прервал его мечтания.

Подойдя к телефону, Чудов нехотя взял трубку:

– Алло? Я слушаю!

– Николай Иванович, – голос в трубке принадлежал Малышеву. – Отдыхаете?

– Естественно, заслуженный выходной.

– Извините, я не хотел вас тревожить, но мне не даёт покоя тот факт, что Кузнецов остался в тайге один, – в голосе Малышева чувствовались беспокойные нотки.

– Понимаю, но при чём тут я, – Чудов скривился. – Разве что-то произошло?

– Да нет, ребята уехали на делянку за ним. Пока на связь не выходили, – Малышев замолчал и через несколько секунд закончил: – Просто мы ночью толком с вами не поговорили.

– А о чём тут говорить? – Чудова немного раздражала эта никчемная, по его мнению, болтовня.

– Ну вы же всё-таки не первый день в прокуратуре. Наверняка имеете своё мнение! Заметили какие-нибудь нюансы? – Малышев словно не чувствовал раздражения со стороны Чудова.

– Моё мнение такое, – Чудов хотел побыстрее отвязаться от этого назойливого милиционера. – Воронова и Бормотова никто не убивал. Пеньков перепил, и ему всё показалось. А его приятели, думаю, давно вышли из леса и сидят дома, делятся впечатлениями.

– Вашими бы устами мёд пить, Николай Иванович. Даже боюсь представить, что это так.

– А вы спите побольше, Алексей Александрович, и мысли всякие в голову лезть не будут. Всего хорошего! – с этими словами Чудов положил трубку на рычажки.

«Вот так легко можно испортить нормальное воскресное утро!»

Ему было наплевать на эту глупую историю, на этого подполковника и все его проблемы.

Он открыл холодильник и достал колбасу, яйца и помидор. Привычный холостяцкий завтрак. Разогрев сковородку и приготовив глазунью, Чудов открыл крышку мусорного ведра, чтобы выбросить в него скорлупу. Из ведра неприятно пахло давно залежавшимися отходами. «Ну и вонь!» – скривился Чудов. Внезапно, подчиняясь не свойственному для его натуры желанию, он выпрямился и взял телефонную трубку. Набрал по памяти номер дежурной части ОВД.

– Алло, дежурный? Это прокурор Чудов. Мне домашний телефон Малышева, пожалуйста, скажите.

Через минуту он уже звонил Малышеву:

– Да! Алло? – Чудов услышал женский голос.

– Извините, а пригласите, пожалуйста, к телефону Алексея Александровича.

«Алексей, это тебя», – в трубке что-то стукнуло, видимо её положили на стол. Спустя полминуты её подняли:

– Слушаю, Малышев.

– Алексей Александрович, – Чудов сам поразился собственной инициативе, – я вспомнил. Вчера в сторожке дурно пахло, и Кузнецов предположил, что этот запах напоминает медвежий.

Секундное замешательство на том конце трубки дало возможность Чудову добавить:

– Да и ваша разыскная собака была крайне напугана, даже кинолог, Ковалёв кажется, был удивлён её поведением. Она лаяла в темноту, а потом даже в сторожку не зашла. Можно расспросить Ковалёва.

– Спасибо, Николай Иванович, – в голосе Малышева слышалось удивление. – Я учту ваши слова.

– До свидания! – Чудов положил трубку.

«Да, пойду-ка я полежу чуток, а то даже в выходной начинаю думать о работе. А это уже смахивает на профессиональную деградацию», – с этими мыслями Чудов пошёл в комнату и плюхнулся на диван.

Глава 10

– Прекрасно, – Игорь стоял в нескольких метрах от сторожки и разглядывал свою «моторолу», – вроде бы капиталисты проклятые сделали, а пользы никакой. Он снова поднёс её к губам.

– Тринадцатый, Тринадцатый, ответь Десятому, как меня слышишь? Приём!

Но рация молчала, как и подобает честному партизану на допросе.

– Я предлагаю подождать. Ведь нет никаких следов борьбы, нет ничего, что свидетельствовало бы о несчастье. Тем более Андрюха – десантник, в Чечне воевал. Просто так себя в обиду не даст, – Максим Шувалов пинал ботинком какую-то пустую банку из-под консервов.

– Эй, может быть, ты пинаешь вещественное доказательство? – Смирнов возмущённо схватил легкомысленного участкового за рукав куртки.

– Да тут весь лес – одно сплошное вещественное доказательство, – беззаботно засмеялся Максим. – Нам бы Кузнецова дождаться.

Игорь Агеев как старший группы, немного поразмыслив, принял решение:

– Нет, под лежащий камень вода не течёт. Давайте разойдёмся в разные стороны и будем внимательно смотреть под ноги и по сторонам. Кузнецов – не иголка, хотя тайга очень напоминает стог сена. Связь поддерживаем голосом. Вопросы есть?

Шувалов и Смирнов переглянулись.

– Нет, – за двоих ответил Смирнов.

– Тогда вперёд.

Милицционеры разошлись от сторожки как солнечные лучи. Примерно около часа они внимательно, метр за метром, осматривали участок леса возле сторожки.

– Так, ребята, выходим на поляну! – позвал всех Игорь. Он решил прервать бесплодные поиски. Все собрались возле лесного домика. Люди немного устали. Требовался перекур. Агеев достал пачку синего LM и, протягивая Смирнову, кивнул:

– Угощайся, Василич.

Смирнов вынул из пачки сигарету и прикурил из рук начальника отделения. Выпустив дым, он посмотрел в сторону леса:

– Раз, два, три, четыре, пять! Я иду тебя искать! Кто не спрятался, я не виноват!

Шувалов не курил, поэтому, взяв рацию у Агеева, сказал в микрофон без особой надежды:

– Тринадцатый, Тринадцатый! Как меня слышишь? Приём!

Через пару секунд в рации послышался характерный щелчок, и на фоне помех раздался голос из динамика:

– Тринадцатый на связи!

Все на секунду опешили.

– Андрюха, – нарушая правила ведения служебных переговоров, закричал в рацию Агеев. – Ты целый? Где ты?

Рация вновь ожила:

– Я иду к сторожке, минут через десять буду.

– Мы рядом, ждём тебя возле неё, помощь нужна?

– Нет! – рация замолчала.

Игорь радостно потёр руки.

– Так, одной проблемой меньше. А если он чего-то раскопал, то у нас сегодня вообще стопроцентный результат.

Мужчины стояли на полянке перед сторожкой и время от времени крутили головами по сторонам, стараясь угадать, откуда появится их сослуживец.

– Вот он, – Максим Шувалов показал на вышедшую из леса фигуру.

Все повернулись в ту сторону и увидели Андрея, который уверенно шёл к ним навстречу.

– Андрюха, чертяка, где тебя носит? Мы уже все слёзы по тебе высушили, – засмеялся Игорь. – Аж от сердца отлегло!

Кузнецов молча подошёл к ним и, обращаясь к Смирнову, произнёс:

– Ты зря переживаешь, никто вас не станет отчитывать.

Смирнов чуть не вздрогнул. Только что, глядя на Андрея, он думал о том, что их, наверняка, пропесочат за отсутствие результатов по заявлению Пенькова.

– Ты чего, Андрюха? – Игорь тронул младшего товарища за плечо.

Кузнецов посмотрел ему в глаза, и Агееву показалось, что в его подчинённом что-то неуловимо и необъяснимо изменилось за эти сутки.

– Всё в порядке, товарищ капитан. Можно ехать в отдел.

– Подожди, а как же преступление, о котором заявил Пеньков?

– Не было никакого преступления. Вероятно, ему всё приснилось по пьянке. Воронова и Бормотова не убивали.

– Что всё это значит? – вопрос повис в воздухе, рискуя стать риторическим.

Андрей обвёл всех странным тяжёлым взглядом и сказал, медленно растягивая слова:

– Ничего не было, нам пора ехать.

Странно, но никто не захотел ему возражать.

– Как скажешь, Андрюха! Ребята, домой! – Игорь, махнув рукой, пошёл вперёд. Все остальные молча присоединились к нему. Только Андрей, остановившись, устремил свой взгляд в таёжную даль. Перед глазами всплыли своды пещеры, мудрые глаза умирающего существа:

– Я ничего не забуду, – прошептали его губы.

Глава 11

Только что закончилась планёрка. В ОВД, как и по всей стране, началась новая трудовая неделя. В кабинете заместителя начальника ОВД Малышева собрались оперуполномоченные уголовного розыска во главе с Игорем Агеевым.

– Итак, товарищи. Что мы имеем на сегодняшний день по заявлению гражданина Пенькова? – Малышев, сидя за своим столом, обвёл взглядом личный состав. – А имеем мы следующее. Обе группы, выезжавшие на место предполагаемого преступления, тел не обнаружили. Не обнаружилось следов борьбы, следов сокрытия преступления, крови, других фактов, указывающих на правдивость сообщения. Слова Пенькова о насильственной смерти его друзей... гм... Бормотова и Воронова никакого подтверждения не нашли. Старший лейтенант Кузнецов, оставшийся на ночь в сторожке, тоже ничего не обнаружил.

Малышев посмотрел на Кузнецова. Тот сидел невозмутимо, разглядывая рисунок на обоях.

– Но вместе с тем имеются кое-какие любопытные факты. Вчера в город ездил Одинцов и выяснил, что Воронов и Бормотов домой не возвращались. Не видели их ни родные, ни соседи. Их знакомый, некто гражданин Верёвкин, проживающий в нашем райцентре, также их не видел и был очень удивлён, узнав об этой истории.

Более того, по данным Информационного центра ГУВД, два года назад в отношении товарищей Бормотова и Воронова было возбуждено уголовное дело за изнасилование несовершеннолетней. Его впоследствии прекратили за отсутствием состава преступления. Соответственно, нельзя сбра-

сывать со счетов месть потерпевшей, точнее её родственников. Кто хочет высказаться?

Агеев, кашлянув в кулак, произнёс:

– Предлагаю пообщаться с той девушкой. Узнать все подробности того случая от следователя городского, который вёл это дело, сами материалы из архива поднять.

Малышев кивнул.

– Прокуратура сегодня освободит Пенькова. Думаю, несмотря на то, что для возбуждения уголовного дела по сто пятой оснований нет, мы должны до конца проработать этот вопрос.

Внезапно Кузнецов, сидевший до этого времени спокойно, встал и, обедая присутствующих взглядом, посмотрел на Малышева:

– Алексей Александрович, вы абсолютно правы. Никакого убийства не было. Бормотов и Воронов живы. Пока.

– Что значит пока?

– Вы помните убийство егеря Тимофеева в 1984 году на том же самом месте? Убийц так и не нашли. А убили его, – Кузнецов сделал паузу. – Сысуев Андрей Михайлович и Воронов Аркадий Вячеславович. Эти товарищи дважды отбывали наказание в колонии строго режима за вооружённый грабёж.

– Постой! – Малышев с удивлением посмотрел в ежедневник. – А ведь одного из приятелей Пенькова зовут Воронов Алексей Аркадьевич!

– Совершенно верно. Это сын того самого Воронова. Ни Сысуева, ни Воронова, ни двоих других участников убийства егеря в 1984 году найти не удалось. Потому что людям, убившим старика Тимофеева, вынесла приговор сама тайга. И она же привела его в исполнение, немедленно и бесповоротно. Воронова-младшего и Бормотова, я уверен, ждёт тот же финал, несмотря на то, что они смогли купить следователя и развалить уголовное дело.

– Но с чего ты это взял? И при чём тут егерь Тимофеев?

– Поговорка права: яблоко от яблони недалеко падает. А людские законы и люди, их охраняющие, несовершенны. Зачастую преступники безнаказанно разгуливают на свободе, как эти двое. Но их час пробил. И конец близок. А старик Тимофеев просто был с тайгой на ты. Она и отомстила за его смерть.

Сидящие в кабинете оперативники переглянулись, настолько странными казались слова Кузнецова.

– Подожди, Андрей, откуда ты это всё знаешь? – спросил Малышев.

– Не спрашивайте меня, товарищ подполковник, просто знаю, и всё! И не надо никого никуда отправлять.

Малышев внимательно смотрел на Кузнецова. «Да, ночь в лесу не прошла для парня бесследно, – подумал он. – Говорит про какой-то приговор тайги, несёт какую-то чепуху. Надо ему отпуск дать».

Глядя в глаза Малышеву, Кузнецов глухо произнёс:

– Я, товарищ подполковник, в полном порядке, и отпуск мне не нужен!

Малышев удивлённо смотрел на Андрея. Что-то нечеловеческое блеснуло в глазах молодого оперативника.

– Так, все свободны. А ты, Кузнецов, останься на минутку.

Когда за последним сотрудником захлопнулась дверь, Малышев встал.

– Ты... – он явно не знал, с чего начать. – Ты как догадался, о чём я подумал?

– Я не догадался. Я знал. Вот сейчас вы думаете о том, что Кузнецов – мой лучший оперативник, самый талантливый в отделении, и жаль, если с его психикой что-то случилось.

Малышеву было сорок семь лет. Он многое в жизни повидал, но сейчас происходило что-то странное и для него не совсем понятное. Подойдя и наклонившись к Кузнецову, он неожиданно для себя произнёс:

– Андрей, расскажи мне, с тобой что-то случилось там, в лесу?

Кузнецов посмотрел прямо в глаза своему начальнику. От этого взгляда исходила какая-то непонятная, ранее не виданная Малышевым сила и энергетика. На него спокойно и в то же время пронизывающе смотрели глаза векового многомудрого старца.

– Об этом ещё рано говорить.

Малышев выпрямился и, подойдя к столу, сказал:

– Хорошо! Скажи Агееву, что я дал тебе выходной. Выспись, а завтра с утра на работу.

Кузнецов встал, задвинул стул и подошёл к двери. Взявшись за ручку, он обернулся и спросил:

– Алексей Александрович! А вы верите в рассказы стариков или байки, называйте как хотите, о хозяине тайги?

Малышев на секунду задумался.

– В смысле?

– Рассказы о снежном человеке!

– Знаешь, – Малышев пожал плечами. – Скорее нет, чем да.

– Может быть зря! – с этими словами Кузнецов вышел из кабинета.

«Да! Ну и ну!» – Малышев хмыкнул и огорчённо стукнул карандашом по столу. Подойдя к окну, он увидел, как через пару минут из здания ОВД вышел Кузнецов и уверенной походкой пошёл по улице. Безмятежно бежавшая ему навстречу бродячая собака вдруг испуганно присела и, поджав хвост, бросилась на другую сторону улицы.

Кузнецов остановился. Он повернул голову и посмотрел на окно, за которым стоял Малышев.

«Теперь всё будет по-другому», – появилась в голове Малышева мысль. Но он мог ручаться, что она ему не принадлежала.

Эпилог

По улице небольшого уральского райцентра шёл обычный с виду парень. Многие знали его. Это был оперуполномоченный уголовного розыска местного ОВД Андрей Кузнецов. Но люди даже не догадывались, что в знакомом им человеке теперь скрыта нечеловеческая сила и возможности. Уверенно глядя вперёд, по улице шёл Хозяин тайги.

Казанова из дежурной части

Николай Николаевич Корольков шёл на работу. Предстояли дежурные сутки. Это как обычно. Работал он сутки через трое. Оперативным дежурным Энского РУВД. Принимал сообщения от граждан о различных происшествиях, организовывал работу по выезду на места преступлений и всё такое. Работу свою Николай Николаевич не то чтобы не любил, но относился к ней безразлично. Отработал и забыл.

Зато Николай Николаевич очень женщин любил. Одна жалость – имя ему родители дали совсем не романтическое. Женщинам ведь что-нибудь эдакое надо. Эфемерное. А тут Николай Николаевич. Николашка. На работе так вообще Колян Колянычем прозвали, а то ещё Ник Никычем. Вот был бы какой-нибудь Эдуард или Роман...

Придя на работу и переодевшись в форму, бросил тоскливый взгляд в зеркало. Форма ему не шла. Сидела мешок мешком. Фуражка делала его лицо совсем круглым – эдакий блинчик. Серо-голубые глазки, реснички белёсенькие, нос картошечкой, пухлые губы – все подчёркивала ненавистная форма.

То ли дело его новый с иголочки выходной костюмчик в крупную ярко-зелёную клетку с накладными плечами. Он придавал Николаю Николаевичу мужественности, стройнил. Добавить к этому жёлтую рубашку, галстук в крупный красный горошек, коричневые ботиночки под крокодила с длинными узкими носами. Одеколон с запахом сандала. Настоящий мужской запах. Николай Николаевич тяжело вздохнул и пошёл заступать на дежурство.

Около девяти часов послал традиционные утренние эсэмэски очередным дамам своего сердца – Наташеньке, Нюсеньке, Верочке и Аришеньке. Текст был следующего традиционного же содержания: «С добрым утром, дорогая, удачного дня, моё солнышко». После чего с чувством выполненного долга Колян Коляныч продолжил выполнение долга, но уже служебного.

В районе обеда задумался, с кем же встретиться завтра, кому же позвонить первой? Нюсенька. Нюсёк. Пухленькая розовенькая блондиночка с бюстом пятого номера. Глупа до умопомрачения. Скушает любую повешенную на её розовые ушки лапшу.

Верочка. Верунчик. Жгучая брюнетка, миниатюрная, с пикантными такими родинками. Коляныч даже облизнулся при воспоминании о них. Наташенька – настоящая леди. Какой шарм. Одна походка чего стоит. Любо-дорого вслед ей посмотреть. Аришенька – хохотушка рыженькая с веснушечками по всему лицу и телу.

Ну и кому же из них позвонить? Супруга завтра целый день на работе будет. Даже врать ей не придётся. Хотя сочинять Коляныч умел. Многолетняя практика плюс художественное воображение.

Вечером около двадцати двух вновь послал эсмэски своим любимым. «Дорогая, доброй ночи», – гласили послания.

Дежурство прошло относительно спокойно. Даже выспаться успел. Утром, после доклада руководству, Коляныч, вздохнув с облегчением, переоделся, наконец, в гражданскую одежду и бодро зашагал домой.

Конечно же, у Коляныча была машина, красненький такой «жигулёнок», но для поездок на работу он машиной не пользовался. Другое дело в делах амурных. Дамочки, естественно, воспринимают мужчин, имеющих в наличии транспортное средство лучше, чем оно не имеющих.

Знакомиться автомобильчик тоже помогает, подвезти там дамочку куда-нибудь. Слово за слово. Комплиментик за комплиментиком. Старую истину о том, что женщина любит ушами, Коляныч освоил в полном объёме. Имел в запасе целый набор дежурных фраз и предложений. Научился с искренним восхищением заглядывать дамочкам в глазки. Обручальное колечко на романтических свиданиях прятал куда подальше, мобильный отключал во избежание накладочек.

Продолжая бодрой трусцой двигаться в направлении дома, Коляныч достал из кармана телефон, подумал пару секунд и позвонил: «Аришенька, привет, дорогая, я так соскучился. Да-да, прямо к 12 и подбегу».

Коляныч ускорил шаг, нужно было успеть заскочить домой: принять душ, переодеться – хотелось обновить недавно приобретённые парадно-выходные плавки с зелёными пальмами на песочном фоне. Всё ускоряясь, Коляныч продолжил обзвон: «Верунчик, привет, я так соскучился. Давай встретимся в районе трёх возле нашей часовенки. Ну да, напротив продовольственного. Погуляем. Зайдём в гости к Антону, он мне ключик от своей квартирки оставил, дежурит сегодня. Квартирка свободная. Целую. Обнимаю. До встречи».

Через два часа Коляныч, помытый, побритый, одетый в свой любимый зелёный в клеточку пиджак, держа в руках пакет, украшенный сердечками, в котором находилась традиционная бутылка полусладкого шампанского и плитка бабаевского шоколада, стоял перед дверью квартиры Арины Сергеевой и нажимал на кнопку звонка.

Ещё через два часа довольный собой и Аринушкой Коляныч (а Аринушка, между прочим, звала его Ко-ко), бодрой рысью двигался к часовенке, вспоминая одну из родинок Верочки и набирая очередную эсмэску для Ариши: «Спасибо, дорогая». К тексту прилагалась картинка с изображением сердца.

При встрече чмокнул Верочку в щёчку. «Дивно выглядишь. Все хорошеешь, дорогая», – сказал, смотря преданными глазами в жгучие Верочкины глазки. Она взяла Коляныча под руку. И прогулочным шагом парочка направилась

в сторону ближайшей остановки. Верочка что-то щебетала. Коляныч поглаживал тонкую Верочкину руку.

Как вдруг на противоположной стороне дороги Коляныч увидел внушительную фигуру своей законной супруги. Он успел ещё заметить её удивлённые, постепенно округляющиеся глаза, как сработали все его инстинкты самосохранения. Несколько секунд – и Коляныч с Верочкой в охалку уже заскочил в ближайший проулок. Проголосовал первой встречной машине, куда мгновенно впрыгнул сам и увлёк ничего не понимающую Верочку. Назвал водителю свой домашний адрес.

Верочке же, высаживая её на ближайшей остановке общественного транспорта, пояснил: «Дорогая, у меня сегодня рабочий день, но я так по тебе соскучился, попросил подменить меня на пару часов – и к тебе. И, надо же, на руководство своё напоролся. Теперь я бегом на работу, чтобы раньше руководства, значит, чтобы не попало. А вечером позвоню».

Вбежав в квартиру, Коляныч быстро переоделся в домашний халат, намочил волосы на голове, включил телевизор и плюхнулся в кресло. Едва он успел проделать всё это, в дверях квартиры возникла его разъярённая «половина».

– Ах ты, мерзавец, ах ты!.. – шипела супруга, не находя нужных слов для определения Коляновского проступка.

– А в чём дело? Что случилось, Нинок? – воззрился на неё с искренним удивлением Коляныч.

– Он ещё спрашивает! Ты с кем под руку по улицам разгуливаешь?

– Я? Когда? – Коляныч недоумевал от всей души.

– Да только что, только что, мерзавец. Пятнадцать минут назад что за шалава с тобой была?

– Нинок, дорогая, в чём вообще дело? Последние минут сорок я ванну принимал, только что вылез. Ты чего несёшь?

– А кого я на улице встретила? – голос жены из шипящего стал шипяще-удивлённым.

– Кого? – смотря честными наивными глазками в разъярённые глаза супруги, спросил Коляныч.

– Тебя, – не совсем уверенно ответила Нинок.

– Повторяю, я только что из ванной, дорогая. Ты не могла меня видеть на улице. Я из дома после того, как с работы пришёл, не выходил. О чём ты, любовь моя? Кстати, ты почему не на работе? Что случилось, рыбка?

– Голова разболелась, отпросилась, – супруга всё ещё с подозрением разглядывала Коляныча.

Но он смотрел так преданно, так честно хлопал белёсыми ресничками, что выражение её лица несколько смягчилось.

– Ты приляг, дорогая, я тебе давление измерю, – изобразил заботу Коляныч.

Час спустя он, посещая уборную, задержался там, чтобы набрать эсэмэску: «Верочка, любовь моя, скучаю». К посланию приобщил картинку с сердечком. Подумав секунду, дописал: «Это мои чувства к тебе, дорогая». Отправив послание, довольный собой Коляныч вышел из уборной и отправился на кухню кушать свежеприготовленные супругой так любимые им оладушки.

Елена БЕССОНОВА

Луч в темноте

*Все события вымышлены,
но максимально приближены к реальности.*

Это был обычный день, впрочем, как и всегда. На улице пахло сиренью, птицы заливались трелью, и казалось, что жизнь прекрасна. Сергей молча шёл по улице на работу и любовался красотами города. В голове не было ни одной мысли, только странное предчувствие терзало его душу. Ночью он видел странный сон: рано утром на заре в окно спальни его квартиры, где он спал, с невероятной силой стала биться огромная чёрная птица, от её диких ударов по стеклу текла кровь, тонкие струйки которой с каждым ударом превращались в реки... К чему этот сон? Он старался об этом не думать, но осадок от прожитой ночи ещё трепетал в груди, как и сердце умирающей птицы из сна. Отбросив мрачные мысли, он перешагнул порог своей работы и направился к себе в кабинет.

– Серёга! Стой! – услышал он за спиной.

Оглянувшись, он увидел опера Лёху, молодого парнишку, с которым ему предстояло сегодня отстоять дежурство.

– Поехали! Труп...

«Вот и началось утро... не зря мне сегодня мёртвая птица снилась...» – подумал Серёга про себя. Они сели в машину и поехали в локомотивный городок ОАО «РЖД», где за цехом по ремонту электровозов был найден труп молодой женщины в возрасте 28–35 лет. Она была довольно красива, ухожена, одета дорого и со вкусом, от её тела до сих пор пахло дорогими духами, а сама она, будто спящая красавица, безмолвно лежала на земле. Тело не имело никаких повреждений, и вообще казалось, что она будто не вписывается в эту обстановку, в этот грязный вонючий угол подворотни... Только одно смутило следователя Сергея: в руках, во всех карманах одежды, во рту и даже в горле девушки были обнаружены в большом количестве деньги, а именно монеты номиналом 5, 10, 50 копеек.

– Ну... что думаешь? – спросил более опытный Сергей у ещё практически новичка опера Лёхи.

– Да, очень странно... Что же такая красивая девушка могла здесь забыть? Думаю, на таких шпильках она сюда даже бы не дошла. Следов волочения нет, внешних повреждений, указывающих на причину смерти, тоже нет, на разбой с целью кражи или сексуального насилия не похоже, все украшения и нижнее бельё на месте и целы...

– Даже не это странно, – добавил Сергей. – Монеты... вот что странно... Что они здесь делают, и для чего их ей вложил убийца? Думаю, судя по её наряду и шикарному педикюру, мелочь она явно не коллекционировала!

– Что скажите, Виктор Васильевич? – поинтересовался Сергей у эксперта.

– Судя по температуре тела, девушку убили около пяти-шести часов назад, значит, около четырёх-пяти часов утра. На левой руке в области предплечья имеется еле заметный след от укола. Каких-либо других повреждений кожных покровов нет. Причину смерти смогу установить только после вскрытия. Под ногтями я нашёл микрочастицы какого-то волокна, возможно, они принадлежат убийце. Больше смогу сказать только позже.

Осмотрев место происшествия, следственно-оперативная группа каких-либо следов преступления, указывающих на способ, место или убийцу, не обнаружила. Всё было девственно чисто, несмотря на грязь и сырость закоулка. Они вернулись в отдел.

У Сергея из головы никак не выходили эти монеты...

«Почему монеты? Почему именно такого номинала? Что за странный ритуал?..»

Его мысли перебил звонок.

– Алло?

– Серёга, ну что я могу тебе сказать... Нашу утреннюю красавицу, судя по отпечаткам пальцев, зовут Алисия Осина, модель из Москвы. В нашем городе она родилась, возможно, её корни сюда позвали. Остальное сам выяснишь... Ах да, ещё... причина смерти: отравление ядом, введённым в организм посредством укола. Думаю, точное название химических веществ, входящих в состав яда, мне нет смысла тебе перечислять, но могу тебе сказать, что в магазине такой яд не купишь. Я так предполагаю, он изготовлен в домашних условиях. Возможно, мы ищем химика...

– Вот теперь у нашего убийцы появилось прозвище... ХИМИК! – перебил Серёга.

– И не говори... Такого нам ещё не хватало в нашем маленьком городке!!! Ладно, будем на связи.

Серёга положил трубку, а в голове образовалась куча вопросов... Он был бывалым следователем, но даже за его немаленький стаж работы – 12 лет – это было первое убийство с загадкой.

Алисия оказалась не местной жительницей, но родилась она в этих краях. Со слов родителей было установлено, что она приезжала в город со своим супругом Осиным Иваном Николаевичем и что они вместе накануне ходили на вечер встречи выпускников, больше они их не видели, на телефонные звонки дочь и зять все предыдущие сутки не отвечали.

Опер Лёха установил местонахождение мужа убитой и привёз его в отделение полиции к Сергею для выяснения всех обстоятельств пребывания в городе.

– Иван Николаевич, проходите. Присаживайтесь, – Сергей указал на стоящий в углу его кабинета стул.

На вид Осину было 40–45 лет, представительного вида, солидность мужчины выдавал его небольшой животик, но хитрые глаза с прищуром и огоньком свидетельствовали о его деловой хватке. Сергей хорошо разбирался в людях и видел их насквозь при первой же встрече, поэтому очень настороженно начинал беседу.

– Расскажите мне всё с момента вашего прибытия в наш городок, – спокойным и вежливым тоном сказал Сергей.

– Я со своей супругой Алисией на поезде приехал в город в пятницу вечером, и мы сразу же направились домой к её родителям, так как они настояли на том, чтобы мы не снимали гостиницу, а проживали у них. При моём финансовом положении такое обстоятельство было неприемлемо, но отказать своей немного истеричной супруге я не мог. Проведя ночь у родителей Алисии, я понял, что лучше снять номер в гостинице, а не ютиться в маленькой двушке в совершенно некомфортных условиях – с комарами и постоянным шумом от соседей. На следующий день, в субботу, я снял номер в гостинице «Провинция» и перевёз все наши вещи. Первую половину дня субботы мы провели с родителями Алисии, а вторую в кругу её подруг. В воскресенье в школе № 3 был запланирован вечер встречи выпускников. Торжественная часть мероприятия начиналась в двенадцать часов дня, после этого мы пошли в кабинет классного руководителя Алисии. Для меня это было всё довольно нудно и примитивно, но Алисии было очень важно моё присутствие. После всех официальных мероприятий мы со всеми одноклассниками и какими-то ещё людьми отправились в кафе «Ной» на празднование. Моя жена – очень видная и красивая девушка... была... поэтому мужчины в кафе не спускали с неё глаз. Каждый пытался пригласить и потанцевать с ней. Но был один, который умудрился распустить руки и, несмотря на моё присутствие, поцеловать мою жену! Самым непонятным для меня было то, что Алисия ответила на его ухаживания и даже не оттолкнула его. Я, конечно же, как настоящий мужчина не стал такого терпеть, оттолкнул его от моей жены и ударил его прямо во время танца. Сразу же после этого, а это было около полуночи, я ушёл из кафе.

– И где вы находились с полуночи воскресенья до момента вашего доставления к нам? Почему не выходили на связь и не искали свою жену? – спросил Сергей.

– Сразу же после драки я пошёл до ближайшего круглосуточного магазина, где купил самое дорогое виски и направился в гостиницу. В ней я провёл всё это время. Я пил и ждал, что Алисия вернётся с праздника в ближайшее время, но она не приходила. Тогда я от ревности напился и уснул. Проснулся я только на следующий день от стука в дверь моего номера вашего сотрудника.

– Кто может подтвердить ваше алиби? – уточнил Сергей.

– Девушка на ресепшне подтвердит. Она должна была видеть, как я пришёл.

– А что за молодой человек, с которым вы сцепились на вечере встреч? – переспросил следователь.

– Я не знаю, как его зовут, но у меня было такое ощущение, что он был первым парнем в их школе. Брюнет, атлетического телосложения, высокого роста. Спросите лучше у её одноклассниц, они вам всё расскажут.

Вручив подписку о невыезде, Сергей отпустил Осина и направился в школу № 3, где проходил вечер встречи выпускников. Там он узнал телефоны одноклассников, присутствовавших вчера на празднике. При личной встрече с некоторыми из них он узнал, что муж Алисии Осин был не настолько приятным мужчиной, каким пытался показаться в отделении полиции. Он безумно рев-

новал Алисию ко всем мужчинам на празднике, не разрешал ей отходить от него ни на шаг. Алисия не выдержала такого отношения с его стороны, психанула и поцеловалась со своим парнем по школе Русланом Девиным, когда они танцевали вместе медленную композицию. После этого её супруг набросился на Руслана с кулаками, но их быстро разняли. Муж Алисии из кафе сразу же ушёл. По окончании праздника, около трёх часов ночи, Алисия и Руслан в обнимку вместе ушли в неизвестном направлении.

Выйдя из школы, Серёга позвонил Лёхе.

– Лёх, слушай, тут у нас новый подозреваемый вырисовывается. Думаю, он последний, кто видел Алисию живой. Это её бывший парень Руслан Девин, с которым она ушла вместе с праздника. Пробей и узнай, где он сейчас находится.

– Хорошо, Серёга! – ответил Алексей.

– Что по поводу алиби мужа Алисии Осина? Подтвердилось?

– Серёга, девушка на ресепшне сказала, что Осин вернулся в номер около часу ночи и больше оттуда не выходил. Но, видишь ли, в чём загвоздка: его номер находится на первом этаже, через окно выхода не хочу, да и камер наблюдения на территории гостиницы нет. При осмотре его номера окно было открыто, решетки на нём нет, но и следов на земле за окном от обуви я не обнаружил, хотя это ещё ни о чём не говорит.

– В общем, как я понял, мужа списывать со счетов ещё рано. Ищи этого Руслана. Может, он нам что-то пояснит, – добавил Сергей и положил трубку.

Серёга решил вернуться в отдел и ещё раз взглянуть на улики.

Время на часах показывало 16 часов 15 минут, когда к нему в кабинет залетел его коллега следак Сашка со словами: «Пойдём, покурим!»

Они вышли в курилку, и Сашку понесло...

– Серёга, у нас опять труп. Только что с места происшествия... Такого я ещё никогда не видел. Опять молодая девушка, без документов, в руке кусок зеркала и всё лицо порезано этим стеклом. То ли сама, то ли кто помог, но картина жуткая... Мало того, она обнаружена в женском туалете нашего железнодорожного вокзала. Проверяем всех, кто входил или выходил оттуда, судя по камерам видеонаблюдения.

– Что за день такой? Второй труп на сегодня... – с некой досадой проговорил Сергей, и мысли его унеслись в начало дня, когда он утром безмятежно шёл на работу, и всё казалось прекрасно.

– Подозреваемые есть? – спросил Сергей у Сашки.

– Нет пока... жду заключения эксперта... причина смерти ещё не ясна... – ответил Александр.

В отделе всегда царила дружеская атмосфера, поэтому все общались неформально и только по именам за редким исключением при соблюдении субординации.

Разговор прервал звонок мобильного Сергея, звонил опер Лёха. Он нашёл бывшего парня Алисии Руслана Девина и везёт его в отдел.

– Здравствуйте, Девин! Присаживайтесь! – предложил Сергей молодому человеку, которого привёл опер Лёха.

– Можно воды! Сушняки давят! Оторвался хорошо вчера! – на помятом лице блеснула довольная усмешка Девина, когда тот обращался к следователю Сергею.

– Сначала побеседуем, а там посмотрим... – серьёзным и тяжёлым голосом ответил Сергей. – Где вы были вчера вечером?

– О, я вчера ходил на вечер встречи выпускников и встретил свою бывшую – Алису. Это сейчас она Алисия, а тогда в школе она ещё была Алисой. Она нисколько не изменилась и по-прежнему секси! Я засосал её на празднике в кафе, а её толстосум муженёк попытался меня ударить, но я-то боец ещё тот и вмазал ему в ответ. Во умора была! Он свалил с праздника, а мы замутили по пьяной лавочке с Лиской опять! Кафешка закрылась около трёх утра, и мы с Алиской пошли до первых кустов. Там мы повеселились на славу! Закончив своё дело, я ушёл. Домой я пришёл в районе четырёх утра.

– Кто-то вас видел? Вы живёте один? – спросил Сергей.

– Да, я живу один. Моя жена ушла от меня месяца три назад и забрала детей! Да хрен его знает, видел ли кто... Я был сильно пьян, и курс у меня был только один – дойти до дома, и по сторонам я не смотрел. Да, если честно, как очутился дома, я толком и не понял, – добавил Девин.

– Понимаешь, Девин, ты последний, кто видел Алисию живой. Думаю, тебе придётся у нас задержаться на 48 часов до выяснения всех обстоятельств.

– Э, майор, я чё-то не понял... Ты хочешь сказать, что это я убил Лиску? Ты чё!!! Мы только замутились на ночь. И всё! Ты бы её лучшую подружку спросил, что они там вчера в туалете не поделили! Орали, как резаные, да и умудрились волосы подёргать друг другу... Пощипанные вышли из туалета, как две курицы, – смеясь, рассказывал Девин. – Вот её и арестовывай. И дайте воды! Умираю!

– Как имя и фамилия подружки? – уточнил Сергей.

– Вика Фролова, по школе Казанцева, – ответил Девин. – Товарищ полицейский, ну отпусти!

Сергей встал, открыл дверь и позвал опера Лёху.

– Леша, поработай с парнем! На сорок восемь его оформи!

– Хорошо, Серёга.

Алексей вывел Девина из кабинета, а Сергей тем временем стал искать контакты Фроловой. Через классного руководителя Сергей узнал номер телефона близкой подруги по школе Алисии, позвонил ей и договорился о встрече.

Рабочий день уже давно закончился, на улице солнце близилось к закату, поднялся лёгкий охлаждающий ветерок, а Сергей быстрым шагом шёл к Фроловой с огромным желанием как можно скорее разобраться с этим делом «по горячим следам».

Девушка уже ждала его. Пригласив Сергея в дом, она вежливо предложила чашку кофе и, мило улыбаясь, стала спрашивать о цели его визита.

– Виктория Андреевна, расскажите мне о вечере встречи выпускников и, особенно, о вашем конфликте с Осиной Алисией.

– Праздник был прекрасный! Всё шло хорошо, пока Алисия, как она себя называет, не начала крутить своим хвостом перед всеми! Хотя мы и подружки, но и моему терпению рано или поздно должен был прийти конец. Она в школе была первой красоткой и заставляла нас всех танцевать вокруг неё! Всё бы ничего, но и сейчас у неё жизнь сложилась отлично: богатый муж, сама модель, детей нет, живёт в своё удовольствие, ездит на дорогой машине, отдыхает за границей, а у меня... что у меня... Осталась в этом болоте... вышла замуж, детей Бог не дал... муж бросил меня ради другой красотки, подобной Алисии... живу с мамой... В общем, я не выдержала и указала ей на её место. Стычка была в туалете кафе. Ну... немного мы подёргали друг друга за волосы, да и разняли нас. Больше я к ней не подходила. Сейчас мне, конечно же, стыдно за своё поведение, и если бы всё можно было вернуть, я бы не стала конфликтовать с ней.

– Во сколько вы ушли домой? Одни?

– Я ушла одна минут за тридцать до закрытия кафе. Дома была около трёх часов. Когда я заходила домой и укладывалась спать, я случайно разбудила свою маму. Она видела, как я пришла. А что вообще произошло? И почему вы задаете мне такие странные вопросы?

– Ваша подруга Алисия сегодня утром была найдена мёртвой... – после этих слов Сергей внимательно посмотрел на реакцию Виктории.

– Да не может такого быть! – от неожиданности и отчаяния вскрикнула Виктория. – Что с ней случилось? Кто это сделал? – её глаза наполнились слезами...

Сергей понимал, что, несмотря на некую ненависть между подругами, Виктория действительно переживает. Сергей не стал мучить дальнейшими расспросами девушку и, откланявшись, ушёл в отдел.

Пока он шёл на работу, ему не давал покоя факт вкладывания мелочи в карманы, руки и полость рта девушки. Это же особенный ритуал для убийцы. Он вложил в него глубочайший потаённый смысл... Но какой?! Находясь в этих мыслях, он всё больше и больше осознавал, что арестованный Девин не виновен, он бы не смог продумать и воплотить в жизнь столь изощрённое убийство. Да и химик из него никакой: в школе Девин перебивался с двойки на тройку. Нужно уточнить его алиби...

Когда Сергей открывал входную дверь в отдел, что-то заставило его зайти в кабинет к эксперту Виктору Васильевичу Игнатьеву.

– Василич, что-нибудь новенького расскажешь? – с усталой улыбкой сказал Сергей.

– Серёга, ты слышал о втором трупе молодой девушки за сегодня?

– Да.

– Она была убита тем же способ, что и твоя дама: отравление ядом, введённым в организм посредством укола, причём вещество вводилось девушкам одинаковое. Думаю, у нас серия...

– Ещё нам этого не хватало! Личность девушки установлена?

– По базам она нигде не проходит. Пока тишина.

– Спасибо, Василич! Ну ничем ты меня не порадовал совсем... – и Сергей вышел из кабинета.

По дороге к своему кабинету Сергей заглянул к следователю Александру, ведущему дело неопознанной девушки.

– Саня, о твоей неустановленной... Кто-нибудь заявлял о пропаже?

– Нет, Серёга, пытаюсь всеми силами установить её личность, но пока никак...

– Слушай, дай мне копии фотографий с места убийства, гляну, может, я найду связь между нашими дамами. Что-то общее должно быть у них, кроме способа убийства.

– Конечно, Серёга, держи.

Взяв фотографии с истерзанным телом девушки, Сергей задумчиво пошёл к своему кабинету. Разложив их перед собой и положив рядом фотографии из своего уголовного дела, он стал внимательно вглядываться... От сильной усталости он почувствовал резкую боль в глазах, потёр их, веки стали тяжелеть, и он сам не заметил, как отключился...

...Среди блеска софитов, ярких звёзд и фанфар, под праздничную музыку он спускался по ступенькам со сцены... его встречала толпа ярко и нарядно одетых людей, с красными лентами на груди. Он посмотрел в зеркальный шар, оттуда на него глянул семнадцатилетний парнишка в очках, хотя сам он их никогда не носил... и в этот момент стеклянный шар покрылся кровью, которая стекала с него и крупными тяжёлыми каплями с раздающимся на весь зал эхом капала на танцпол. Он медленно опустил глаза вниз и увидел, как лужа крови разрастается и медленно, но верно приближается к его ногам. «Руки... мои руки! Что это?» – воскликнул он, увидев свои окровавленные руки. Праздник превратился в кошмар...

Сергей проснулся в своём кабинете на бумагах из уголовного дела Алисии, лежащих на рабочем столе, в холодном поту и долго не мог прийти в себя от увиденного сна. Но как только мысли пришли в порядок, он решил послушать свою интуицию и предположил, что, возможно, смерти девушек связаны с вечером встречи выпускников в школе № 3. Вдруг они одноклассницы! Чутьё Сергея подводило редко, и он посреди ночи позвонил Виктории Фроловой...

– Здравствуйте ещё раз, Виктория. Извините, что беспокою вас в такое время, а вы случайно не делали фотографий с праздника? – быстро выпалил Сергей.

– Да, мы фотографировались на мой телефон всем классом!
 – Вы не могли бы выслать мне на WhatsApp все фото, которые у вас есть, и как можно скорее?!

– Конечно, без проблем, если это хоть чем-то поможет следствию.

– Спасибо вам огромное! Буду ждать! – и Сергей положил трубку.

Он стал нервно ожидать каждую фотографию, которую ему высылала Виктория. Действительно, фотографий вышло достаточно много. Сергей начал просматривать каждую из них, и на одной он заметил девушку, которая по всем внешним данным, параметрам и приметам подходит по описанию на неустановленный труп. «Сон в руку!» – подумал Сергей, набирая снова номер телефона Фроловой.

– Виктория, простите меня! Последний вопрос. Подскажите, что за молодая девушка на фотографии с Алисией на сцене в коронах?

– Это две наши королевы вечера: «Мисс выпуска» – Алисия и «Мисс зрительских симпатий» – Света Маркина. В школе Алиска и Светка всегда соревновались и делили первое место. Подругами назвать их было сложно, но отношения поддерживали, иногда даже обменивались парнями, отдавали друг другу, в общем, практически играли их судьбами. А что...

Её слова обрубил Сергей:

– Спасибо ещё раз, Виктория. Будем на связи, – и повесил трубку.

«Муж... он весьма состоятельный человек, грамотный и в состоянии приобрести подобного рода яд. Алиби его до конца не установлено. Он мог убить свою жену. Но при чём здесь Маркина?.. Может, она была свидетелем убийства Алисии? Но тогда почему между убийствами такой большой промежуток времени? Алисия убита рано утром, а Светлана практически в обед.

Девин... физически он смог бы справиться с обеими девушками. Может, они отказали ему, и он разгорячился... Алиби его тоже под вопросом...

Фролова... из зависти... Нет, её алиби подтвердила мать, которая, впрочем, могла просто прикрыть свою дочь.

Монеты... они никак не дают мне покоя... кусок зеркала... у каждой девушки что-то было в руках... думаю, это какой-то символ... для убийцы это что-то значило!»

Сергей взял свой телефон:

– Саня, хватит спать! Я опознал твою девушку!!! Это Света Маркина, одноклассница и вечная соперница по школе Алисии Осинной. У нас точно серия! Давай на работу, будем вычислять Химику!

– Серёга, это капец! – сквозь сон пробормотал Александр. – Лечу!

Через двадцать минут в кабинет к Сергею залетел Сашка. Они стали вместе рассматривать присланные Фроловой фотографии в поисках зацепки. На улице уже занимался рассвет, птицы стали исполнять свои трели, а воздух стал терять свою прохладу и наполняться теплом. Просмотр фотографий очень утомлял, особенно сильно хотелось спать, но желание раскрыть двойное убийство не оставляло следователей. Они цеплялись за любую ниточку, но, раскручивая её, они ни к чему не приходили... Фотографии закончились в очередной раз.

– Чую, мы что-то пропускаем. Ответ где-то рядом, на ладони, но мы его не видим, – с обидой сказал Сергей.

Он встал и нервно начал ходить по кабинету. И вдруг замер как вкопанный, будто его ударила молния... очки... очки из сна...

– Саня, ну-ка давай ещё раз глянем! – они снова начали перематывать фотографии.

– Как я раньше не заметил! Смотри, Саня, на заднем фоне большинства фотографий с Алисией и Светланой стоит в очках какой-то парень в фиолетовой вязаной жилетке... Согласно заключению Василича под ногтями Алисии были найдены волокна фиолетового цвета, по составу напоминающие шерсть! Я тогда ещё подумал, какая шерсть тёплой весной. Вот он! Попался!

Серёга незамедлительно набрал оперу Лёхе.

– Пробей мне одного типа и сразу тащи его ко мне. Фотку сейчас вышлю по WhatsApp. Это один из участников вечера встречи выпускников.

Опер Лёха, несмотря на свой небольшой служебный опыт, был очень исполнительным, и в скорости исполнения ему не было равных. В течение часа к Серёге в кабинет он доставил мужчину средних лет, примерно 32–37, в очках, худощавого телосложения, ростом 175–180 см с довольно умными и пронзительными глазами.

– По какому вопросу я здесь? – присаживаясь на стул, спокойным голосом спросил мужчина.

– Для начала представьтесь! – попросил Сергей.

– Меня зовут Михаил Нельмаер! Кандидат наук, имею две учёные степени, холост. Какая информация ещё вас интересует? – с надменным видом произнёс мужчина.

– Где вы были вчера около 4–5 часов утра? – спросил Сергей.
– Точно я не скажу, на часы я не смотрел. Как только вечер встречи в кафе закончился, я пошёл домой.

– Кто вас видел дома?

– Родители.

– Значит, вы не имеете никакого отношения к смерти Алисии Осиной и Светланы Маркиной?

– Что?! – возмутился Нельмаер – Я?! Вы с ума сошли?!

Разговор прервал телефонный звонок. Сергей поднял трубку, молча выслушал и отключил телефон.

– А что вы скажите на то, что в вашей комнате во время обыска в настоящей момент под кроватью была обнаружена фиолетовая жилетка со следами и запахом некоего вещества?! Хотите сказать, что жилетка не ваша?

– Нет! Мне подбросили! – в голосе Нельмаера уже не было той уверенности, с которой он пришёл к Сергею.

– Ваши родители подтвердили, что в данной жилетке вы уходили на вечер встречи выпускников!

Сергей бросил на стол перед Нельмаером фотографии с праздника, на которых был запечатлён Михаил в обнаруженной жилетке.

– Ваши родители также пояснили, что вас не было всю ночь и что вы появились дома только после обеда! Что вы на это скажите? – голос Сергея давяще звенел на весь кабинет.

– Я ничего не помню! – опустив глаза, сказал Нельмаер.

– Вы являетесь кандидатом наук, имеете две учёные степени. Так позвольте узнать, каких именно наук вы кандидат и что в настоящее время разрабатываете?

– Это секретная информация!

– Хорошо, тогда я расскажу вам сам. Вы кандидат химических наук, в своей домашней лаборатории вы разрабатываете новый химический вирус – яд быстрого действия. Ваш яд ещё не запатентован и проверку на людях естественно ещё не проходил! Думаю, вы решили воспользоваться ситуацией и проверить ваше изобретение на пригодность к жизни, а точнее к смерти! Вы выбрали самых красивых девушек выпуска – Алисию Осину и Светлану Маркину, убив их по очереди своим ядом! Эффект был феноменальным, смерть была быстрой, но мучительной... А теперь вы утверждаете, что ничего не помните. Да... на вашем месте я бы так же говорил!!!

– Но это правда! Как я очутился перед дверью квартиры родителей, как я попал домой, не представляю!

Сергея взяли сомнения, но последний козырь в кармане у следователя говорил, что убийца найден!

– В вашей квартире под вещами в шкафу обнаружены два шприца со следами вещества. На них – ваши отпечатки пальцев! Что вы на это скажите?! – жёстко добавил Сергей.

Нельмаер опустил глаза... В звенящей тишине кабинета было слышно сердцебиение подозреваемого. Сергей понимал, что нужно ещё немного поднажать... но Михаил заговорил первым...

– Хорошо, я расскажу, но пусть это будет оформлено явкой с повинной...

Сергей протянул ему протокол.

– Да, действительно, я снимаю помещение и разрабатываю вирус, поражающий моментально любой живой организм. Я хочу прославиться! Я проводил испытания на мышах, результаты были невероятными! Запатентовать вирус я ещё не успел. Все результаты экспериментов хранятся у меня дома, в сейфе, доступа к нему ни у кого нет.

Что касается вечера встречи выпускников, да, действительно, эти дамочки – Осина и Маркина – на празднике вели себя вызывающе и, как и в школьные годы, издевались надо мной! В середине вечера, когда я уже достаточно много выпил, что на меня совершенно не похоже, мне надоели их насмешки, и я сходил домой, взял два пузырька с вирусом, два шприца и антивирус, который мной также был разработан. Я рассчитывал добавить им в алкоголь незаметно немного вируса и, когда им станет плохо, повести себя как герой и вколоть антивирус. После этого они начнут меня боготворить!!! – тут его глаза загорелись. – Но я принял слишком много алкоголя и конец праздника я уже не помню. И как добрался домой тоже... На следующий день дома я обнаружил в кармане своих праздничных брюк два использованных шприца, а в сейфе не хватало двух пузырьков с вирусом. Бутылёк с антивирусом был полный. Значит, я не воспользовался им! Какой ужас! Никто не мог знать о моих разработках и тем более о том, что я задумал. Потом из новостей мне стало известно о смерти Осиной и Маркиной. Испугавшись содеянного, я хотел избавиться от использованных шприцов... а тут вы... Возможно, я воспользовался ядом и перестарался. Я не смог спасти их... Я хотел сам прийти признаться, но струсил.

– Зачем тогда монеты? Зеркало?

– Да не помню я! Я не хотел... простите...

– У родителей девушек будешь просить прощение в суде!!! Лёха! Убери его! И выпусти Девина... Он свободен! Химик найден! Нельмаер признался!

Груз неимоверной тяжести скатился с плеч Сергея. Он был счастлив и одновременно находился в замешательстве, хотя все улики и указывали на Нельмаера. «Он признался, но не всё ясно. Что-то всё-таки не так!» С этими мыслями Сергей побрёл домой. Он не видел вокруг никого, он был опустошён. Дома Сергей упал на кровать и провалился в сон. Это была первая ночь за последние несколько дней, когда ему совсем ничего не снилось.

Прошла неделя... за ней другая... сны больше не беспокоили Сергея. Когда в один из дней он возвращался домой, ему навстречу попала Виктория Фролова. Она была очень милой, и ему почему-то захотелось к ней подойти... Сергей давно был один: работа не давала никакого шанса на нормальное знакомство. А тут она... Где-то внутри ёкнуло, и Сергей заговорил с Викой. Они вместе прогулялись по городу, и Сергей предложил ей ещё раз увидеться. Так и завязались между ними отношения. Виктория постепенно стала растапливать сердце закоренелого следователя и всё сильнее и глубже проникать в него. Их отношения казались сказкой. Они оба полу-

чали от встреч настоящее удовольствие... Возможно, это ЛЮБОВЬ! Они оба боялись сглазить и, как маленькие детки, встречались тайно на нейтральной территории. Каждый старался не спугнуть другого, и никто не мог осмелиться пригласить к себе домой. После месяца подобных встреч Сергей не выдержал.

– Вика, что мы, как маленькие дети?! Переезжай ко мне!

Сергей давно жил один, женской руки так не хватало его холостяцкому гнёздышку, и он решил рискнуть. Он не хотел упустить свой шанс! Вика немного подумала и переехала. Они были счастливы! Их отношения были на новом уровне, который устраивал их обоих.

...Вика плакала, из её глаз текли не слёзы, а кровь... Он не мог пошевелиться, ноги не слушались, а руки не могли дотянуться до неё... Голос пропал, лишь где-то вдалеке был слышен звон монет и бьющегося стекла...

Сергей с криком подорвался посреди ночи с постели. Ему давно уже не снились такие жуткие сны, и в груди снова защемило сердце. Вика была рядом и успокоила Сергея. Он снова лёг с надеждой, что утром всё будет хорошо...

Солнечный лучик играл на его лице, когда он открыл глаза и увидел, что Вика собирается на работу.

– Не уходи! Останься со мной! – сонным влюблённым голосом сказал Сергей.

– Ты же знаешь, я должна. Завтра проваляемся весь день! – с нежной улыбкой ответила Вика.

Сергей подскочил, обнял её и нежно поцеловал. Ему так не хотелось отпустить её. Он закрыл за Викторией дверь и пошёл в ванную умываться. В душе играла музыка, в голове гулял романтический ветер, и Сергею впервые за последние годы захотелось совершить не геройский, а любовный поступок.

«Романтический вечер, свечи, вино, её любимые суши и я – такой весь при параде! Я скажу ей сегодня, что ЛЮБЛЮ! Со школы я не испытывал этого чувства...» – одеваясь в магазин за вином, думал Сергей. Второпях он не заметил на стуле у порога сумочку, которую Вика забыла взять с собой на работу. Сергей случайно задел сумку своей кофтой, она упала на пол, и всё её содержимое рассыпалось... Сергей начал складывать всё обратно и среди кучи женских вещей нашёл два пустых пузырька. За время их совместного проживания он не видел, чтобы Виктория принимала какие-либо лекарства, подозрительным было ещё и то, что на бутылках не было никакой этикетки с названием. И тут нехорошее предчувствие сжало сердце... «Опять сон!.. Неужели это...» Он схватил флакон любимых духов Виктории и бросился в лабораторию к эксперту Игнатьеву.

– Виктор Васильевич, спасай! Сделай как можно скорее токсикологическую экспертизу вещества из данных пузырьков. Неформально, для меня! Сними отпечатки пальцев и сравни их с отпечатками на этом флаконе, – сильно волнуясь, проговорил Сергей.

– Серёга, без проблем! Как будет сделано, я позвоню.

Каждая минута тянулась для него мучительно, это было самое тяжёлое испытание в его жизни. Серёга одновременно и молился, и проклинал весь бе-

лый свет за свою жизнь. Она ему так нужна... он не сможет без неё... роднее её у него никого нет!

Сергей метался по коридору у кабинета эксперта, он не хотел верить и очень надеялся, что его сомнения вот-вот развеются...

– Серёга, зайди! – позвал Виктор Васильевич.

– Где ты взял эти пузырьки?! – с большим недоумением в глазах сказал Василий.

– Что там, Василий? Не трепи душу!

– В данных пузырьках был обнаружен остаток вещества, химическая формула и состав которого идентичны веществу, которым были убиты наши две жертвы выпускного бала...

Игнатьев не успел договорить, как дверь его лаборатории хлопнула. Сергей еле сдерживал слёзы. Он понимал, но не хотел осознавать... Жизнь остановилась... Он бежал домой, к горлу подступал комок, его руки дрожали... «Такого не может быть!» – Сергей еле владел своим телом...

Он открыл дверь своей квартиры. Туфли... она дома...

– Сереженька, ты где был? Я вернулась за сумочкой, – с нежной улыбкой сказала Виктория.

– Нам нужно поговорить! – сдерживая эмоции, практически прошептал Сергей.

– Конечно, дорогой!

Они прошли в зал. Комната была озарена светом, от которого становилось тяжело дышать. Сергей даже не знал, как начать разговор. Ему пришлось собраться и вспомнить все свои служебные навыки.

– Вика, что это?! – он поставил на кофейный столик два ранее обнаруженных в её сумочке пузырька.

Сергей читал по лицам: опыт позволял безошибочно видеть ложь. На лице Виктории проглядывал явно выраженный страх, смешанный с презрением.

– А что это? Какие-то пузырьки... – ответила Виктория.

– Что они делают в твоей сумочке?

В ответ последовало молчание... Сергей продолжил:

– В этих пузырьках был обнаружен остаток вещества – яд, которым были убиты Алисия Осина и Светлана Фролова. Отпечатки пальцев на пузырьках принадлежат тебе!

И тут выражение лица Вики – любимой Вики – изменилось. Её надменный взгляд прожёл дыру в сердце Сергея. Её ехидству не было предела:

– А ты думал, этот дурачок-ботаник Нельмаер в состоянии был проверить такое двойное убийство?! Нет!!! Я смогла даже тебя обвести вокруг пальца... – надменная ухмылка растеклась по её лицу. Сергей не верил своим глазам. Он любил её!

– Мне всего лишь пришлось вначале выкрасть пузырьки с ядом у этого болвана Нельмаера из дома, я же не знала, что он сам их притащит на праздник с собой. Он чуть не развалил мой план. Это было несложно... Мы, якобы случайно, пересеклись в магазине, я его нежно обняла при встрече и вытащила ключ из кармана его пиджака. Тут же в магазине на куске пластилина

я сделала слепок ключа и потом на выходе аккуратно подложила ему в корзину с продуктами. Я слышала о его разработках и без труда попала к нему домой, найдя в его комнате сейф с кодовым замком. Подобрать ключ не составило труда: это его дата рождения. А дальше было всё вообще просто. Подсыпав на вечере Нельмаеру немного успокоительных, я дождалась эффекта, уложила его спать к себе в машину на заднее сидение, сняла с него его жилетку и надела её на себя, вдруг эта курица окажет сопротивление. В принципе, так и получилось. Я просто не хотела портить своё платье её кровью! Остальное было делом техники... Я готовилась к этому событию целый год! Всё рассчитала до мелочей. Руслан Девин мне только помог, затащил эту... Алиску в кусты недалеко от цехов локомотивного городка.

Когда они закончили и Девин ушёл, начала я. Она даже толком не сопротивлялась, она просто не ожидала от меня такого... В её глазах я видела ужас. Я чувствовала свою власть над ней! Я упивалась этой властью!!! После этого я вернулась к своей машине, надела на Нельмаера его жилетку, вколола ему ещё успокоительного и поехала к нему домой, чтобы вернуть в сейф его два неиспользованных пузырька, которые он, дурак, тоже притащил с собой. Подложить в квартиру пузырьки не было проблемой: его родители очень старые, и они даже не шевельнулись, когда я проникла к ним в квартиру. После я заехала домой, прождала до утра и вместе со спящим Нельмаером поехала на вокзал дожидаться Светку. С ней всё было ещё проще. Она уже собиралась на поезд, когда мы пересеклись в женском туалете на вокзале. Поставить ей укол не доставило мне никаких усилий. Та вообще не поняла, как всё случилось. Каким человеком была, так на унитазах и померла! Я выбралась через окно, чтобы не попасть на камеры видеонаблюдения вокзала. Хорошо, что она сунулась именно в туалет на первом этаже, иначе мне пришлось бы ехать за ней! Я подвезла Нельмаера к дому, положила в карман его брюк два использованных шприца и вытолкнула из машины.

Виктория торжествовала, её глаза и голос были наполнены силой и блаженством от совершённых ею убийств.

– Зачем тебе нужна была мелочь в случае с Алисией и кусок зеркала со Светланой?

– Алисия всю жизнь была мелочной сукой, вот и померла с мелочью в руках и в глотке, а Светка всегда занималась только собой, самолюбованием, поэтому я и подпортила её личико перед смертью. Да и я не была на сто процентов уверена в яде или, как его называет Нельмаер, в вирусе, в его действии, поэтому подстраховалась...

– Почему ты не избавилась от пузырьков, в которых был яд? – в полном недоумении спросил Сергей.

– Это мои трофеи! – гордо ответила Фролова. – Трофеи моей победы над ними, вами и над всем миром!!! – казалось, что от её величия разверзнутся небеса.

– А твоё алиби? Твоя мама сказала, что ты была дома около трёх часов ночи. Ты её подговорила? – с болью в голосе и с последней надеждой на то, что это всё только сон, спросил Сергей.

– Нет, она действительно думала, что на улице три часа ночи. Я перевела все часы дома на два часа назад. Мама и не догадалась об этом. Я разбудила её намеренно и практически заставила взглянуть на часы, чтобы она мне потом смогла предоставить алиби! – хитро ухмыльнувшись, проговорила Светлана.

Немного помолчав, Фролова добавила:

– Ты думаешь, я тебя любила? Как же ты ошибался! Ты нужен мне был, чтобы всё прошло как по маслу, чтобы я могла контролировать ход событий. Одно я не учла, что, несмотря ни на что, ты всё же следователь и...

Сергей больше не мог её слушать... все последующие слова Светланы, все её действия – всё вокруг плыло, как в тумане...

Позже на пассажирском сидении машины Виктории были обнаружены волокна шерсти фиолетового цвета, а на заднем сидении – волос Нельмаера. При просмотре видео с камер видеонаблюдения вокзала действительно было видно, как Виктория Фролова заходит в здание вокзала, но как она оттуда выходит – нет. Всё подтвердилось. Жизнь Сергею стала казаться каторгой, он никак не мог осознать, за что и почему судьба так с ним поступила... Начальник отправил Сергея в отпуск, чтобы он восстановился, но Сергей так и не смог смириться с обманом любимой. Он действительно её любил...

«Какое прекрасное солнечное утро, – впервые за многие месяцы подумал Сергей, собираясь на работу. – И сон был сегодня хороший. Очень красивая бабочка с золотыми крылышками, переливающимися на солнце, присела на мою руку. Интересно, к чему это!»

Сергей впервые улыбнулся за последнее время. Почему-то сегодня ему хотелось на работу: груз предательства Виктории уже не тяготил его, и он с новой силой и рвением пошёл в отдел. По дороге он слушал трели птиц, улыбался прохожим, помог бабушке донести сумки от автобуса до дома... Чувство чего-то нежного и светлого не оставляло его душу...

Серёга зашёл в кабинет, занялся бумагами, стал готовить отчёты. Около обеда в дверь к нему постучали.

– Войдите!

В кабинет зашёл начальник отдела.

– Сергей Константинович, к тебе на помощь и на обучение мы приняли стажёра. Не обижай... научи всему, что знаешь сам! Я уверен, что ты сможешь справиться.

Сергей поднял глаза. Из-за спины начальника в кабинет прошла милая девушка.

– Познакомься, Сергей. Нового стажёра зовут Елена! Прошу любить и жаловать! – после этих слов начальник мило улыбнулся, хлопнул Сергея по плечу и вышел из кабинета.

– Приятно познакомиться! – сказал Сергей и почему-то невольно заулыбался и даже немного неожиданно для себя покраснел от смущения.

Елена в ответ скромно улыбнулась Сергею, и в его сердце сквозь тьму проник лучик света...

Угодник

Выйдя на пенсию, Иван Тихонович преобразился. Это так его сестра всем говорила. Супруга же Ивана Тихоновича, Нина Матвеевна, решила, что он чокнулся, и из своего мнения ни для кого тайны не делала. В самом деле, работал человек экспедитором, по всему району ездил и даже по области, знал, что где прикупить можно подешевле: в Пехтерёвке – молочных поросят, в Садовом – помидорной рассады и мёда, в Красном Логу – картошки. Привозил Иван Тихонович людям на заказ и стройматериалы, и семена, и удобрения, всех нужных людей знал и сам всем нужен был – жил припеваючи. И ладно бы завёл, как все, пасеку или сетей накупил и удочек, лодку резиновую – нет, вздумалось Ивану Тихоновичу рисовать. И не пейзажи, не натюрморты – образы святых взялся Иван Тихонович выписывать.

Первым его художества шурин заметил: заглянул во времянку, а там вся стена грифелем разрисована.

- Ух ты! – только и сказал шурин. – Это когда же ты только успел?
- Да я – что? Я – ничего, – заскромничал Иван Тихонович. – Краски вот купил недавно – попробовать бы ещё, как в цвете получится.
- А это кто такой с птицей? – заинтересовался шурин.
- Это святой Трифон, – потупился Иван Тихонович.
- А вот этот кучерявый со шкатулкой?
- Пантелеимон Целитель.
- Похож! А этот с сабелькой – значит, Георгий Победоносец?
- Нет, это архангел Михаил, – смутился хозяин. – Не видишь, что ли, крылья вот.
- Ахти! Не признал! – засокрушался шурин. – Ну да, если бы они цветные были, то, конечно, понятней. А то – мужик да мужик. А что ты, Ваня, ни Божью Мать не нарисовал, ни Христа ни разу?
- Силы в себе такой не чую, чтобы, к примеру, Божью Мать изобразить, – вздохнул Иван Тихонович.
- В смысле – святости? – переспросил шурин.
- Не знаю, как объяснить. К примеру, Георгий Победоносец – вон справа, в углу почти, – так его рука прямо сама выводит. Если надо, я и пять раз его нарисую по памяти, и десять и не собоюсь ни разу. Всё время будет одинаковым получаться – не отличишь. Это как подпись – сто раз распишешься, и все похожи.
- Иван Тихонович на мгновение замолчал, думая, как сказать дальше.
- А Божью Мать никак рука не наляжет рисовать. Я раз попробовал – с иконы с Казанской – не получилось. Будто не живая она – не мать, не баба.

– А что же ты с Казанской? Попробовал бы с Владимирской, – показал свою осведомлённость шурин.

– Что ты! – замахал на него руками Иван Тихонович. – Владимирская Божья Мать с младенцем милуется, и на лице у неё и любовь, и доброта, и умиление, и благодать – попробуй-ка, изобрази. Нет, видать, я ещё не дорос, не созрел, что ли.

– Может, и так, – согласился шурин. – Покурим?

– Так не курю я теперь, – развёл руками, словно извиняясь, Иван Тихонович.

– И не пьёшь? – встревожился шурин.

– И не пью, – подтвердил Иван Тихонович таким тоном, что казалось, готов сквозь землю провалиться.

– Дела! – заскучал шурин. – А перед тем, как святых начать рисовать, молишься, небось, помногу?

– Да куда там! – отмахнулся Иван Тихонович. – «Отче наш» прочитаю раза три-четыре – и хватит. Ну ещё Иисусову молитву, бывает. Ещё скажу «Господи, благослови!», перекрещусь – и за дело.

– А книжки?

– Что книжки?

– Книжек, наверное, ты много прочёл про это дело, – предположил шурин.

– Ну прочёл кое-что – как же без этого. Альбомы вон художественные купил. Дорогие – жена ругается. «Русская икона» – видишь? Красота – не оторвёшься. Я раз на одну иллюстрацию часа два смотрел, чуть разговаривать с ней не начал. Но не эти книги главные. Главные – вот: Библия, «Жития святых». Читаешь, а они там все, как живые, – и Иисус, и апостолы, и персонажи разные. Одно плохо, поздно я за это дело взялся, поздно начал.

– Жалеешь?

Иван Тихонович задумался:

– Может, маленько и жалею.

Потом и Нина Матвеевна мужнину художественную мастерскую разглядела и расплакалась:

– Пропало хозяйство! В сенцах лампочка третий день не горит...

– Новую вкрути! – вставил Иван Тихонович.

– Вкрутила – не горит! Это патрон не фурычит или выключатель. На крыльце нижний порожек сопрел, в курятнике дверь не закрывается, и насос из колодца не качает...

– Сгорел насос, ему уже пятнадцать лет на тот год. Надо новый покупать.

– На что покупать? – всхлипнула Нина Матвеевна. – Ты всю пенсию на книжки да на краски потратил. Хозяйство рушится, а он всё в игрушки играет – картинки рисует. Говорят, с пьяницами горе. А этот и не пьёт, а хуже пьяницы: и деньги из дома тащит, и хозяйство запустил.

Осерчал на супругу Иван Тихонович и два дня в хате не появлялся. Из времени только в уборную выходил и к колодцу за водой. На третий день Нина Матвеевна пришла мириться. Вошла во времянку и ахнула. А там на стенах места свободного нет от фресок, и почти все раскрашены.

– Маленько краски не хватило, – посетовал Иван Тихонович. – Но зато, вроде, цвета удалось поймать правильно. Нравится?

– Господи! – вздохнула супруга. – Ты что, ночами не спал?

– Ага! – признался Иван Тихонович. – Не хотелось. Я и не ел почти ничего: работа не отпускала, всё краски смешивал. Хлеб вот доел – с полбуханки было – да воды выпил целое ведро. Сейчас, может, посплю, да надо бы за новыми красками в район съездить.

Нина Матвеевна ничего не сказала, вышла на улицу и там уже расплакалась.

– Что-то я денег не нахожу, – сообщил ей Иван Тихонович, обшарив ящики комода. – С чем в Трегубово ехать?

– Кончились деньги! – отрезала супруга. – Жди теперь пенсии. Не забудь только на продукты из неё денег отложить да на новый насос водяной, да Микишка Марфуткин обещал нам мешок пшеницы продать – надо купить курям, пока он не передумал.

– Есть же у нас курям: три мешка, четвёртый начатый, – попытался высказать своё мнение Иван Тихонович.

– Сейчас есть, а о завтра ты не думаешь? – напустилась на него Нина Матвеевна.

Иван Тихонович спорить с ней не стал, а достал из шкатулки серебряный царский рубль – дедов подарок на свадьбу – и поехал в город. На рынке продал там николаевский целковый барыге, купил красок и кистей на всю выручку и к вечеру вернулся домой. Супруга его заподозрила неладное, но, откуда взялись деньги, так и не допыталась – решила, что была у мужа заначка или, не дай Бог, у кого-то одолжился. Соседи и родня на её расспросы отвечали, что денег Ивану Тихоновичу не давали, тот краски пока припрятал, за неделю постепенно починил всё по хозяйству, кроме насоса, и даже почистил уборную, поэтому Нина Матвеевна потихоньку успокоилась и несколько раз даже высказала супругу, что деньги – не главное, а лишь бы в семье были уважение и лад.

Выждав, когда семейная буря уляжется, Иван Тихонович пошёл в церковь. Храм, в котором в советские времена был склад, только-только отремонтировали и даже отстроили заново колокольню. Внутри заканчивали белить стены, постепенно разбирая леса и вынося строительный мусор. Молодой настоятель храма, отец Сергей, был вместе с семьёй где-то на отдыхе, а всеми работами руководил диакон Пётр – из местных.

– Не рано белите? – поинтересовался у него, снующего в строительной робе по объекту, Иван Тихонович.

– В смысле?

– Роспись надо же по сырой штукатурке делать. Как бы потом побелку смыть не пришлось.

– Это не побелка, а краска акриловая на водной основе, – пояснил диакон. – И расписывать тут никто ничего не будет: большие иконы в рамке под стеклом повесят. Как плакаты. Современные технологии – быстро и незатратно.

– Души нет, – вздохнул Иван Тихонович.

– Что? – уставился на него диакон.

– Души в них, говорю, нет – в этих плакатах. Оно что же, и в нашей церкви, и в Садовом, и в Воробьёвке, и в Александровке, и в Пехтерёвке все одинаковые иконы будут? Плакаты в рамочках?

– Ну это уж я не знаю, – насупился диакон. – Мне своих дел хватает. Вы, прихожане, лишний раз копейку на храм не пожертвуете, а ручная роспись больших денег стоит. И художников не хватает. Я слышал, на роспись да реставрацию приходы в очередь становятся, и какие – не нам чета.

– А я бы даром расписал, – предложил Иван Тихонович. – Не всё, правда, умею, но и того, что умею, немало получится. Иконы ваши плакатные можно было бы вперёд повесить, к алтарю ближе, а мне ближе ко входу простенки оставить.

– Ишь ты! – удивился диакон. – И давно вы, так сказать, богомазом заделались? Училище какое закончили или семинарию?

– Самоучка я, – признался Иван Тихонович. – Вы мне только дайте попробовать, а не понравится – закрашу, как было.

– А что, – пожал плечами диакон. – Тут раньше на стенах сколько слов ругательных написано было! Ничего, отмолим. И на каком образе хотите своё мастерство показать?

– Святой великомученик Георгий пока лучше всех мне удаётся, – скромно опустил глаза Иван Тихонович.

Диакон достал из короба журнал с проектной документацией, нашёл нужный лист и указал просителю:

– Вот в этом простенке. Только чтобы верхний край изображения был примерно на высоте два двадцать.

Он подошёл к стене, вытянул вверх руку и сделал метку. Иван Тихонович не мешкая, пока диакон не передумал, перекрестился и принялся за работу. На завтра к обеду образ был готов. Георгий получился бравым, и во взгляде его можно было прочесть и удаль, и непреклонную силу, и вызов всей вселенской нечисти. Алый плащ ниспадал с плеч, золотой нимб окружал голову, чешуйчатый панцирь отливал серебром, сильная рука стискивала древко короткого копья. Вьющиеся смоляные волосы клином находили на смуглый лоб на манер казацкого чуба.

– Хорош! – оценил диакон. – Прямо как живой. Может, архангелов попробуем?

Теперь все, кто заглядывал в отремонтированный храм, наблюдали, встав поодаль, за работой художника. Иван Тихонович людей не стеснялся, напротив, время от времени подходил и спрашивал:

– Как думаешь, кум, голова не крупновато получается?

Или:

– Степан! Посоветуй мне по-соседски: ангельские крылья большие нарисовать, как взаправдашние, с перьями? Или просто тоненько так обозначить, что они есть?

Через три дня архангел Гавриил с тонкой, похожей на фанфару трубой в руках скорбно и гневно взирал на прихожан, словно предупреждая, что ничего хорошего на Страшном Суде их не ожидает. Михаил же, архистратиг, выглядел как воевода передового полка, обращённый к вверенному ему воинству: излучающий просветлённую обречённость гибели за святое дело, надежду и решимость, он держал меч, как скипетр, а его лицо и нимб были светлыми, словно озарёнными встречным сиянием.

– Дядя Иван! – перехватил Ивана Тихоновича на улице Мишка Мартынов, известный сельский забияка и драчун, недавно условно-досрочно освобождённый. – Сделай мне наколки: на левой лопатке – того, с саблей, а на правом – другого, с дудкой.

– Господь с тобой! Как же это я тебе сделаю? – растерялся Иван Тихонович.

– А у меня машинка есть! – радостно сообщил Мишка. – Даже в тушь макать не надо – будешь только рукой водить. Я заплачú, сколько скажешь.

– Что ты, Миша! – замахал руками Иван Тихонович. – И не проси, и денег мне твоих не надо! Грех это, суета, тщеславие.

Удивлённый и обиженный отказом, Мишка отстал.

Старушки умилённо крестились, подходя к пахнущим свежей масляной краской образам, мужики в возрасте, уважительно здороваясь, смущённо говорили Ивану Тихоновичу слова похвалы и предлагали кто «заводского» петуха, кто саженцев какой-нибудь необыкновенной малины, кто даром попользоваться мотоблоком. Две женщины принесли ему прямо в церковь по ведру крупных груш-бессемянок, и умилённый Иван Тихонович угощал ими всех, кто попадался ему на глаза.

– Ещё могу нарисовать Трифона, Пантелеимона, Илию, Иону, – заявил вдохновлённый признанием земляков Иван Тихонович диакону Петру. – Воскрешение Лазаря, думаю, получится, а там и на Страшный Суд можно замахнуться. Только вот краски уже на исходе, а пенсия только через десять дней.

– Погодим пока, – успокоил его порыв диакон. – Завтра-послезавтра наш отец Сергей должен вернуться.

Настоятель, войдя в храм, был сколь удивлён, столь и озадачен. Отойдя с Петром в дальний угол, он долго возбуждённо разговаривал с ним вполголоса, а Иван Тихонович, к старости слегка туговатый на ухо, пытался по выражению их лиц понять, будет ему дано добро продолжать роспись или нет.

– Отец Сергей позвонит в епархию, – объявил художнику решение диакон, – чтобы приехал отец Андрей или его помощник. Отец Андрей инспектирует храмы и делает экспертизу проектов на соответствие канонам. Послушаем, что он скажет.

Отец Андрей не приехал ни на другой день, ни на следующий, и Иван Тихонович от волнения и тревожного ожидания потерял сон. Он просыпался перед рассветом и начинал выхаживать по двору, зябко ёжась, а когда рассветало, приходил во времянку и разглядывал свои росписи. Они теперь казались ему наивно-примитивными, как школьные сочинения рядом с добротным литературным произведением. Несколько раз Иван Тихонович порывался соскоблить росписи и перебелить стены, но всякий раз останавливался, натываясь на осуждающие взгляды святых.

– Что ты, Ваня, никак места себе не найдёшь?! – выговаривала ему супруга. – Об ком страдаешь, об чём горюешь? Об картинках своих? Лучше горюй, что наседка с яиц встала, не досидела. У людей какие-то инкубаторы есть домашние: цыплята без наседки вылупляются. А у нас и цыплята не вывелись, и огурцы от жары посохли, а ему хоть бы хны!

Инспектор епархии оказался по возрасту даже младше отца Сергея. Высокий и болезненно худой, отец Андрей то и дело оглаживал свою редкую короткую бородку, словно помогая ей расти жизненной силой рук. Увидев художества Ивана Тихоновича, он поджал тонкие бледные губы и процедил:

– Без благословения Его Святейшества? Как можно? Да это и не иконы вовсе – вольные списки какие-то. Прямо «Утро на Куликовом поле».

– А как же иконы Васнецова? – попытался возразить отец Сергей.

– Что? Да не смешите! И, в конце концов, есть же утверждённый эскиз, смета...

Отобедав, отец Андрей уселся в свою дорогую, отливающую на солнце перламутром иномарку и укатил по пыльному просёлку, тщательно объезжая ухабы.

– Беда, брат! – со скорбным видом сообщил об итогах визита епархиального инспектора Ивану Тихоновичу диакон. – Придётся росписи твои закрашивать.

– Без меня, – потухшим голосом произнёс Иван Тихонович и побрёл домой, ничего перед собой не видя.

Возле калитки его поджидала Зойка – заведующая детским садом, приходящаяся какой-то дальней роднёй Нине Матвеевне.

– Дядя Ваня, дядя Ваня! – затараторила она. – Я давеча мимо церкви шла, и дюже мне ваши картины понравились. Вы нам в детском саду беседку не разрисуете? И игровую комнату можно, и столовую, а?

– Нарисуем – почему же не нарисовать, – отозвался Иван Тихонович, смотря сквозь неё невидящим взглядом.

– Ну, заплатит – много не заплачу, – обрадовалась Зойка. – Можем ещё продуктами добавить – сахаром, крупами. Гречка, пшено... А, дядь Вань?

– Крупы – это хорошо, – как во сне произнёс Иван Тихонович и вошёл во двор, оставив калитку нараспашку.

Нины Матвеевны дома не было. По двору лениво бродили куры. Пёс Фунтик, услышав шаги хозяина, вылез из конуры, гремя цепью, и завилял хвостом. Иван Тихонович налил ему воды в пустую алюминиевую миску, и пёс стал жадно лакать.

– Жарко, брат, – посочувствовал кобельку Иван Тихонович.

Он поднялся в хату и достал из чулана вещмешок. Плотная ткань давно не просушивалась и пахла сыростью. Иван Тихонович сложил в вещмешок чистое вафельное полотенце, две рубахи, трикотажные штаны, носки – сколько было пар чистых, мыло, зубную щётку, тапки и полиэтиленовый пакет с кистями и смятыми тюбиками с краской. Подходя к калитке, он сорвал с ветки зелёное яблоко, надкусил его и, сморщившись, выбросил, но не от того, что оно было кислым, а от осознания того, что даже неспелого яблока не хочет брать из дома.

– А если кто не примет вас и не слушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, оттрясите прах от ног ваших, – вслух процитировал Иван Тихонович Евангелие и почувствовал, как на душе у него полегчало.

Дорога от деревни пару раз опустилась-поднялась по пологим склонам холмов, а потом устремилась длинным спуском к реке, упираясь в пристань. Вверху над пристанью было другое село, Александровка, и к нему дорога ответ-

влялась от перекрёстка и исчезала в зелени одичавших садов заброшенных усадеб, притулившихся к опушке леса. Иван Тихонович шёл поначалу споро, но потом на ногах, с весны отвыкших от тесной обуви, набились мозоли, и шаг стал неровным, ковыляющим. Время перевалило за полдень, и солнце теперь светило путнику прямо в лицо. Зной обжигал, сухой воздух слабо колебался по-над дорогой. Даже птицы, казалось, не решались подняться в душное марево и дневали в лесах и кустарниках, и лишь кузнечики нудно и безразлично стрекотали в выгоревшей траве, да зоркий взгляд Ивана Тихоновича иногда различал затаившихся у обочины ящериц.

«Хорошо, что уборка не началась, – размышлял он, слегка косолапя, чтобы меньше тревожить свежие мозоли, – а то бы машины ездили туда-сюда, пыль бы столбом стояла». Ещё он подумал, что год от года погода к началу уборочной портится – льют дожди, и часть урожая гибнет – и что есть в этом какое-то Божье знамение.

Иван Тихонович шёл к пристани наобум, не зная расписания, ориентируясь лишь на то, что, по последним наблюдениям, где-то через час вниз по реке должен пройти теплоход. На теплоходе он задумал доплыть до Камышовки – райцентра, что на границе с соседней областью, а дальше как-нибудь добраться до мужского монастыря, который, по слухам, восстанавливали неподалёку, километрах в двадцати. В монастыре Иван Тихонович собирался пожить послушником, если примут, и помочь в реставрации храмов – обретённым ли своим ремеслом или другим посильным трудом, как получится, – а то и вовсе, если будет на то милость Божья, приобщиться к иконописи. В Камышовке жил его двоюродный брат Емельян, и, если бы с монастырём ничего не получилось, Иван Тихонович собирался пожить у него неделю-другую, пока его судьба как-нибудь не определится – им ли самим или промыслом Божиим.

На пристани народа ещё не было, лишь две не знакомые Ивану Тихоновичу александровские бабки в чистых белых платках с немудрящим орнаментом шамкали о чём-то своём вполголоса, устроившись на вытащенном на берег бревне. Иван Тихонович скинул туфли, закатал штаны и вошёл почти по колено в прохладную речную воду, испытывая блаженство каждый раз, когда его ступня погружалась в мягкий илистый песок. У самого берега кружились мальки и шныряли головастики, чуть дальше по водной глади сновали водомерки, над ними барражировали стрекозы. Противоположный обрывистый берег был сплошь испещрён ласточкиными норками, из которых то и дело вылетали проворные птицы, выписывая зигзаги над водной гладью.

Вдоволь настоявшись в воде, Иван Тихонович с неохотой поднялся на дощатый настил, осторожно наступая мокрыми босыми ногами на прогретые солнцем выгоревшие и выветренные до серо-белёсого цвета доски. Его внимание привлёк небольшой щиток, сколоченный из обрезков вагонки и предназначенный, судя по многочисленным дыркам-проколам, для всякого рода объявлений – от расписания теплохода до уведомления о продаже пуховых козлят. Щиток был выкрашен в ярко-зелёный цвет и, как магнитом, притягивал взгляд Ивана Тихоновича. Тот, машинально сунув руку в вещмешок, нащупал кисть и два тюбика. Краски оказались охрой, жёлтой и коричневой, и Иван Тихонович то ли от скуки, то ли от не изжитого с детства озорства стал рисовать на зелёном фоне животное с коричневой в жёлтых пятнах шкуркой – то ли оленька, то ли косулю, то ли кабаргу. Рисуя, он не замечал, как пристань постепенно заполняется людьми. Подходя, они с любопытством заглядывали художнику через плечо и отходили, улыбаясь и одобрительно кивая. Закончив, Иван Тихонович, вытирая кисть, поводил ею по зелёному фону, выписывая жёлто-коричневой краской завитушки, напоминающие силуэты деревьев так, что всё зелёное поле оказалось слившейся листвой лесной чащи.

Довольный собой, он убрал кисть и краски в вещмешок и стал приглядывать место, где бы присесть, но тут к нему подбежала девочка лет семи и спросила, не стесняясь чужого человека:

– Дедушка, а это вы оленя нарисовали? Только маленького, да?

Иван Тихонович ещё раз бросил взгляд на щиток:

– Наверное, оленя.

– А олени у нас водятся в лесу? – с надеждой поинтересовалась девчушка.

– Нет, – покачал головой Иван Тихонович, – разве что лисы, да ещё кабаны недавно развелись.

– А где же тогда олени водятся? В Тюмени?

– Почему в Тюмени? – удивился Иван Тихонович, и тут же, удивлённый необычным созвучием, согласился:

– Ну да, получается: в Тюмени – олени.

– А в Твери – прочие звери, – вдруг пришло ему на ум.

Девочка засмеялась:

– А в Туле?

– В Туле – зайцы да косули, – сказал Иван Тихонович первое, что подвернулось под язык.

Девочка задумалась, вспоминая названия городов:

- А в Смоленске?
- В Смоленске сом сорвался с лески! – нашёлся Иван Тихонович.
- Варя! Варюша! – окликнула девочку мать. – Иди-ка сюда!

Девочка подбежала к матери, и та стала ей что-то сердито выговаривать. Девочка не слушала и вертелась на месте, порываясь подбежать к другой девочке, старше её года на три или четыре, очевидно, сестре. Наконец, мать прекратила свой монолог, и девочки стали энергично, но негромко переговариваться, то и дело поглядывая на Ивана Тихоновича. «Города вспоминают, – догадался тот. – Сейчас примчится Варвара, будет мне загадки загадывать».

Вскоре и правда к нему, оглядываясь на мать, подошла Варвара.

– Дедушка! – она посмотрела на Ивана Тихоновича хитро и испытующе. – А в Ярославле?

– В Ярославле? – Иван Тихонович в задумчивости упёрся ладонью в подбородок, как будто у него разболелся зуб. – В Ярославле шуки да голавли!

- А в Пензе?
- Немые кошки поют песни!

Варвара расхохоталась.

- А в Казани?
- Летом лошадь запрягают в сани!
- А в Тбилиси?

Иван Тихонович вовремя проглотил готовую сорваться с языка скабрёзность и поэтому замешкался.

- Люди ходят в шубах лисьих.
- А в Ереване? – не унималась девочка.
- Медведей моют в бане!
- А в Баку?
- Варя! – раздался сердитый оклик. – Я кому сказала!
- В Баку, – выжидающе посмотрела на Ивана Тихоновича девочка.

В голове вертелось «на боку», «табаку», но Иван Тихонович сориентировался:

- Скучает хохол по гопаку.
- А что это за звери такие – хохол и гопак? – удивилась девочка. – Я про таких не слышала. Они страшные или добрые?
- Да это и не звери вовсе, – смутился Иван Тихонович. – Гопак – это пляска такая, а хохол...

Старшая девочка подошла к Варе и, дёрнув её за руку, потащила к матери. На реке показался теплоход, и люди на пристани задвигались, норовя занять место поближе к трапу. Иван Тихонович не успел и глазом моргнуть, как галдящие тётки с ведрами и кошёлками, наполненными вишнями и яйцами, отёрли его в самый конец очереди, едва не спихнув в воду.

– А ну, уймись! – прикрикнул на толпу речник в чёрной робе. – Освободите место! Освободите, кому говорю!

Толпа подалась назад, Ивану Тихоновичу пару раз наступили каблуками на босые ноги, и только тогда, скривившись от боли, он заметил, что держит туф-

ли в руках. Он попытался обуться и, балансируя поочерёдно то на одной, то на другой ноге, натянул носки, но отекавшие ступни не лезли в туфли. Могла бы помочь обувная ложка, да где же её взять? Иван Тихонович покрутился на месте, пытаясь найти какую-нибудь плоскую щепку, но на глаза ничего подходящего не попадалось. Теплоход пришвартовался, и с него на настил опустили трап. Люди, толкаясь и ругаясь, полезли вверх. Иван Тихонович решил подняться на борт как есть, в носках, но, уже взявшись свободной рукой за поручень, вдруг передумал и отпрянул, словно очнувшись.

– Ты что, отец? – обеспокоенно заглянул ему в глаза речник.

– Так, что-то неможется, – вздохнул Иван Тихонович и медленно побрёл к берегу.

Подъём, хоть и пологий, давался с трудом, ноги вязли в перемешанном с пылью сухом песке, и Иван Тихонович быстро выдохся. Туфли, с трудом натянутые на ноги, жали нещадно. Доплется до развилки, Иван Тихонович с грустью поглядел вперёд, на вершину холма: до дома оставалось ещё километров семь, а сил уже не оставалось.

Шум приближающегося со стороны Александровки грузовика показался незадачливому путнику сладкозвучной симфонией. Из облака пыли вынырнул, лязгая разболтанными бортами, «ЗИЛ» и остановился, едва не наехав на стоящий у ног Ивана Тихоновича вещмешок. Из кабины высунулся голый по пояс Мишка Мартынов и скомандовал:

– Шевелись, дядь Вань, спешу!

– Далеко ходил? – поинтересовался он у пассажира, когда тот уселся, вцепившись обеими руками за небольшой горизонтальный поручень.

– На пристань. Хотел, Миш, из дома рвануть куда глаза глядят, – признался Иван Тихонович, – да передумал.

– Духа не хватило?

– Одумался. Прикинул умишком: что мной движет? Обида! А откуда обида? От гордыни. А гордыня – мать всех смертных грехов.

– Типа, тебя по щеке ударят, а ты другую подставляй... Я правильно понимаю? – уточнил Мишка.

Иван Тихонович промолчал. Вспомнилась его свадьба с Ниной Матвеевной, тогда ещё совсем молоденькой школьной пионервожатой, выпускницей педучилища, как сидели они, непьющие, и наблюдали со смущением, как пьянеет застолье, как среди гостей начинает тлеть огонь старых обид и старых сердечных симпатий, как пробегает первая чёрная кошка промеж одной и другой родни, как то там, то здесь вспыхивают конфликты – между фронтовиками и невоевавшими, между оставшимися в селе и нашедшими лучшую долю в городах и на всесоюзных стройках, между кичащимися своей «природой» и выбившимися в люди в последнем поколении. Зрела драка – и не одна, но парторг колхоза, Тимофей Николаевич, выступил с зажигательной речью, и вся свадьба стала подписываться под ещё не написанным письмом с осуждением фашистского переворота в Чили, а также хунты и Пиночета – убийц президента Альенде, направив на них весь поток разбуженной первобытной агрессии и потаённой ненависти.

– Насчёт моей татуировки не передумал? – отвлѣк его от воспоминаний Мишка.

– Нет, – твёрдо ответил Иван Тихонович.

– Ну ладно, – вздохнул Мишка с деланным смирением. – Так, значит так. Что с нас взять: дальше Пехтерёвки не ездили, слаще морковки ничего не ели. Тёмные люди! Не чета некоторым.

Иван Тихонович с нарастающей тревогой чувствовал, как захватывает Мишку злая сила, как всё более жѣстким становится его голос, и как наполняются его глаза темнотой.

– Останови! – попросил он. – Я выйду.

– Что такое? – недобро взглянул на него водитель.

– Укачало меня. Тут уже недалеко осталось – пешком прогуляюсь.

– Погуляй, погуляй, – усмехнулся Мишка. – Не один ты гуляешь. Смотри, гуляющим бабам не попадись – с живого не слезут.

Соскок с подножки на землю острой болью отозвался в измученных ступнях. Сделав десяток шагов, Иван Тихонович сел на землю, стянул туфли и носки и пошёл дальше босиком. На землю опускался вечер, но прогретая за день земля была совсем тёплой, словно приглашая прилечь на неё. Сухие стебли травы колыхались от слабого, несущего прохладу ветерка. Ласточки и стрижи носились у самой земли и, пролетая мимо, резко взмывали вверх, едва не задевая Ивана Тихоновича. Мошки стали роиться у него над головой, тонко и надоедливо жужжа. Медленно катящийся к неровной кромке лесополосы за дальним полем диск солнца был теперь по левую руку, а тень с правой стороны становилась всё длиннее. До околицы надо было ещё спуститься с холма, а потом подняться, и Иван Тихонович, переставляя усталые ноги, с грустью думал, что совсем ещё недавно он бы и полчаса на это не потратил, а сейчас, дай Бог, хоть бы до темна успеть.

Склоняющаяся хотя бы к короткому отдыху усталость боролась в нём с голодом и жаждой, которые неумолимо влекли к дому. Когда подъѣм был уже позади, солнце совсем скрылось за горизонтом, и сумерки, расцвеченные угасающим заревом заката, с каждой минутой становились всё темнее. Иван Тихонович представил себе, как он пойдѣт по селу босиком, с вещмешком за плечами и туфлями в руке, и ему стало не по себе. Почти наощупь он нашѣл примеченную ещё засветло недоскирдованную копну сена на скошенном лугу прямо у околицы, залез на неё, стараясь не разворошить, и аккуратно зарылся в тёплую пряную, просушенную до хруста траву. Небо над ним обнажило всю россыпь звѣзд, словно вытряхнув самые дальние закоулки космических закров. Самые яркие звѣзды казались такими близкими, что хотелось протянуть к ним руку, а Млечный путь разлился такой видимой широкой полосой, которую не каждому даже сельскому жителю доводится наблюдать хотя бы однажды. «Увижу ли я ещё такое небо? – подумал Иван Тихонович. – Или такая красота мне в последний раз открывается?» Он лежал неподвижно, глядя на звѣзды и час, и другой, забыв об усталости и всех перипетиях дня и, казалось, даже ни о чём не думая, а лишь наслаждаясь бездонной глубиной неба, погружаясь в неё всем своим существом.

В сене у самой земли возились мыши, попискивая, и поджарая, не избалованная хозяйскими харчами сельская кошка подкралась неслышной серой тенью и уселась вблизи, внимательно вглядываясь в край копны в ожидании счастливого охотничьего шанса.

Ивана Тихоновича разбудило мычание коров, под щёлканье кнутов и ругань пастухов выгоняемых стадом из села. Подождав, пока мычание, постепенно удаляясь в лог, стихнет, а хозяйки разбредутся по домам досыпать или управлять по двору, он съехал с копны на землю и, надев туфли, крадучись, быстрым шагом направился по пустынным улицам и проулкам к дому.

Проводившая корову в стадо Нина Матвеевна не спала и, увидев супруга, ничего ему не сказала, продолжая полоскать, отжимать и развешивать на верёвки для просушки бельё. Иван Тихонович как ни в чём не бывало прошёл в хату и увидел на столе накрытую полотенцем ещё тёплую сковороду и литровую банку с молоком. Сполоснув руки, он снял полотенце, под которым оказалась яичница с салом и прошлогодней слегка потемневшей картошкой. Уже взяв в руку ложку, Иван Тихонович сделал над собой волевое усилие и выглянул на улицу:

– Нин! Будешь со мной завтракать?

Супруга, словно не расслышав, продолжала заниматься стиркой.

Иван Тихонович провёл по яичнице линию, разделив её строго пополам и за минуту покидал ложкой в рот всё, что было на ближней к нему половине. Ещё не успев испытать сытости, он выпил банку молока вприкуску с хлебом и вышел на крыльцо. Вода для полоскания белья закончилась, и он натаскал из колодца воды сначала в таз, потом наполнил алюминиевый сорокалитровый бак, и ещё полные вёдра поставил рядом с тазом.

По радио началась утренняя гимнастика.

– Далеко намылился? – поинтересовалась Нина Матвеевна, увидев, что супруг направился к калитке.

– В садик пойду, к Зойке. Ей там интерьеры расписать надо. Денег заплатит и продуктов даст: сахара, пшена, гречки... А то что, с той пенсии?

– Масла только не бери, а то в этом году подсолнечник хороший, на паи должны дать не меньше прошлогоднего – ещё прогоркнет, не дай Бог.

– Вроде ничего она про масло не говорила, – наморщил лоб Иван Тихонович.

– А что так рано? – подозрительно окинула его взглядом жена.

– Там подожду её... Может, пораньше отделаюсь – помогу тебе по хозяйству управиться.

– Ну ладно, – согласилась Нина Матвеевна. – Только это...

– Что? – встрепенулся Иван Тихонович.

– Солому из головы повыбери.

– Так не солома это – сено, – засуетился Иван Тихонович, ощупывая волосы, но жена, уже не обращая на него внимания, выгружала в таз новую партию выстиранного белья.

Дом окнами на тюрьму

Марина давно пыталась поменять квартиру. За полгода десятки людей побывали у неё. Квартирка у Марины была неплохая – хоть однокомнатная, но просторная и очень уютная, с большой кухней и лоджией. Люди осматривали жилплощадь и удовлетворённо хмыкали. До тех пор, пока не подходили к окну.

Молодая женщина, сидя на диване, уже знала, какая сейчас последует реакция. Сначала удивлённый или растерянный взгляд, потом поспешное прощание с оговоркой: мы, конечно, подумаем, а позже обязательно позвоним. Однако никто повторно не звонил.

В конце концов, Марина свыклась с мыслью, что никогда не сможет обменять свою квартиру. А когда смирилась, то и успокоилась. Да и чёрт с ним, с этим обменом. Какая разница, что находится рядом с её домом! Можно, в конце концов, плотные шторы повесить...

Окна её квартиры выходили на следственный изолятор, или по-простому, по-житейски – тюрьму. Как раз на ту его часть, где в камерах сидели арестанты. Гладкая кирпичная стена дома несвободы, – так Марина именovala про себя тюрьму, – была усеяна рядами небольших окошек с решётками. Иногда она подолгу стояла у своего окна и глядела на эту стену. До её слуха доносились звуки – то в виде неясного гула, то каких-то криков, грубого громкого смеха, иногда пения. Порой в изоляторе кто-то включал репродуктор, и тогда весь день звучали модные песенки. Жильцы дома судачили: зеков, мол, развлекают. Соседство, конечно, малоприятное, но вместе с тем нависающая громада грязно-жёлтого здания действовала отрезвляюще на местных хулиганов и семейных дебоширов.

Там шла своя непонятная и однообразная жизнь, которая продолжалась месяцами, годами. И ничего, казалось, не менялось за толстыми стенами.

Марина была по профессии журналисткой, к тому же весьма любознательной, и что-то интересное, тем более исключительное, всегда привлекало её внимание. Вслушиваясь в звуки, идущие из дома несвободы, Марина ловила себя на мысли: ей хочется узнать, что за люди там обитают, о чём они думают, мечтают. Их таинственное существование казалось молодой женщине неестественным, даже нереальным, настолько оно отличалось от её представлений о нормальной человеческой жизни. Но никаких шагов, чтобы реализовать появляющееся желание, Марина не предпринимала. Слишком уж пугающей казалась ей действительность, отделённая от остального мира высоким с колючей проволокой бетонным забором, казавшимся неприступным, словно средневековый замок.

...В тот ненастный осенний вечер она долго сидела за компьютером, работая над очередной статьёй. Неожиданно раздался торопливый стук в дверь. «Кто бы это мог быть? – подумала она, выходя в прихожую. – Может, соседка?» Едва отомкнула замок, как в квартиру ввалился высокий мужчина, который тут же захлопнул за собой дверь. Хотя Марина была женщиной не из робкого десятка, но от неожиданности растерялась.

– Кто вы такой? – возмущённо спросила она.

Мужчина не ответил. Он поднёс ко рту указательный палец, умоляя молчать, и стал прислушиваться к звукам в коридоре. Спустя несколько минут там загромыхали чьи-то тяжёлые шаги и раздалось приглушённые голоса. Потом зазвенел звонок. Мужчина схватил Марину, прижал к стене и ладонью прикрыл ей рот. Она в страхе повиновалась. Звонок прозвучал ещё раз. Вскоре шаги удалились, и всё стихло. Незнакомец отпустил женщину.

– Что вы себе позволяете! – задохнулась от возмущения Марина.

– Извините, ради бога, но за мной гонятся.

– Да кто?

– Очень опасные люди. Если бы они ворвались сюда, то, скорее всего, ни я, ни вы не остались бы в живых.

Мужчина, не спрашивая разрешения, прошёл в комнату, встал возле окна и принялся глядеть на улицу сквозь щель в портьере. Наконец, обернулся к Марине.

– Ещё раз прошу прощения. Но, поймите, у меня просто не было другого выхода. Меня, кстати, зовут Алексеем.

Марина стояла, опершись спиной о дверной косяк. Теперь она могла внимательно рассмотреть нежданного гостя. Средних лет, зачёсанные назад волнистые волосы, усталый взгляд карих глаз. Пожалуй, симпатичен. Немного странно одет – в грязный спортивный костюм и старые кроссовки.

– Понимаю, что в этом наряде выгляжу чудным, – поняв её недоумение, смущённо улыбнулся Алексей. – Меня застали дома врасплох, поэтому вынужден был надеть на себя первую попавшуюся одежду. Убегая от преследователей, несколько раз падал в грязь. Сами знаете, какая мерзкая погода на улице.

– За что же они хотели расправиться с вами? – спросила, немного успокоившись, Марина. Она даже стала находить несколько интригующим свалившееся на её голову происшествие.

Но мужчина не ответил. Он долго вслушивался во что-то снаружи. Только сейчас Марина осознала, что звуки, идущие из дома несвободы, сильно отличаются от тех, к каким она привыкла. Сквозь шум дождя там звучали громкие команды, слышались тревожные голоса, почти непрерывно лаяли собаки... «Что случилось?» – подумала Марина, а вслух произнесла:

– У меня не очень приятное соседство. Тюрьма.

Мужчина неопределённо хмыкнул и сел на диван.

– Ничего себе. От чего убегал, к тому и прибежал.

– Да о чём вы? – удивилась Марина.

– Так вы спрашиваете, почему меня преследуют? – словно не слышал её вопроса мужчина. – Долгая история. В двух словах: я – предприниматель. Знаете, наверное, как рискованно у нас заниматься бизнесом. На меня стали наезжать, требовать дань за так называемую крышу. Я отказался и заявил в милицию. Теперь за мной повсюду гоняются, чтобы убить.

– Кто? Милиция?

– Нет, бандиты.

Марина с некоторым сомнением выслушала мужчину: слишком уж гладко он говорил, словно по заученной шпаргалке. Однако затем упрекнула себя: у человека – беда, а она не верит. На каком основании?

– Понимаю, что я гость незваный, – чуть смущённо произнёс Алексей. – И всё же, не покормите ли вы меня?

Молодая женщина пошла на кухню и достала из холодильника кастрюлю с борщом. Поставила её на плиту. Алексей не отправился вслед за ней, а остался в комнате. «Может, он вор»? – вдруг мелькнуло у Марины в голове.

Она осторожно заглянула в комнату: предполагаемый грабитель крепко спал, откинув голову на спинку дивана.

Первую ночь незнакомец так и проспал, не раздеваясь, на диване. Марина прикорнула на кухне, расстелив раскладушку. Утром за завтраком мужчина, неоднократно извиняясь, заявил, что немедленно покинет квартиру. И уже собравшись уходить, в последний момент приблизился к окну.

– Ждут, гады! – прошептал он, подзывая Марину. – Видите на улице чёрную машину. В ней сидят двое. Я прекрасно знаю, кто они. Отморозки. Но вы не беспокойтесь, я всё равно сейчас уйду. Что-нибудь придумаю...

Какое-то мгновение Марина в нерешительности стояла возле окна. Наконец сказала:

– Вы можете пока остаться здесь. Совесть не позволяет мне выгнать на улицу человека, которому угрожает опасность.

– Вы... – с чувством произнёс Алексей. – Никогда этого не забуду. Мне очень неприятно, что я доставил вам столько неудобств.

– В холодильнике – борщ, – перед уходом на работу дала последние указания Марина. – И... примите душ, чистому легче время коротать, – усмехнулась она.

...Вечером, открывая дверь собственной квартиры, она сильно волновалась. В течение дня подозрения не раз овладевали ею: как она, разумная женщина, могла решиться на такое безрассудство – оставить квартиру на совершенно незнакомого человека... В прихожей Алексей в чистом, явно выстиранном костюме встретил её улыбкой.

– А я приготовил ужин, – разводя руками, словно извиняясь за проявленное своеволие, заявил он. – Из того, что нашёл в холодильнике. Но, по-моему, вы не любите готовить. Выбор продуктов весьма ограничен.

– Я обычно предпочитаю обедать и ужинать вне дома, – холодно сказала Марина, которой не очень понравилось замечание по поводу того, как она относится к кулинарии.

– Теперь, пока я здесь, сам буду заниматься приготовлением ужина, – просто сказал Алексей. – И вы убедитесь, что в этом деле я специалист.

Гость показал себя не только хорошим поваром. Марина с удовлетворением отметила, что кран, подтекавший уже несколько дней, был починен, приведена в порядок электрическая розетка на кухне. Даже вечно болтающаяся ручка, которая так раздражала Марину, теперь накрепко соединилась с комнатной дверью.

За ужином Алексей рассказывал забавные истории, причём непонятно было, происходили ли они на самом деле или он искусно их выдумывал. Марина развеселилась и впервые подумала, что её гость, пожалуй, славный парень. В эту ночь он был отправлен спать на кухню, а Марина устроилась на своём законном месте на диване.

А перед тем как лечь, Алексей попросил Марину об одном одолжении: в камеру хранения на вокзале для него положили деньги и вещи, не могла ли она получить их и привезти сюда? Просьба немного озадачила Марину:

– А чего ваши друзья не привезут сумку?

– Всё не так просто. Те, кто сторожит меня на лице, прекрасно знают всех моих сотрудников. Если кто-то появится здесь, бандиты сразу поймут, где я прячусь.

– А жена? Отчего бы ей не побеспокоиться о вас?

– У меня нет жены, – коротко ответил Алексей.

Вечером Марина привезла сумку.

Отныне её жизнь словно раздвоилась. День она проводила в привычных заботах: статьи, планёрки, дежурства, беседы с авторами, деловые встречи. Другая же – вечерняя – жизнь теперь наполнилась иным, чем прежде, смыслом. И если раньше Марина допоздна засиживалась в редакции, приходя в свою квартиру, в основном чтобы лечь спать, то теперь, находясь на работе, она всё чаще ловила себя на мысли, что думает о доме. А вернее о том, кто сейчас там обитает.

Марина никому о своём странном госте не рассказывала. Алексей сам попросил её об этом. Она даже слегка обиделась на него: неужели она такая дура, что ничего не понимает. К тому же её привлекали острота и таинственность приключения, новизна неожиданного знакомства, необычность нынешнего вечернего времяпрепровождения. Алексей всё больше казался ей занятым и интересным человеком.

В квартире, оставаясь наедине, они подолгу разговаривали. Марина, которая считала, что хорошо разбирается в литературе, поскольку в своё время закончила факультет журналистики, иногда чувствовала себя в роли неуспевающей ученицы. Алексей часто наизусть читал Пушкина, Лермонтова, Есенина, Мандельштама, каких-то иностранных поэтов, о которых Марина едва слышала или вообще ничего не знала.

– Откуда у вас столь хорошие познания в поэзии? – спросила однажды Марина.

– Был момент, когда я находился в таком сильном отчаянии, – серьёзно ответил Алексей, – что хотел наложить на себя руки. И вдруг мне попался томик

стихов Бодлера. Читал их всю ночь, казалось, что они о моей противоречивой жизни и обо мне самом.

Пощёчина я и щека,
И рана, и удар булатом,
Рука, раздробленная катом,
И я же – катова рука!

С тех пор стал жадно читать стихи, хотя раньше был к ним совершенно равнодушен.

– Но что с вами случилось? – тихо спросила Марина.

– Наступило некое прозрение, – Алексей долго молчал, собираясь с мыслями. – Понимаете, в какой-то момент я вдруг ясно осознал, что судьба человека определяется в основном двумя вещами: любовью – эросом и смертью – танатосом. Они, как два полюса, два берега, между которыми течёт река судьбы. Один – светлый берег, к которому человек всегда стремится, другой – чёрный. Всё остальное не имеет особого значения. Поэты чувствуют это острее, тоньше и глубже других.

– Нет, я не об этом. Я хотела спросить, в чём причина отчаяния, которое чуть не толкнуло вас...

– В чём причина? – Алексей нахмурил брови, губы его сжались, как у человека, которого вдруг коснулись неприятные воспоминания. – Не хотелось бы сейчас говорить об этом.

– Извините, – Марина мысленно упрекнула себя за бестактность.

Алексей, впрочем, оживившись, предложил:

– Я тоже пишу стихи. Хотите послушать?

– Вы – бизнесмен, однако находите время и желание читать и даже писать стихи. В наше время – это такая редкость.

– Иногда у деловых людей случается так много свободного времени, – загадочно усмехнулся Алексей, – что не знаешь, куда его девать.

Целый вечер он читал ей стихи. Они были неплохи, но Марину поразила одна деталь. Она ощущала сильный надлом, неприкаянность, мятущуюся душу, не знавшую, где ей найти пристанище... Марина даже расчувствовалась, и слёзы появились на её лице.

– Простите, – сказала она, вытирая платком глаза. – Я не ожидала, что заплачу. Слёзы сами выступили...

Она перевела дыхание.

– Однако насколько сильно жизнь должна потрепать человека, чтобы он стал писать такие стихи!

И Марина повторила:

Живу в каком-то роковом кругу –
У разума и совести в долгу:
Могу быть злу покорным, но не хочется,
Хочу смиренным быть – и не могу¹.

¹ Алексей Шант. Тюрьма – не школа. Ярославль : Дебют, 1991.

– Жаль, что не моё, – как-то вяло сказал Алексей. – Это стихи настоящего поэта с очень трудной судьбой...

Марина не особо задумывалась над тем, чем занимается Алексей целыми днями, находясь в одиночестве в её квартире. До поры до времени её почти не волновало и то, что в какой-то день он покинет её квартиру. И в его прошлое, о котором он сам говорил очень скупое, она не вдавалась. Ибо чувствовала: за этим скрывается нечто такое, что лучше пока не трогать. Не задавала она себе вопрос и о том, как вообще могут сложиться их дальнейшие взаимоотношения. У человека случилось несчастье, и она чем может помогает ему.

...В тот вечер Алексей был необычно грустным и молчаливым.

– В чём дело? – спросила его за ужином Марина.

Алексей перевёл на неё взгляд, в котором она прочитала непонятную настроенность, смешанную со смятением. Она встревожилась.

– Вы знаете, – глухо ответил Алексей, – когда в тот ненастный вечер вы открыли дверь и я ворвался к вам, мне показалось, что я чудом спасся от угрожавшей мне гибели. Так оно, впрочем, и было. Трудно в наше время представить, что кто-то ночью впустит к себе незнакомого человека да ещё даст ему приют, подвергая себя нешуточному риску. Но когда проходит волна порыва, то наступает время обдуманных решений и сознательных поступков. Я больше не могу и не хочу подвергать вас опасности.

– Куда же вы пойдёте?

– Я всё продумал. Моя «почётная» охрана на улице, как я заметил, меняются через каждые восемь часов. Ночью бдительность сторожей притупляется. Сегодня я постараюсь выбраться незаметно из дома и освободить вас от неприятностей.

– Почему вы решили, что доставляете мне неприятности? Наоборот, вы показались мне очень содержательным человеком. Хотя, по-моему, чрезвычайно ранимым. И ещё, ваше сердце чем-то сильно отягощено. Я заметила: когда вы рассказываете что-то весёлое, то вам – не весело, когда смеётесь – не смешно.

– Я думал, что со стороны это незаметно.

– Мне кажется, – продолжала Марина, – что, если вы уйдёте отсюда, то отнюдь не спасётесь. Наоборот, вас скоро обнаружат. Преследователи, по-моему, только подозревают о том, что вы находитесь в доме. Но не знают наверняка. Через несколько дней им надоест бесполезная слежка за домом, и они покинут свой пункт наблюдения. Так что есть смысл подождать. Здесь вы в безопасности.

– Вы не знаете этих людей. Они способны на любую низость. Они пойдут по квартирам, будут обыскивать каждый уголок...

– Неужели нельзя найти на них законной управы? – возмутилась Марина.

Её поразила неожиданная реакция Алексея.

– О чём вы говорите! – вскочив с дивана, он принялся стремительно расхаживать по комнате. – Какая управа! Я по собственному опыту знаю, что нико-

му ничего не докажешь. Никто к тебе не придёт на помощь. Надеяться можно только на себя. На свою силу или хитрость.

– Нельзя жить так – совсем без надежды и веры, – тревожно глядя на Алексея, промолвила Марина.

– Вера... надежда... Какая наивность! – пробормотал Алексей.

Он остановился перед ней с видом человека, какой бывает, наверное, у врача, когда он разговаривают с безнадежно больным. Он, врач, знает всю горькую правду – до самой последней капельки, но сказать об этом больному не желает или не имеет права. Алексей попытался было снисходительно улыбнуться, но встретился с мягким взором Марины, устремлённым на него. И вдруг понял, что она, благодаря своей женской интуиции, читает, пожалуй, его душу и знает о нём гораздо больше, чем он предполагал.

– Зачем вам уходить? Разве я вас гоню? – ласково сказала она.

Неожиданно для самого себя он упал перед ней на колени.

– Прости меня. Ты чудная, святая женщина. Если бы я не встретил тебя, то никогда бы не поверил в то, что существуют такие люди.

– Ты во всём изверился, – с тихой улыбкой говорила Марина, глядя его волосы. – Я сразу поняла, что тебе, бедному, в жизни много чего перепало. Испил чашу отчаяния до самого донышка. Бодлером упиваешься. Ну а я – самая обычная женщина. Хотя, – с милым лукавством произнесла она, – мне чрезвычайно приятно, что ты такого обо мне мнения.

...Никто и никогда, наверное, не сможет объяснить, как и почему вдруг наступает миг величайшего прозрения между мужчиной и женщиной. Когда оба без слов понимают, что их симпатия вдруг переросла в нечто иное, во взаимную мощную, глубокую и непреодолимую тягу.

Марина ещё десять минут назад даже не предполагала, что это может произойти. Но сейчас в объятиях Алексея, ощущая его мягкую и настойчивую силу, она подумала, что маленький Купидончик с крылышками за спиной и натянутым луком, который ей почему-то приснился вчера ночью, только и ожидал мгновения, чтобы выпустить, наконец, свою волшебную стрелу...

На следующий день, перед тем как поехать на работу, Марина решила заскочить в отдел паспортно-визовой службы, поскольку должна была получить заграничный паспорт. Ближайший отпуск она, подкопив денег, планировала провести в Париже и уже заказала туристическую путёвку. Трясаясь в переполненном автобусе, Марина ещё не отошла от впечатлений прошлой ночи. Она всегда считала себя женщиной, не способной на легкомысленные поступки и бездумные флирты. Таковой, впрочем, и являлась. Она была привлекательна и не имела недостатка в кавалерах. Но, чтобы сблизиться с мужчиной, ей требовалось порой долгое время. Последний её поклонник оказался слишком нетерпеливым, и она вынуждена была с ним расстаться.

А вот вчера она изменила своим принципам. «Почему? Почему я так поступила?» – спрашивала себя Марина. И наконец решила: то, что случилось, наверное, должно было произойти. Отчаяние одного и ответное искреннее со-

страдание другой – порой самая короткая дорога к любви. Предчувствие того, что встреча с Алексеем и их вчерашняя близость могут явиться неслучайными в её судьбе, не покидало Марину.

С такими мыслями она подошла к двери здания, где находилась паспортно-визовая служба. И остановилась в оцепенении. Сначала даже не поняла, в чём дело. Просто краем глаза она зацепилась за стенд, стоящий сбоку от двери. На нём висели листовки с фотографиями. Из десятка снимков её взгляд сразу выхватил один. Чувствуя, как холодеют руки и больно сжимается сердце, она подошла ближе к стенду. По лицу резанула короткая, как автоматная очередь, надпись «Их разыскивает милиция». А под ней – портрет Алексея. Машинально, несколько раз возвращаясь к самому началу, она прочитала текст:

«Из зала суда убежал чрезвычайно опасный преступник, осуждённый к пожизненному лишению свободы за совершение нескольких убийств...»

Далее, как обычно, шло перечисление примет и телефонов, по которым следует звонить гражданам, знавшим, где мог скрываться преступник.

Почва словно выскользнула из-под ног Марины. Она схватилась рукой за столб, что поддерживал дверной навес, и простояла так с минуту, приходя в себя. Затем сначала медленно, а потом всё решительнее стала удаляться от здания.

По дороге к дому она позвонила на работу и, сославшись на болезнь, попросила предоставить ей отгул. Выйдя на автобусной остановке, Марина не сразу пошла к себе, а не менее часа бродила по улицам, чтобы привести в порядок мысли. Дом несвободы, мимо которого проходил путь, в этот раз поразил её своей тишиной. Он затаился в каком-то тревожном ожидании, словно страшный зверь перед решающим прыжком.

Когда она открыла дверь, то увидела, что Алексей сидит за компьютером спиной к ней и что-то печатает. В ответ на звук её шагов он обернулся, его глаза обрадовано сверкнули, но тут же радость сменилось беспокойством.

– Что случилось? Ты так бледна!

Ни слова не говоря, Марина прошла вглубь комнаты и остановилась возле окна. Долго глядела на улицу, потом, собравшись, повернулась к Алексею и насмешливо сказала:

– А мы с тобой, оказывается, долгое время были соседями. Может, ты даже видел меня из окошка камеры?

И она кивнула головой в сторону следственного изолятора. Алексей не удивился и не испугался, как того ожидала Марина. Он лишь грустно улыбнулся и тоже подошёл к окну.

– Нет, не видел. Внутри есть отсекающие решётки, которые не позволяют подойти к окну. Из камеры виден только кусочек неба.

Так они стояли в молчании, думая каждый о чём-то своём. Наконец, Алексей произнёс:

– Я ожидал, что это произойдёт... И хотел рассказать тебе всё сам.

– А ты не похож на преступника, – отозвалась Марина. – Такой интеллигентный, начитанный... Прямо душка. Это что – новый тип убийцы? Или мы умеем хорошо притворяться?

– Нет, – тихо возразил Алексей. – Я самый настоящий убийца. Только... только убийца поневоле.

– Ах, вот как, – приподняла в недоумении бровь Марина. – Не могли бы вы растолковать попонятнее.

Она села на диван, положив ногу на ногу. Алексей тяжело перевёл дыхание.

– Мне не поверили следователь, прокурор, судья, – медленно, как бы с трудом заговорил он. – И ты тоже не поверишь. Ну да ладно. Расскажу, а ты уж решай сама. Мне всё равно терять нечего. Да, – он снова перевёл дыхание, – я тебе не врал, когда говорил о том, что занимался бизнесом. Я действительно старался вести его честно. У меня не было так называемой чёрной кассы и серых зарплат, я исправно платил налоги. И спал, как говорится в рекламном ролике, спокойно, и денег мне вполне хватало. Пока на мою фирму, а мы занимались компьютерными технологиями, не пришли однажды два типа. Особо не церемонясь, они напрямую заявили, что я ежемесячно должен передавать им некую сумму денег. А они в свою очередь гарантируют мне за это безопасность. Я тогда наивно ответил, что мне бояться некого и в предлагаемой ими «услуге» не нуждаюсь. Усмехнувшись, они ушли. А на следующий день у меня пропала машина. Я обратился в милицию, но автомобиль не нашли.

Через день они снова появились на фирме. Их было уже трое. Третий, которого я видел впервые, являлся у них главарём. Он показался мне умнее остальных, но в то же время был циничнее и наглее. Он спросил, по-прежнему ли я убеждён в собственной безопасности? И, глумливо улыбаясь, добавил, что машина – это только начало, если я, конечно, не одумаюсь. Я вспылil, так как терпеть не могу, когда надо мной издеваются. Заорал, чтобы они убирались вон, что я заявлю на них в милицию... «Ну-ну», – сказали они и ушли.

Через два дня моя фирма сгорела. Я снова обратился в наши органы. Помню, принял меня капитан, участковый или оперуполномоченный, с сонным

лицом и ленивыми движениями. Он взял у меня заявление и сказал, что разберётся. Через неделю вызвал к себе и заявил, что пожар произошёл из-за моей собственной халатности: мол, я использовал недоброкачественную проводку, а машину ставил в неположенном месте, а надо – на платной стоянке. И вообще, ничего из заявленного мною не подтвердилось. Тех, кто мне якобы угрожал, все характеризуют как честных и порядочных людей. А вот в отношении меня самого есть подозрительные факты, скрывал, мол, значительную часть выручки. Пожар, возможно, устроил умышленно, чтобы спрятать концы в воду.

Я ушёл словно оплётанный. Через три дня ограбили мою квартиру. Я даже не стал заявлять о краже, поняв, что это бесполезно. Ещё я чувствовал, что следующей жертвой для преступников буду уже я сам. Мне стали звонить по телефону и угрожать убийством.

И вот тогда я решил действовать самостоятельно. Поехал на чёрный рынок и купил у одного ханыги пистолет. Потом позвонил бандитам и сказал, что хочу с ними договориться. Встреча была назначена на вечер в каком-то офисе. Я вошёл в кабинет, где за столом сидел один из них. Почти в упор выстрелил в него. В кабинет вбежали ещё двое, я и их убил. После выбросил пистолет в урну и поехал к себе домой. Утром меня арестовали.

Марина слушала молча. Алексей так и остался стоять у окна, сгорбленный, с почерневшим лицом. Глаза его невидяще уставились на улицу.

– Потом был суд. Меня обвинили в умышленном убийстве из низменных побуждений: якобы я получил от убитых взаймы большую сумму денег, но чтобы не возвращать долг, расправился с ними. Через купленных адвокатов я был выставлен неким чудовищным монстром, который безжалостной рукой убил прекрасных и честных людей. Судья вынес приговор – пожизненное заключение. Вот и всё.

– А как же ты сумел убежать?

– Ах да. Это совершенно удивительная история – ребус, разгадать который я, наверное, никогда не смогу. После вынесения приговора двое охранников привели меня из зала суда в маленькую комнатку с клеткой. Там я должен был находиться до тех пор, пока за мной не приедет конвой. Тот что-то задерживался. Охранникам надоело сидеть в душной комнате, и они, посчитав, что из запертой клетки я никуда не выберусь, куда-то отошли. Не знаю, что на меня нашло, а возможно, потому что терять мне было нечего, но я подошёл к двери клетки и к своему изумлению увидел, что её забыли запереть на замок. Я выбрался из комнаты и преспокойно оказался на улице. Выйти-то вышел, а там – дружки бандитов, которые присутствовали на суде. Заметили меня. Началась погоня, совсем как в крутом боевике. Я добежал до твоего дома, а остальное ты знаешь сама. Правда, теперь думаю, что, может быть, клетку специально оставили открытой, чтобы поджидавшие меня бандиты могли расправиться со мной...

Марина долго сидела, не шелохнувшись. Наконец, зябко повела плечами и подняла глаза на Алексея.

– Почему ты решил, что я не поверю тебе? Я тебе верю.

– Спасибо, – с огромным облегчением сказал Алексей. – Ты даже не представляешь, насколько важны для меня твои слова.

У Марины было одно исключительное качество. Она могла долго сомневаться в чём-то, но только до тех пор, пока ситуация не становилась для неё ясной. Как только этот момент наступал, она наполнялась энергией и начинала действовать. И уж тогда решительности ей становилось не занимать. Вот и сейчас она, глядя прямо на Алексея, спросила:

– Что ты думаешь делать?

– Уеду отсюда в какой-нибудь медвежий угол, где меня никто никогда не разыщет.

– Разыщут, – усмехнулась Марина. – Ты ведь, к примеру, не олигарх какой-то, которого никак не могут отыскать в том же Лондоне на всем известной улице. Да и дружки убитых от тебя не отстанут. Нет, это не выход.

– Что же делать?

– Невозможно всю жизнь прятаться у меня на квартире. Ты совершил преступление...

– Я пошёл против закона, но поступил по правде, как мне велела совесть. Сколько ещё эти подонки людей бы травили, если бы не я...

– Я буду тебя ждать, – вдруг тихо проговорила Марина.

– Что это значит? – Алексей в недоумении уставился на неё.

– Это значит... – Марина помолчала, потом показала рукой в сторону окна, – тебе надо идти туда. И покаяться.

Алексей медленно, но твёрдо помотал головой.

– Не пойду. Ты с ума сошла! Ведь у меня пожизненное заключение. Пожизненное, понимаешь. Ты не представляешь, что это такое. Лучше смерть. Если бы мне сказали: смерть или пожизненное заключение, я бы, наверное, выбрал первое. Но я лишён даже такого выбора!

У Марины изменилось лицо от глубокого сострадания. Она подошла к Алексею и обняла его. Он уткнулся лицом в её волосы.

– Я ведь понимаю, – грустно усмехнулся Алексей, – стоит мне выйти из подъезда, смерть сразу настигнет меня...

– Молчи, – крепче обняла его Марина. – Ничего не говори.

Алексей высвободился из её объятий и подошёл к телефону.

– Что ты собираешься делать? – недоумённо спросила она.

– Звонить в милицию, – пожал плечами Алексей. – Сдаваться. Он опустил трубку. – А зачем, собственно, в милицию. Вон мой родной дом, – с какой-то отчаянной решимостью кивнул он в сторону улицы. – Туда прямо и пойду. Всё равно большего срока, чем у меня уже есть, мне не дадут.

– Не всё потеряно, родной, – сказала взволнованно Марина. – Я найду хорошего адвоката, я добьюсь пересмотра дела. Обещаю тебе. Я люблю тебя... Я тебя дождусь... Только ты верь...

...Глядя из окна, Марина видела, как Алексей, выйдя на улицу, остановился на мгновение возле подъезда. Затем сначала медленно, потом всё быстрее пошёл со двора.

Вдруг из чёрной машины выбрались двое. Оба, держа правые руки в карманах плащей, направились наперерез Алексею. Марина ахнула. Алексей побежал. Ему оставалось ещё каких-то сорок-пятьдесят метров.

Наверное, никогда ни один человек в мире не желал того, что сейчас желала Марина, – чтобы дорогой человек поскорее оказался там, за этими мрачными и высокими стенами с решётками и железными запорами. Дом несвободы по удивительному непредсказуемому стечению обстоятельств теперь казался ей домом спасения.

Двое в плащах тоже побежали. Они хотели действовать наверняка и, кажется, были близки к своей цели. Марина видела, как один выхватил из кармана пистолет и на ходу стал прицеливаться. У женщины замерло от ужаса сердце.

В этот момент из проходной вышли трое в офицерской форме. Сразу заподозрив неладное, они настороженно остановились. К ним, отчаянно размахивая руками, мчался какой-то странный человек, а за ним гнались двое в тёмных плащах. Офицеры бросились навстречу бежавшему. Его преследователи, увидев их, резко остановились, развернулись и устремились обратно к машине...

Марина с облегчением перевела дыхание. Алексей что-то горячо говорил офицерам. Затем все скрылись за воротами проходной.

...Прошло немало минут, прежде чем Марина отодвинулась от окна. Тоска разрывала её душу. Она знала, что предстоит нелёгкая борьба. И была готова к ней. Первое, что она сделает, – это напишет подробную статью об Алексее, которую опубликует в завтрашней газете. Потом займётся пересмотром его дела.

Она очутилась возле компьютера. Он не был выключен, так как ещё совсем недавно Алексей что-то печатал на нём. Марина нажала на клавишу, и тёмный экран высветил строчки. Марина впилась в них глазами:

Если этот венок попадёт тебе в руки,
Значит, я умудрился его доплести,
Значит, мне удалось свою душу спасти,
Вопреки беспощадной тюремной науке...²

² Алексей Шант. Тюрма – не школа. Ярославль : Дебют, 1991.

Дачный детектив

Когда Тимофей Сергеевич Тутурин уже изрядно углубился в лес, начал накрапывать мелкий дождичек. Он взглянул в корзину, лишь наполовину заполненную молодыми опятами, раздумывая: возвращаться обратно или же продолжить «тихую охоту»?..

Отставной семидесятилетний подполковник милиции Тутурин с мая по октябрь безвылазно жил в своём небольшом, но добротном дачном домике. Нет, его особо не интересовали садово-огородные дела. Грядками, посадками, прививками, поливом и прочей рутинной дачной работой занималась его супруга Анна Никитична, с утра до вечера хлопотавшая на шести заветных сотках. Тимофей Сергеевич как настоящий мужчина, конечно же, выполнял самую тяжёлую работу: копал, корчевал, ставил теплицы и парники. Однако настоящей его страстью были рыбалка и походы в лес. Среди соседей-дачников он слыл непревзойдённым мастером рыбной ловли, владевшим множеством секретов, которые позволяли ему всегда возвращаться с уловом. Садоводы знали: если в окне второго этажа дачи Тутуриных до поздней ночи горит свет, значит, Тимофей Сергеевич готовится к походу на речку.

Также никто из знакомых Тутурина не отваживался соревноваться с ним в сборе грибов. Тимофей Сергеевич безошибочно угадывал тот момент, когда из-под земли начинали проклёвываться рыжики и маслята, грузди, сыроежки, опята и боровики, и первым из дачников отправлялся в лес. У отставного подполковника в лесу были свои заветные, только одному ему известные места, на которых Тимофей Сергеевич собирал обильный урожай лесных даров. Хитрые садоводы, догадывавшиеся об этом, иногда устраивали слежку за Тутуриным в надежде выведать тайные полянки. Однако и Тимофей Сергеевич был, как говорится, не лыком шит. Бывший опер безошибочно вычислял «хвост», долго водил его по лесу, а затем стремительно отрывался, оставляя желающих открыть для себя тайную полянку ни с чем.

В это утро никто из соседей не отважился последовать за Тутуриным в лес, и поэтому он наслаждался одиночеством и созерцанием красоты леса. Вначале ничто не предвещало плохой погоды. Однако в восьмом часу утра небо начали заволакивать тучи, а вскоре стало моросить. Одетый по-лёгкому Тимофей Сергеевич поёжился и ещё раз взглянул в корзину. До ближайшей заветной полянки было километра два, но усиливавшийся с каждой минутой дождь обещал перерасти в ливень. Подхватить же в этом походе насморк Тутурину не хотелось и, вздохнув, он повернул в сторону садоводства.

Тимофей Сергеевич пересёк овраг, обогнул ручей, в нескольких километрах севернее от этого места впадавший в мутную речку, и взобрался на косогор, под которым простиралось поле разнотравья, разрезанное пополам едва заметной тропкой. По ней Тутурин скорым шагом направился к видневшимся впереди дачным домикам. Когда до садоводства оставалась всего лишь пара сотен метров, на голову отставного подполковника обрушился настоящий ливень. Забыв о своём возрасте, Тимофей Сергеевич со всех ног бросился бежать. Вот он миновал калитку забора, отгораживавшего дачное товарищество от остального мира, поравнялся с большой ямой, в которую садоводы сбрасывали бытовой мусор, выполотую траву, кусты и ветки плодовых деревьев, и вдруг почувствовал, как его правая нога начала скользить на пологой, размытой дождём глиняной почве. Пытаясь сохранить равновесие, Тутурин взмахнул руками, из корзины веером полетели собранные грибы, и в следующее мгновение Тимофей Сергеевич понял, что летит вниз...

Такого конфуза с ним ещё никогда не приключалось! Тутурин какое-то время лежал без движения, подставив лицо хлётким струям воды. Острые ветки и сучья срубленных кустарников упирались ему в спину, кололи шею и руки. Наконец, придя в себя, отставной подполковник пошевелился и осторожно перевернулся на бок. Левая рука его всё ещё продолжала сжимать опустевшую корзину, правой же Тутурин принялся искать точку опоры. Вот Тимофей Сергеевич среди рыхлой травы и прелой листвы, консервных банок, ржавой проволоки и сгнивших досок, перемешанных с песком и глиной, наткнулся на что-то мягкое и одновременно упругое. Машинально Тутурин ухватился за этот предмет, и в следующее мгновение его словно ударило током. Встав на колени, он торопливо разгрёб мусор и увидел уже окоченевшую кисть человеческой руки.

Оперативно-следственная группа прибыла из ближайшего райцентра на удивление быстро. Тутурин доложил старшему группы – майору, представившемуся Стечкиным, – об обстоятельствах обнаружения им трупа, а также о том, что более никого из посторонних за те полчаса, что он мок под дождём, на свалке не было. Оперативники аккуратно извлекли из-под мусора тело, взглянув на которое, Тимофей Сергеевич невольно ахнул:

– Да это же Светлана Михайловна Кузовкина! Председатель нашего садоводческого товарищества! Я с ней ещё вчера вечером общался. Мы ссорились по поводу водопровода...

– И многие в вашем садоводстве с ней конфликтовали? – бросил многозначительный взгляд на отставного подполковника Стечкин.

– Да у нас, у дачников, по-другому и не бывает. Мы вечно чем-то недовольны: то воду или электричество вовремя не включают, то счета большие выставят. А кто во всём виноват? Председатель!..

Стечкин тем временем склонился над телом.

– Задушили её! – сказал тихо стоявший рядом Тутурин. – Вот той капроновой лентой, что у Светланы Михайловны на шее, и задушили...

Майор аккуратно снял прочную удавку и подал её подошедшему пареньку в джинсовом костюме.

– Отправьте на экспертизу.

– Можно, конечно, и на экспертизу, – продолжал Тимофей Сергеевич, – да только такие ленточки у Метелиных имеются. Они ими каждую осень кусты малины подвязывают.

Стечкин уставился на Тутурина напряжённым взглядом, в котором отставной подполковник уловил неподдельный интерес к своим словам.

– Метелины обитают на улице Ягодной в двадцать восьмом доме. Как раз напротив Светланы Михайловны, – уточнил Тутурин, отметив про себя, что дождь, наконец, пошёл на убыль.

– А в каких отношениях были Метелины и Кузовкина? – задал банальный для следователя вопрос майор.

– Да разное между ними было. То разругаются, то вместе праздник отмечают... Но всё же, – подумав, предложил Тутурин, – навестить Метелиных стоит.

Шестисоточные владения Метелиных выглядели довольно внушительно. Добротный двухэтажный кирпичный дом, в котором не то что осенью не замёрзнешь, а и трескучий мороз пережить можно, монументальная заводская теплица, просторная бревенчатая баня – всё указывало на приличный достаток хозяев.

Неожиданных гостей встретила хозяйка Елена, средних лет, полная, с густой копной каштановых волос женщина, развешивавшая на верёвке бельё.

– Бог в помощь! – открыв калитку, крикнул Тутурин. – К вам в гости можно?

– Заходи, Сергеич!.. Да я смотрю ты не один! – Метелина настороженно посмотрела на вошедшего к ней вместе с Тутуриным Стечкина. – Что-то случилось?

– Мы по поводу гражданки Кузовкиной, – пояснил Стечкин, выступая вперёд Тимофея Сергеевича.

– Ну наконец-то! – всплеснула руками Елена. – Наконец-то полиция заинтересовалась этой аферисткой! Может, теперь мои денежки ко мне вернутся!..

– Что вы имели в виду? – нахмурился Стечкин.

– Так ведь ещё прошлым летом наша председательша с нас деньги собрала и сказала, мол, дорогу отсыпать будут. С тех пор – ни дороги, ни денег...

– Мы по другому поводу, – прервал её майор. – Покажите, пожалуйста, материал, которым вы малину подвязываете.

– А что? – насторожилась Елена. – Если вы считаете, что мы его украли, то это не так! Эту ткань мы в магазине купили. У нас даже чек где-то лежит. Хороший материал, прочный... А вообще-то, чем честных людей допрашивать, лучше бы с воруем разобрались, которое по участкам шастает. Вот и этой ночью у нас кто-то побывал. Даже след оставил... К счастью, ничего у нас не пропало. Наверное, кто-то вора испугнул.

– А на след посмотреть можно? – спросил Тутурин хозяйку.

– Конечно! – обрадовалась Елена. – Вот здесь, рядом с баком...

Тимофей Сергеевич склонился над размытым от дождя грязно-серым пятном, выделявшимся на фоне зелёной подстриженной травы.

– Свежий коровий навоз, – сделал заключение Тутурин. – Да и отпечаток ботинка на нём хорошо виден. Если я не ошибаюсь, похоже на армейскую обувь...

Отставной подполковник приоткрыл стоявший поблизости металлический ящик и поманил к себе пальцем майора Стечкина.

– А вот и ткань, которой задушили Кузовкину, – прошептал он на ухо следователю.

Майор заглянул в ящик: в нём на дне лежали в большом количестве аккуратно нарезанные ленты из плотного синтетического материала.

– У нас тут у соседа – отставного военного – неподалеку дача, – вполголоса продолжил Тутурин. – А он намерен как раз себе на участок свежий коровяк завез. Да и форменного обмундирования у него немало осталось после службы. Думаю, к нему стоит сходить...

Тутурина и майора Стечкина встретил рослый и подтянутый мужчина лет пятидесяти, одетый в камуфляжный костюм и высокие армейские берцы, тащавший ведрами коровий навоз из большой кучи в высокую алюминиевую бочку. Сняв перчатки, он поздоровался с Тимофеем Сергеевичем и вопросительно уставился на следователя:

– Чем обязан?

– Когда последний раз вы видели гражданку Кузовкину? – спросил хозяина участка майор.

– Вчера вечером. А что случилось?

– Михалыч, – осторожно начал Тутурин, осматривая обувь своего соседа, – тут такое дело... Покажи, пожалуйста, подошвы своих ботинок.

Михалыч недоумённо округлил глаза, но просьбу Тимофея Сергеевича выполнил.

– Чистые, – пожал плечами Тутурин.

– А иначе я и не могу. Привычка к порядку и аккуратности во всём у меня из армии. А в чём, собственно, дело?

– Сегодня утром на свалке вашего садоводства найдена убитой Светлана Михайловна Кузовкина, – сообщил Стечкин.

– Ёлки-палки! – воскликнул мужчина в камуфляжном костюме.

– Вы не замечали последнее время каких-либо странностей в поведении Кузовкиной? – задал ему вопрос майор.

Михалыч ненадолго задумался, а вскоре медленно произнёс:

– Собственно, ничего такого я не замечал... Вела себя Светлана Михайловна как обычно: суежилась на огороде, завтра вот собрание садоводства хотела собрать. Насос в нашей скважине совсем старый, менять его давно уже пора. Вот и хотели обсудить этот вопрос... Ещё два дня назад к Кузовкиной племянник заглядывал, собрал урожай да и уехал...

– Всё ясно, – кивнул майор Стечкин. – Идёмте на участок Кузовкиной...

– Погодите! – уже вдогонку уходившим гостям крикнул Михалыч. – У меня сегодня ночью кто-то тачку украл. Может, можете найти?

– Не волнуйтесь, найдём, – не оборачиваясь, буркнул Стечкин и захлопнул за собой калитку.

На участке Кузовкиной уже всю работу сотрудники полиции. Бойкий лейтенант, увидев вошедшего в калитку Стечкина, подбежал и, козырнув, доложил:

– Никаких улик не найдено, товарищ майор! Эксперты сейчас снимают отпечатки с посуды и дверных ручек...

– Вот насчёт того, что никаких улик не найдено, я бы не торопился, – заметил Тутурин и кивнул в сторону стоявшей у забора металлической двухколёсной тележки. – Это ведь та самая тачка, которую у Михалыча сегодняшней ночью украли. А вот и свежий коровяк... Возможно, убийца вначале прокрался на участок Кузовкиной, где наступил в свежий коровий навоз. После этого он почему-то ушёл от Кузовкиной и стал рыскать по соседним участкам, где нашёл орудие убийства и транспорт, на котором позже отвёз тело на свалку. Затем, когда он избавился от трупа, он снова вернулся и бросил тачку здесь... Очень грязная работа. Сразу видно, что работал непрофессионал... Но вот зачем он вернулся ещё раз?..

Тутурин медленно побрёл на участок, внимательно осматривая ухоженную территорию. Вдруг рядом с баней он заметил свежерытую яму и лежавшую поблизости на траве лопату. Повернувшись к майору, Тутурин радостно объявил:

– Вот здесь лежало то, за чем приходил преступник!

– Что же, по вашему мнению, могла прятать Кузовкина? – спросил Тутурина майор.

Тимофей Сергеевич задумчиво поскрёб пятернёй затылок.

– Будучи председателем садоводческого товарищества, Светлана Михайловна имела доступ к приличным денежным средствам... Чего греха таить, с приходом на эту должность благосостояние Кузовкиной стало стремительно расти. Это видели все... Кроме того, у неё была просто болезненная страсть к дорогим побрякушкам. Возможно, их-то она и хранила в этом укромном месте. Так сказать, «на чёрный день»...

Тутурин вернулся к забору и внимательно осмотрел сиротливо стоявшую тачку: поскрёб пальцем её металлическое днище, потрогал колёса и г-образные дуги ручек.

– Так и пораниться можно, – пробурчал он, указывая на выступавший наружу острый излом правой ручки. – О, да тут и чья-то кровь! Надо бы вашим экспертам её исследовать. Не исключаю, что это кровь убийцы...

Тимофей Сергеевич задумался и неожиданно предложил Стечкину:

– Давайте навестим племянника Кузовкиной. Он с осени прошлого года, как из армии пришёл, у своей тётки в городе обитает...

Поднявшись на площадку третьего этажа старой пятиэтажки, Тутурин и Стечкин слышали громкие звуки музыки и весёлые голоса, доносившиеся из-за двери. Вскоре им открыл хмельной рослый парень в тельняшке и спортивных брюках.

– О, дядя Тимофей! – воскликнул парень, с которым Тутурин не раз встречался на даче у Кузовкиной. – А чего это вы с полицией? Извините, до одиннадцати вечера имеем право шуметь!

– Мы не по этому поводу, – ответил Стечкин.

– Денис, а чего это у тебя с рукой? – Тутурин кивнул на забинтованную правую кисть парня.

– Гвоздь забивал и поранился, – выпалил парень, отступая вглубь коридора.

Тимофей Сергеевич нагнулся, взял армейский ботинок, стоявший в углу, и посмотрел на его подошву.

– Да ты, дружок, я смотрю, в дерьмо вляпался! – покачал он головой. – А теперь, значит, тёткины ценности с друзьями пропиваешь...

Неожиданно молодой человек сделал прыжок в сторону комнаты, где гуляла весёлая компания, слышался грохот падающей мебели, звон разбитого стекла, крики...

Сломавший в результате прыжка из окна третьего этажа себе ногу, Денис Ермолин уже через пару минут был задержан сотрудниками полиции. На допросе Денис рассказал, что поздним вечером накануне убийства он, находясь в состоянии алкогольного опьянения, приехал к тётке на дачу, чтобы занять денег. Однако Кузовкина отказала своему непутёвому племяннику. Тогда в надежде чем-нибудь поживиться он пробрался на участок к Метелиным. Там парень случайно наткнулся на моток капроновых лент. В одурманенном хмелем мозгу Ермолина

вдруг созрел преступный план. Он знал, где Кузовкина хранила свои драгоценности, и поэтому решил избавиться от их владелицы. Возвращаясь к своей тётке, Ермолин прихватил тачку, стоявшую на участке отставного военного, намереваясь на ней вывезти тело...

Через неделю Тутурин подкатил тачку к забору участка своего соседа.

– Обещали и нашли! – радостно сообщил Тутурин. – Забирай своё добро, Михалыч!

Не спи с кем попало...

Это сообщение, пришедшее по электронной почте, заинтересовало Дениса Круглова более других. Вот уже почти неделю он рыскал по сайтам знакомств, однако большинство из поступающих предложений его не устраивало. То соискательница предъявляла слишком большие требования к достатку партнёра, то не отличалась особой красотой, то была подозрительно юна либо, наоборот, могла сгодиться Денису разве что в матушки.

Денис ещё раз перечитал сообщение, которое гласило: *«Привет, милый незнакомец! Пишешь ты очень красиво. Возможно, что и на деле ты такой же, как и на словах. Если ты не преувеличил своих достоинств, то ты просто находка для любой уважающей себя женщины. Хотя, возможно, скоро это мы проверим. Думаю, что нам стоит встретиться.»*

Р. S. Фотографии в приложении действительно мои. Только не задавайся вопросом, зачем такое соблазнительное создание ищет себе партнёра по Интернету. Когда пообщаемся – ты это поймёшь. Что ж, жду ответа. Пока ещё не твоя, Лика!»

Денис кликнул мышкой по вложенным фотографиям. На экране появилась рослая блондинка в очках и открытом купальнике, в фигуре которой практически невозможно было найти каких-либо изъянов. Крупный бюст распирал чашечки лифа, притягивая к себе взгляд. Со следующего снимка на Дениса крупным планом смотрело уверенное красивое лицо с лёгким оттенком загара. В зеленоватых миндалевидных глазах угадывался недюжинный интеллект и ещё что-то, чего Денис понять пока не мог. А вот третья фотография была столь откровенной, что у молодого человека перехватило дыхание. Чувствовалось, что к фотосессии блондинка Лика готовилась основательно, желая подать все свои прелести в наиболее выгодном для них и себя ракурсе.

Горя нетерпением и предвкушая увидеть нечто уж совершенно захватывающее, Денис кликнул по четвёртому скрытому снимку, но в ответ получил лишь невзрачную иконку с надписью: *«А это при встрече...»*

Раздался телефонный звонок. Денис нехотя, не отрывая взгляда от третьей фотографии, снял трубку с аппарата и услышал недовольный матушкин голос:

– Привет, ты куда опять пропал? Совсем мать забыл! Всё шляешься со своими девицами, а позаботиться о родной матери не можешь!

– Мам, ну зачем ты так! На работе, как всегда, полно дел...

– Знаю я твою работу! Я звонила и, между прочим, узнала, что ты уже десять дней как в отпуске. Ты же знаешь, что мне на даче надо теплицу поправить...

- Через два дня в субботу я буду у тебя!
- Это ещё не всё! Ишь какой, так и норовишь от матери избавиться! У меня кран на кухне потёк, и замок в двери начал заедать.
- Мам, давай я приеду послезавтра и всё исправлю!
- А если я до послезавтра не доживу! А если меня сегодня ночью инсульт хватит? У меня уже третий день голова болит!
- Это к перемене погоды, мамуль! Синоптики обещают проливные дожди.
- Да, вот так всегда! Синоптики – обещают, сын – обещает, а делать никто ничего не делает...
- Мам, извини, у меня тут мобильник. Начальство звонит...

На другом конце провода шумно вздохнули и повесили трубку.

Про мобильник Денис, конечно же, соврал. Однако не придумай он эту уловку, то выслушивал бы недовольный родной голос ещё добрые полчаса.

«А в выходные действительно надо бы к матери заглянуть», – подумал Денис и набросился на клавиатуру компьютера: *«Привет, Лика! Сгораю от желания увидеться с тобой! Сегодня вечером мы сможем встретиться? Денис».*

Создав это послание, Денис задумался. По всем правилам хорошего тона следовало направить Лике свою фотографию. Он открыл папку с фотоархивом и долго перелистывал кадры, которые ну никак не годились для заочного знакомства. Наконец, молодой человек наткнулся на снимок двухлетней давности, на котором он был запечатлён загорающим на морском берегу в Евпатории, прикрепил его к сообщению и отправил Лике.

Незнакомка ответила незамедлительно: *«Сегодня в 18.00 в кафе “Белый аист”».*

Кафе «Белый аист» располагалось на выезде из города. Небольшое и невзрачное, оно создавало впечатление обычной третьесортной забегаловки, в которой проводили время подозрительного вида личности, не отличавшиеся особой притязательностью. Денис был несколько удивлён Ликиным выбором места встречи, однако резонно предположил, что у каждой барышни свои причуды.

Круглов вошёл в тёмное прокуренное помещение. Народу внутри было совсем немного. Он выбрал один из пустующих столиков у окна, расположил за ним и раскрыл меню. Сразу за этим перед Денисом возникла молоденькая официантка с одутловатым лицом, включила висевшую над столом лампу и спросила хриплым равнодушным голосом:

- Что будем заказывать?

Денис взглянул на часы: до назначенного времени оставалось ещё пять минут. Затем окинул взглядом кафе и пробормотал:

- Я жду даму. Подойдите попозже, пожалуйста.

Официантка пожала плечами и удалилась к стойке.

Тем временем Денис принялся изучать меню. Вернее он просто машинально перелистывал жёлтые засаленные страницы, чувствуя, как внутри него нарастает беспокойство. Это его пугало. Никогда прежде Круглов так не волновался

перед встречами с девушками. Раньше всё было просто и понятно: знакомство, кафе, поцелуи, приглашение домой, постель, расставание. Эта схема работала как-то сама собой, не вызывая ни у него, ни у партнёрш Дениса каких-либо неудобств. Но вот сегодня почему-то всё было иначе.

Вдруг Денис почувствовал, как чья-то рука легла ему на плечо. Он торопливо обернулся и увидел перед собой рослую блондинку.

– Денис? – спросила она глубоким чувственным голосом.

– Лика? – Круглов встал в полный рост. – Прошу за стол!

Девушка улыбнулась, чувствуя волнение молодого человека, и села напротив него.

Денис подал ей меню.

– Что желаешь заказать?

– Мне стакан сока.

– Девушка! – окликнул Круглов официантку. – Два стакана сока, пожалуйста!

– А ты разве ничего кушать не будешь? – удивилась Лика.

Круглов отрицательно замотал головой.

Лика вынула из дамской сумочки длинную сигарету. Денис мгновенно извлёк из кармана пиджака зажигалку и поднёс колышущееся пламя.

– Ты мне нравишься, – тихо произнесла Лика, пуская вверх дым. – В тебе есть что-то такое, что меня заводит. Расскажи о себе!

Денис смущённо зарделся. Прежде обычно он брал инициативу в свои руки. Теперь же всё было наоборот.

– Разгильдяй, тунеядец, бабник, – Денис принялся перечислять свои отличительные черты, которые одним казались достоинствами, а другим неисправимыми недостатками. – Необязательный, привык поздно ложиться и поздно вставать, не люблю мыть посуду, стирать и готовить...

– Мы с тобой, оказывается, очень схожи, Денис! – уголками губ улыбнулась Лика и положила свою ладонь на руку Круглова. Денис мысленно отметил, что ладонь у девушки была очень холодной. «Наверное, она зябнет по ночам», – подумал он.

– А в сексе что тебе нравится? – продолжала наступление Лика.

Денис вздохнул и развёл руки, точно рыбак, показывающий свой улов.

– Ну, всякое там, – пробормотал он, ещё более смущаясь.

– Экспериментировать любишь?

– Да, – неуверенно ответил Денис.

Лика вновь загадочно улыбнулась, допила сок и взглянула на часы.

– О, мне пора! Дома ждёт больная мама!

– Тебя можно проводить? – робко поинтересовался Денис.

Девушка утвердительно кивнула, и Круглов вызвал такси...

Всю дорогу они целовались – безумно, страстно, словно изголодавшиеся животные, пожирая друг друга губами. Наконец, такси остановилось у подъезда мрачной многоэтажки.

– Ну, до встречи! – отдышавшись, произнесла Лика.

– Завтра мы можем пообщаться у меня? – спросил Денис, умоляюще глядя на девушку.

– Можем и у тебя.

– Во сколько за тобой заехать?

– Не надо заезжать. Я сама к тебе приеду. Завтра в восемь вечера. Называй адрес...

Записав адрес Круглова, Лика выпорхнула из машины и скрылась в подъезде.

«Улица Парковая, дом шестнадцать», – отметил про себя Денис и бросил водителю:

– Поехали!..

Ровно в двадцать ноль-ноль следующего дня в дверь квартиры Круглова позвонили. На пороге стояла Лика, благоухающая дорогими духами. Подготовившийся к встрече Денис вынул из-за спины большой букет цветов.

– Какая прелесть! – воскликнула Лика и наградила Дениса долгим и томным поцелуем.

Круглов принял лёгкий плащ, затем потянулся за сумочкой, но Лика игриво прижала её к себе.

– Этот предмет гардероба женщины не доверяют никому!

Денис понимающе кивнул и пригласил гостью в полумрак комнаты, посреди которой стоял небольшой стол с горевшими свечами, двумя порциями суши, морским салатом и фруктами, над которыми возвышалась бутылка шампанского и запотевший водочный графин.

– Ты же говорил, что не любишь готовить? – удивилась Лика, кивая на гастрономические изыски.

– Верно, – согласился Денис. – И поэтому это всё из ресторана. Ты что будешь пить?

– Шампанское.

– А я, с твоего позволения, себе водочки налью.

Лика остановила руку Круглова, схватившую бутылку шампанского.

– Не пей водки. Не люблю пьяных парней. Налей шампанского и себе.

Денис вздохнул (он рассчитывал на то, что крепкий напиток придаст ему смелости) и наполнил фужеры игристой амброзией.

– Ой, – вдруг спохватилась Лика. – Денис, миленький, принеси, пожалуйста, мой мобильник! Он в моём плаще. Боюсь, мама позвонит, а я не услышу!

Круглов охотно встал и направился в коридор. Он сунул руку в один карман плаща, затем в другой, но мобильного там не было.

– Лика, что-то я его в плаще не нахожу! – крикнул он.

– Ты во внутреннем кармане смотрел? – отозвалась девушка.

Денис запустил руку во внутренний карман и вдруг услышал Ликин голос:

– Милый, извини, я такая рассеянная стала! Он же у меня в сумочке!..

– Ну, за встречу! – поднял бокал вернувшийся Денис.

– За встречу, милый! – проворковала Лика. – Пусть она станет для нас самой незабываемой!

Денис залпом осушил бокал. Лика сделала пару глотков, поставила фужер на стол, взяла из вазы несколько виноградин и принялась их медленно жевать, пристально глядя в глаза Денису.

– Попробуй суши. Очень вкусно! – начал ёрзать на стуле Денис. – Я часто в этом ресторане обедаю.

Лика молча взяла бутылку шампанского и сама наполнила бокалы.

– Давай выпьем за наслаждение! – предложила она. – Это самая классная вещь из всех, что есть на свете.

Денис охотно согласился с гостьей. Раздался звон бокалов. В воздухе повисла тишина. Лика перевела взгляд на предусмотрительно расстеленный диван, улыбнулась и сказала тихо:

– Я в душ, а ты раздевайся и ложись...

Минут через пятнадцать Лика вернулась. Она была обнажена. На её красивом загорелом теле блестели капли воды. В руке девушка держала сумочку. Без предисловий, поставив сумочку на пол, она присела на краешек дивана, сдернула с Дениса покрывало и коснулась губами его живота. Её горячие влажные губы принялись медленно блуждать по телу Круглова, вызывая в нём лёгкую дрожь.

– Как ты? – прервав ласки, спросила она.

– Я не могу пошевелиться! – пробормотал Денис.

– Это очень хорошо, – улыбнулась Лика. Глаза её вспыхнули зловещим холодным блеском. Девушка склонилась над сумочкой, и Денис вдруг увидел в её руке скальпель. Буравя Дениса своим ледяным взглядом, Лика провела лезвием скальпеля по ноге молодого человека. Тонкая алая полоска немедленно выступила на коже.

– Что ты делаешь?! – прохрипел Денис.
– Наслаждаюсь, – ответила Лика и занесла обгаренный кровью скальпель над его пахом.

Неожиданно Денис рванулся, перехватил руку Лики и в следующее мгновение пристегнул её наручниками к батарее...

Полчаса прикованная к батарее девушка билась в истерике. На губах её выступила пена, ухоженные волосы растрепались и делали Лику похожей на ведьму. Когда приехали оперативники, Денису надоело созерцать бьющуюся в углу даму, и он окатил её из кастрюли холодной водой. Лика мгновенно затихла. Денис присел перед ней на корточки и произнёс:

– Ну, здравствуй, Елена Борзова. Я – капитан полиции Круглов. Да-да, не удивляйся! Нам известно твоё настоящее имя, а я не какой-нибудь простофиля, клюнувший на твою красоту, а оперуполномоченный уголовного розыска. Мы за тобой охотимся уже более двух лет, но только теперь узнали о тебе всё. Тебя в шестнадцать лет изнасиловал пьяный мерзавец. И после этого ты решила мстить всем мужчинам. Первое убийство ты совершила в двадцать. Ты просто отрезала у любившего тебя парня всё, что было возможно. А затем ты решила сама искать себе жертвы через Интернет. Два с половиной года назад ты отправила на тот свет несчастного командировочного, напоив его транквилизаторами, а затем выпотрошила солидного дяденьку, словно плюшевого мишку. Следующей жертвой стал любвеобильный гость с юга. Затем ты заманила в свои сети скромного студента-очкарика. К моменту нашего знакомства на твоей совести было восемь жертв. Признаюсь, увидев тебя, я действительно едва не потерял голову! Сомнения в отношении того, что убийца именно ты, у меня были даже тогда, когда ты привезла меня к дому, в котором на самом деле не проживаешь. Однако когда ты отправила меня в коридор за телефоном, дабы всыпать в бокал с шампанским дозу дьявольского зелья, я понял, что нашёл того, кого искал.

– Но почему ты не отключился? – прохрипела девушка, затравленно глядя на Дениса.

– Наши эксперты, взяв анализы у предыдущих жертв, установили, что за препарат ты используешь. Так вот, чтобы нейтрализовать его действие, мне достаточно было предварительно принять всего лишь несколько таблеток обычного активированного угля. Вот и весь секрет моей стойкости.

Круглов открыл сумочку Лики и вынул оттуда бумажный листок.

– Коллеги, – обратился он к присутствовавшим сотрудникам полиции. – А вот это – визитная карточка нашей мужененавистницы! Всякий раз подобную записку она оставляла рядом с трупом.

На обычном тетрадном листке было лаконично начертано размашистым почерком: «Не спи с кем попало!»

Когда оперативники уехали, забрав с собой Лику, Денис налил рюмку водки, залпом выпил её и, погасив свет, рухнул на диван. Уже засыпая, он подумал: «А завтра надо обязательно съездить к маме!»

Спираль

Каталы

В столовой турбазы «Бухта Песчаная» всей группе вручали значки «Турист СССР» и удостоверения. Они прошли 118 километров по берегу Байкала. После танцев устроили большой прощальный костёр высотой около шести метров, как в пионерском лагере. На фоне горящего костра погрузились на теплоход, который должен был доставить их в Иркутск рано утром. Директор турбазы Анатолий Иванович взял мегафон и долго выкрикивал пожелания отъезжающим, а потом выдал:

– Держитесь того парня на корме в костюме с галстуком. С ним не пропадёте, – он показал пальцем на Виктора Лукина.

Красавица Ольга из Ангарска стояла рядом с ним, склонив голову на его плечо.

– Уже держусь, – шепнула она на ухо Виктору.

Кто-то рванул к буфету, как будто не видел портвейна лет десять. Они с Ольгой долго смотрели с кормы на огромный костёр, который уменьшался по мере отплытия от берега и совсем скрылся при выходе из бухты на повороте в сторону Ангары. Вскоре Ольга задремала у него на плече. Она давно уже пригласила его погостить к себе в Ангарск. Отдыхать Виктору предстояло ещё три недели, и он не стал сопротивляться. Всё шло к тому, что они хотели быть вместе, поэтому, наверное, надо было бы представиться родителям Ольги. В Иркутске они решили отметить окончание отдыха на турбазе хорошим обедом в ресторане с шампанским и в праздничном настроении приехали к Ольге в Ангарск. Встретили его тепло, но, как и должно быть, одновременно сдержанно. Виктор загорел, отпустил бороду и выглядел старше, он даже чем-то был похож на басмача из Средней Азии.

Выяснилось, что он всего на два года старше Ольги, что из рабочего класса, и многое другое. После ужина Виктор стал собираться в гостиницу, но мать Ольги предложила остаться у них, потому что мест там, скорее всего, нет, а в их квартире найдётся одна свободная комната для гостя. Но Виктору было неудобно оставаться. Он не сделал Ольге предложения, хотя был морально готов к этому, но решил послушать рассудительную сибирячку и съездить домой. Да и деньги кончились. Это было основной причиной его отъезда. Он не хотел в таком положении находиться рядом с любимой девушкой. Днём они пошли на вокзал, но там был полный облом – ни одного билета на поезд. Виктор решил уехать через проводников, не обращаясь за помощью к коллегам из линейного отдела милиции. Первый же подход – и удача. Его

берут до Москвы «зайцем». Главное, попасть в поезд, а там он разберётся, всё равно дорога бесплатная.

– У тебя деньги на дорогу есть? – спросила Ольга.

– Да, двадцать копеек, – после короткой паузы ответил Виктор.

– Я так и знала. Вот, я специально взяла двадцать рублей, думаю, этого хватит до Москвы. Приедешь – напиши или позвони, как доехал, ну и обо всём остальном. Я буду ждать. А вообще ты всё-таки чудик, с двадцатью копейками до Москвы.

– Гусары денег не берут, – улыбнулся Виктор.

– Ладно, гусар, иди в вагон, пока не передумал, а то оставайся ещё на неделю.

– Нет, ресурсы кончились, надо ехать домой.

Виктор поцеловал Ольгу и нырнул в вагон. Не любил он долгих проводов. Вагон был так называемый бригадирский и совершенно пустой. Вот это номер, а в кассе ни одного билета. Куда смотрит ОБХСС на железной дороге? Однако проводница, наверное, ждёт от него денег, а у него право на бесплатный проезд.

– Видите ли, уважаемая, мне очень надо домой, а билетов нет ни на один поезд на десять дней вперёд. У меня проездные документы, поэтому на ближайшей станции я выкуплю билет, а вам за услуги могу предложить только пятёрку. Устраивает?

– Меня-то любой вариант устроит, а вот устроит ли бригадира поезда, не знаю.

Он-то знал, что бригадир считает всех «зайцев» и с проводницы за него потребует не пять рублей, а более половины стоимости билета. Наверняка с ними в доле ещё и контролёры, и кассиры на станциях, которые создают условия для дефицита билетов. Очень уж ему не хотелось в отпуске заниматься расследованием их тёмных делишек. Бригадиром была симпатичная женщина с излишками золота на пальцах, в ушах и на шее.

– Я попросился в ваш вагон, так как не успел купить билет, но на следующей станции я всё оформлю.

– Вы выгадываете каждый рубль, от станции к станции переезжаете, знаю я вас.

– Зря вы так. У меня бесплатные проездные документы от Иркутска, а я сел после него, в Ангарске. Это у вас отсутствуют билеты в кассах при пустых вагонах, – ответил он, предъявив ей специальное требование на выдачу билета до Москвы.

Она взяла документ на право проезда, прочитала его милицейское звание с печатью МВД СССР.

– Ну это другое дело. Сейчас будет станция Зима, я дам сведения в кассу о наличии свободных мест, и вы купите билет, – тон её голоса резко поменялся.

На станции они вышли вместе. В кассу – ни одного человека. Да и откуда им взяться, билетов-то нет, или все уже выкупили с переплатой. Кассир долго вертела его требование с гербовой печатью МВД.

– Я не могу выдать вам билет по этому требованию, на нём почерк неразборчив и печать нечёткая. Вам необходимо съездить в Верхнеудинск к коменданту, поставить ещё печать, после этого я всё оформлю, – выдавила она.

– Где у вас начальник станции?

Она указала на угловую дверь. Виктор понял, что бригадир поезда попросила кассира заволокитеть вопрос, чтобы он не успел оформить билет на их поезд, видимо, он был полностью «заряжен» на получение наличных денег. Начальник станции приняла его уважительно, в такой глуши нечасто встретишь молодого парня в костюме с галстуком, хотя и с бородой. Он скорее был похож на геолога, чем на работника милиции.

– Скажите, пожалуйста, я могу получить билет по этому требованию?

Начальник станции взглянула на документ и ответила утвердительно, не почувствовав подвоха в этом вопросе.

– А кассир отказалась выдать билет.

Она подняла трубку прямой связи, и кассир, видимо, что-то ей объяснила.

– Да, она права, вам необходимо доехать до военного коменданта и завизировать требование.

– А сколько километров до коменданта?

– Около ста двадцати.

Терпение Лукина лопнуло, и он решил испортить этим самодовольным тёткам настроение на долгое время:

– Ни к какому военному коменданту я не поеду, потому что никакого отношения к «сапогам» не имею, и если вы не прочитали, что это требование МВД СССР, а я инспектор уголовного розыска Москвы... – он сунул ей удостоверение МУРа и, пока она ещё жадно глотала воздух, продолжил: – ...то сейчас я поеду к вашему прокурору и доложу о ваших преступлениях. Поезда гоняете пустые от Дальнего Востока до Москвы и собираете наличными за «левый» проезд. Для контроля с почты позвоню в Москву, чтобы на этот поезд «Байкал», с которого меня ссадили, направили после Красноярска бригады ОБХСС. Я уверен, что проводников и их начальников оставят на Урале в наручниках. А вы с кассиром пойдёте как соучастники. Вами я лично займусь. Ясно? – не дав ей очухаться, вышел из кабинета, треснув дверь.

Перед входом в её кабинет он увидел расписание – через два часа будет фирменный поезд из Владивостока – и решил, что этим поездом он и уедет. Виктор подошёл к киоску, купил тетрадь в клетку и три конверта. Сел напротив кассы, чтобы эта «бандерша» видела, как он долго что-то пишет.

А писал он письмо Ольге о том, что уже немного соскучился, сидит в ста километрах от неё на станции Зима (он вспоминал, что в русской литературе где-то встречалась эта станция Зима, и почувствовал себя гоголевским Хлестаковым из «Ревизора») и, вероятно, уедет через пару часов другим поездом, так как не смог договориться с бригадиром того поезда, на который она его проводила. Время от времени он бросал косые взгляды на кассира. Та поговорила по телефону. Вышла начальник станции и подошла к Виктору:

– Можно посмотреть ваш документ ещё раз?

Он молча протянул ей требование.

– Через два часа будет хороший поезд из Владивостока, если вы согласны, я оформлю билет на этот поезд, а место мы с бригадиром определим по приходу поезда на станцию.

– Конечно, согласен.

Начальник станции облегчённо вздохнула. Принесла билет и предложила пообедать в их спецбуфете для персонала станции. Лукину было противно их поведение, да и письмо надо было окончить до прихода поезда. Отказался он от их спецпайка, этим добавив им беспокойства.

Объявили о прибытии поезда, и он опустил конверт в почтовый ящик, наверняка лишив кассира сна. Начальник станции о чём-то поговорила с бригадиром пришедшего поезда, и они вдвоём после подачи сведений в кассу подошли к Виктору и предложили пройти на посадку. Культурней железнодорожников он ещё не видел. Разместили его в бригадирском вагоне, и он вскоре понял почему. В этом вагоне царила тишина, видимо, пассажиры успели натерпеться за двое суток езды из Владивостока. Соседями по купе оказались пограничники с Дальнего Востока, ехали через Москву на отдых. Они рассказали, что в поезде бардак, продают по два билета на одно место, а самых скандальных бригадир размещает у себя в вагоне. Виктор пояснил, что он тоже скандальный, рассказав, как попал в этот вагон. Они посмеялись и предложили отметить знакомство. Выпили по сто грамм и завелись, засобиравшись пойти в ресторан.

– Ребята, я после отпуска поиздержался, у меня осталось пятнадцать рублей до Москвы, – извинился Виктор. – А на хаяву я не пью, поэтому если вы одолжите мне денег до Москвы, то прямо с вокзала заедем ко мне, и я всё верну.

Пограничникам понравилась откровенность опера. Тем более, как оказалось, Лукин знал командира их погранотряда Виктора Конева, с которым он занимался стрелковым спортом на «Динамо», да ещё сам полгода выступал за погранучилище, которое они окончили. Такое бывает только в кино, и они решили это «взбрызнуть» шампанским.

– Это лучше приобрести в буфете на ближайшей станции, там гораздо дешевле, чем в вагоне-ресторане, – предложение было принято, и они принесли коробку шампанского и три бутылки водки – «запить».

После раздачи чая пригласили проводников их вагона. Они были из студенческого отряда Хабаровского университета, молодые и стеснительные девчонки. Пограничники – к ним клинья бить, а Виктор – на верхнюю полку читать книгу, которую взял из Москвы, но так и не было времени дочитать. Он был под впечатлением от Байкала и тех нежных отношений, что у него сложились с Ольгой. Ребята предложили поиграть в карты, но умели только «в дурачка», и то слабенько. Дверь купе была приоткрыта, к ним заглянул мужчина, предложив поиграть в «китайского дурака». Пограничники согласились, а Виктор отказался и предложил им продолжить игру в простого «дурака». Когда мужчина вышел, он закрыл дверь и пояснил, что это поездной «катала».

– Они предлагают поиграть сначала «в дурака», потом подходит другой «катала», его партнёр. Подсаживается и просит сдать карты на него. В разговоре выясняют, что вы едете отдыхать, а значит, при деньгах. Потом предлагают вам игру в «китайского дурака», а это обычная «сика» – игра на деньги, или, как называют её, «малый покер». Вдвоём, играя «на лапу», вытрясают ваши карманы, и вы с полпути возвращаетесь домой пустыми. Отпуск накрывается. «Каталы» обычно первые три кона дают вам выиграть приличную сумму, а потом забирают и своё, и чужое.

– Надо же, а с виду культурный мужик, – сказал пограничник Николай.

– Все мошенники – обаятельные люди, – сказал Виктор.

– А их самих можно обыграть? – спросил Николай.

– Очень просто. Сесть с ними играть, а после первых же выигрышей прекратить игру под любым предлогом. Конечно, будет шум с их стороны.

– Виктор, научи нас играть в «сику».

Виктор показал все принципы игры, а главное, сказал ребятам, что нужно не бояться блефовать.

«Катале», что заглядывал к ним, видимо, их компания понравилась, и он опять возник в двери купе:

– Ну что, не надумали сыграть?

– Может быть, в простого подкидного? – спросил Виктор.

– Нет, в китайского гораздо интересней.

– Ну рассказывай.

И «катала» принялся показывать различные варианты подсчёта очков игры в «сику», в которую Виктор играл всю сознательную жизнь. Не было смысла напрягать мозги, потому что карты были краплёные, и шулер знал, кому и сколько дал очков. Только сначала он давал больше очков «фраерам ушастым», какими он их считал, а потом наоборот. Одному пришлось бы долго обыгрывать подвернувшуюся компанию, поэтому, как по сценарию, появился его партнёр и попросил взять его в игру. Погранцы улыбнулись: всё шло так, как обрисовал Виктор. Игра сразу оживилась, подняли ставки до де-

сяти рублей, и через полчаса пограницы выигрывали около ста двадцати рублей.

– Всё, ребята, нам пора в соседний вагон, нас ждут коллеги, – с верхней полки вступил в игру Виктор.

– Нет, так нельзя, дайте отыгаться.

– Об этом мы не договаривались. Вы знали, что обдерёте этих офицеров, как липку, поэтому не оговорили условия игры. Всё, конец.

– А ты не новичок, видимо, в этой игре.

– Да, господа «каталы», могу дать вам отступного по десять рублей и предлагаю покинуть этот поезд на ближайшей станции. С платформы помашете мне рукой, когда поезд тронется. Если я вас не увижу, то сдам местным коллегам, – Виктор засветил им «мурку».

– Ну ты, опер, даёшь. С бородой, никогда бы не подумал.

– А ты чего, не мог сразу разобраться, что он сам «катала», – другой напал на своего напарника. Взяв двадцать рублей, они вышли из купе.

Соседи по купе протянули Виктору сто рублей.

– Нет, ребята, я поганые деньги не беру, это нам на шампанское с шоколадками, – Виктор положил сотку на стол.

– Только недавно просил взаймы, а теперь сам угощает. Да ты можешь до Москвы выиграть большие деньги.

– Я такие вещи делаю только по просьбе трудящихся или по острой нужде, когда жулики сами нарываются и долго упрашивают, как эти. Больно вы для них сладкими показались.

Под «северное сияние» – шампанское вперемешку с водочкой – весело докатили до Москвы. Защитники рубежей страны отказались заехать к Виктору домой, оставили адрес своей заставы и пригласили на чёрную икру из Амура.

Дома он отпечатал фотографии с Байкала, чтобы на следующий день отправить Ольге и друзьям по турбазе. Приятно получить фото сразу, а то потом будешь вспоминать, где это снимался и с кем. Протерев оконное стекло одеколоном, накатал на него фотографии, как на глянцеватель, и завалился спать...

Как Альма колбасу заслужила

Настроение у Николая было в этот вечер преотличное. Он нисколько не думал о том, что грядущая ночь может быть беспокойной. У него на эту ночь были намечены свои планы: в кабинете на письменном столе ждал учебник по теории государства и права. Близились экзамены, а безотлагательные служебные дела не всегда позволяли полистать нужные книги. Николай поправил форменную гимнастерку, зажёл настольную лампу и начал читать. Иногда он на какие-то мгновения отрывался от книги и вспоминал о жене, не сегодня завтра ожидавшей ребёнка. Жизнь складывалась у него, недавнего фронтовика, удачно. Вернувшись осенью 1945 года домой, Николай вскоре получил приглашение на службу в милицию. О нём позаботился друг трагически погибшего отца, бывшего участковым в Ждановском районе города. Николай по ходатайству начальства получил небольшую комнату в коммуналке буквально в десяти минутах быстрого шага от отдела милиции.

Однажды его познакомили с девушкой, которая работала обычным школьным учителем. Она-то и заставила Николая подать заявление в заочный юридический институт. Когда молодой сотрудник милиции начал весьма настойчиво ухаживать за Лялей (так ласково звали девушку домашние и друзья), она объяснилась с ним очень просто: «Если ты хочешь, чтобы мы были вместе, получай высшее образование». Сердце Николая дрогнуло, и он после объяснения в любви и предложения выйти за него замуж гордо предъявил своей избраннице студенческий билет.

В институте к молодому лейтенанту милиции относились с уважением: ещё на первом курсе он написал статью, основанную на практических материалах из уголовных дел. Эта статья была опубликована в одном солидном научном издании, и во время лекции профессор внезапно извлёк из портфеля журнал, одобрительно отозвался о статье и под аплодисменты студентов торжественно вручил журнал оторопевшему Николаю. Он вспомнил, как принёс свою статью домой и тихонечко подложил журнал под стопку ученических тетрадей, которые Ляля собралась после ужина проверять. Улыбнулся, вспомнив радостный возглас жены, прочитавшей статью.

Глубоко вздохнув, Николай перевернул страницу учебника. В дверь заглянул дежурный по отделу:

– Коля, ты сегодня в оперативно-следственной группе с Юрой Рыжовым. Если захочешь чайку попить, ступай прямо к дружку своему. У него на столе банка с сахаром и сайка.

Николай отмахнулся и продолжил чтение. Через полчаса он почувствовал лёгкое чувство голода и решил, что подоспело время навестить друга. Из ниж-

него ящика письменного стола он достал свёрток, заботливо приготовленный женой. В кульке из газеты обнаружили кружок любимой им краковской колбасы и приличный ломоть хлеба.

По коридору загрохотали быстрые шаги, и дежурный, просунув голову в дверной проём, крикнул:

– Чего расселся, Коля, бегом вниз. Там Юра с Васей-собачником тебя у машины ждут. В Высокове опять частный дом обчистили. Теперь вам мороки до самого утра.

Николай быстро надел шинель, на ходу взялся за ремень. Чувство голода, однако, не исчезло, поэтому он кулёк с колбасой и хлебом засунул в карман шинели, надеясь перекусить в машине, подхватил планшет, закрыл кабинет и легко сбежал по лестнице.

Следователь Юрий Рыжов и кинолог Василий Котов сосредоточенно курили у грузовика. Овчарка по кличке Альма уже сидела в кузове, нетерпеливо перебирая лапами и дёргая ушами.

– Кто с шофёром в кабине поедет? – спросил Юрий и сам быстро ответил: – Конечно, я, работник следственного аппарата. А ты с Васей в кузов полезай.

Юрий ловко запрыгнул в кабину и начальническим тоном скомандовал:

– Вперёд!

Хорошо, что Михалыч, сержант хозяйственный, в кузов постелил два старых ватника. Правда, на одном из них прочно утвердилась Альма, настороженно поглядывая на милиционеров, разделивших второй ватник на двоих. До Высокова ехать было минут двадцать по почти пустому ночному городу. Николай вначале смотрел, как мелькают тёмные окна старых мещанских домов, но затем почувствовал, что Альма слишком настойчиво начинает его теснить к борту кузова. Василий зашикал на собаку, но та продолжала проявлять неподдельный интерес к шинели Николая. Наконец, он догадался, в чём было дело. В кармане лежала краковская колбаса и своим ароматом не давала покоя собаке. Николай сердито цыкнул на Альму, и та обиженно отвернулась, но продолжала коситься цепким взглядом на заветный карман.

На пяточке, где разворачивался рейсовый автобус, поджидали участковый Семён Григорьевич Важнецов с бригадмилем Валерой Пыжиковым. Когда грузовик прижался к деревянной будке на автобусной остановке, следователь Рыжов выскочил из кабины и начал быстро выговаривать участковому:

– Ну что ты, Григорьич, шпану на посёлке развёл? Чего украли на этот раз?

Семён Григорьевич развёл руками в стороны и посетовал огорчённо:

– Да опять машинка зингеровская, два утюга, радиоприёмник трофейный, так из одежды кое-что. Пошли-ка лучше к дому, там хозяйка на крыльце белой ревет. А ты, Валерка, понятых привёл?

Пыжиков повернулся в темноту и призывно махнул рукой. Подошли двое мужчин, о которых бригадмилец сообщил, что один из понятых – сторож из склада, а второй – житель барака, который стоит напротив церкви.

Николай, молча выслушавший все разговоры, приказал участковому:

– Ладно, Григорьич, веди к потерпевшим. Составим протокол, Альму по следу пустим, вдруг, выйдем на воров.

– Ты, Николай Лексаныч, больно шустрый, – быстро отговорился участковый. – У меня за два последних месяца на посёлке шестая кража. Берут швейные машинки, сам знаешь, какой на них нынче спрос, патефоны, радиолы, ковры. Да всё берут, что унести можно и быстро продать. Понятно, на барахолку не потянут сбывать, там опера ухватистые работают. Значит, у них какой-то сбыт налажен. А самое главное, не на машине увозят, а уносят, и следов-то нет никаких. Вот Василий с Альмой уже третий раз выезжают сюда, а следа-то даже такая умная собака не берёт.

– Они то махоркой засыплют крыльцо у дома, где поживились, то какой-то вонючей дрянью обольют дорожку, что у собаки в носу свербеть начинает, – пояснил сержант милиции Котов. – Воры очень ловкие, смекалистые работают.

За разговором сотрудники милиции дошли до дома, в котором была совершена кража. Хозяйка, причитая, быстро говорила:

– У, проклятые! У Ермолаевых, у Шутовых, у Макрецовых всё подчистую вынесли, а ты, Семён Григорьевич, воров не можешь никак сыскать. Думаешь, тебе помогут, вишь, опять с собакой приехали, а толку-то что, – и несчастная женщина, давясь горькими слезами, начала перечислять, загибая пальцы, всё нажитое нелёгким трудом добро, которое исчезло в то время, когда она с дочкой прибиралась в бане.

Рыжов начал составлять протокол, а Николай, уцепив участкового за локоть, отвёл его в сторону.

– Григорыч, ты ж местный, должен что-то точно знать, но, чувствую, молчишь. Знаю, что на посёлке народ разный живёт: есть и урки с жиганами, но они не станут у себя под носом воровать.

– Говорил, Николай, встречался с ними по-тихому. Они сами озлоблены, говорят, из-за этих сволочей можно многие печали получить, вдруг, милицее-ское начальство за воров-законников возьмётся.

Тут Семён Григорьевич немного помялся и прошептал:

– На днях мне бумажку подкинули, что воруют на посёлке Малов Витюня с племянником, а жена Шурка краденое цыганам сбывает. Я к Маловым домой заходил и раньше, сам-то немного думал на них. Они ведь очень зажиточно живут: и мотоцикл «Харлей» во дворе, в доме и патефон, и приёмник, и пианино купил, только зачем, не знаю. На всё это честно не заработаешь. Валерка сразу после кражи последил: всё вроде тихо у них. Но одно унюхал, что махоркой у крыльца их будто бы пахнет, как бы след засыпан. А перед палисадником керосином разит слегка. Ты что скажешь, Николай?

– Валерку позови тихонечко.

Пыжиков, потирая от волнения руки, подошёл и подтвердил сказанное участковым:

– Действительно, табаком и керосином пахнет. Чего бы табак сорить, он денег стоит. И ещё, товарищ лейтенант, я у забора маловского просидел минут двадцать, за окошками смотрел. Так вот, кто-то у них в окошко тоже выглядывал исподтишка, занавеску приподнимал и опускал несколько раз.

Когда после осмотра места происшествия и оформления всех документов кинолог Василий пустил Алью по следу, собака покрутилась от дома потер-

певшей по двум проулкам, резво пробежала в сторону дома Маловых, а потом остановилась и зафыркала, видно, табак в нос забился. А, может, керосином отравилась. Села Альма и, виновато поглядывая на Василия, протяжно завывала.

И тут Николая вдруг осенила такая неожиданная мысль, что голова под миллицейской фуражкой мгновенно вспотела. Он вытащил из кармана шинели круг краковской колбасы, разломил его на два полукружия, одно из которых спрятал в карман, а другое показал Альме. Собака напряглась и подскочила к Николаю. Василий еле сдержал её за поводок.

Следователь Рыжов, аккуратно сложив составленные документы в планшет, подошёл к Николаю и спросил:

– Что будем, Коля, делать? Видишь, Альма след потеряла.

– Есть у меня одна мысль занятная. Ты пока понятых подготовь к тому, что служебную собаку пустим по следу преступников. И немного их придержи, пока я с Василием одно дело решу. Да не смотри ты так на колбасу и слюни не пускай, не тебе приготовил.

Николай подозвал кинолога и сказал, что сейчас они незаметно для понятых ещё раз пройдут с Альмой от дома потерпевшей. Василий удивлённо пожал плечами и попытался объяснить, что вряд ли можно добиться успеха, так как махорка и керосин не дают собаке возможности взять след.

– Не спеши, друг, и подзови Альму.

Кусок краковской колбасы стремительно исчез в собачьей пасти.

– Ещё хочешь? – спросил Николай и, покручивая в руке колбасным остатком, пошёл к дому потерпевшей. Альма натянула поводок, и Василий зашагал за собакой. Так они и шли вдоль высокого забора: впереди Николай с колбасой, которая собаке была хорошо видна, озабоченная предстоящим угощением Альма и ничего пока не понимающий Василий.

Около дома Маловых Николай огляделся, присел, повертел у носа Альмы колбасой и ловко спрятал её под высокое крыльцо. Собака от негодования подскочила на всех лапах.

Через десять минут Николай объявил понятым и местным жителям, которые собрались вокруг участкового Важнецова, что сейчас служебная собака будет пущена по следу, поэтому все должны отойти в сторону, чтобы не мешать кинологу и собаке работать. Затем приказал Василию:

– Пускай Альму.

Собака, дождавшись команды, резво потащила за собой Василия в проулок, домчалась до дома Маловых и нырнула под крыльцо. Бежавшие за собакой милиционеры, понятые и поселковые зеваки замерли, как вкопанные. Альма, довольная, вынырнула из-под крыльца и громко залаяла.

– Граждане, обратите внимание, служебная собака привела нас к дому по взятому следу, – Николай повернулся к участковому. – Давай, Семён Григорьевич, буди хозяев, если спят.

Тяжёлая дверь осторожно приоткрылась, и на крыльце возник, делано протирая глаза, мужичишка с хитровой улыбкой на бабьем лице. За ним выплыла женщина необъятных размеров с выпуклым задом, напоминавшим ста-

ринное кресло. Зыркнув заплывшими от жира глазками, она сложила руки на мощной груди и запричитала:

– Ой, мамочки, что это делается! К честным людям в ночь-полночь вламываются. На вас, мильтонов, думаете, управы нет. А ты, сучка, чего лаешь на меня! Щас пну в морду!

Сотрудники милиции, с усилием отстранив монументальную женщину, которая широко раскидала в дверном проёме жирные руки, прошли в дом, где застали молодого человека, старательно расстилающего длинный половик в комнате. От молодца пахло керосином. Рыжов откинул половик в сторону, и стала видна крышка погреба. Участковый с фонариком спустился вниз и крикнул:

– Пусто.

Следом спустился Николай, который внимательно осмотрел погреб. За кадками он обнаружил несколько аккуратно сложенных досок и подумал о том, что вряд ли им для хранения место в погребе. Отодвинул кадки в сторону и приподнял одну из досок. Под ногу выкатилась пуговица. Николай взял пуговицу в руки. Она была приметной, с вычурной прорезью. Николай передал пуговицу Важнецову и попросил показать потерпевшей. Через минуту участковый прокричал, что пуговицу женщина опознала, будто бы от нового зимнего пальто её дочери. Николай откинул остальные доски и увидел небольшую дверцу.

Когда Маловых и их племянника участковый сопровождал в машину, расположив в кузове под бдительным оком бригадмльца Валеры, следователь Рыжов попросил потерпевшую собраться, чтобы проехать в отделение милиции. Николай запрыгнул в кузов. Следом за ним, оттолкнувшись от колеса, забрался Рыжов, помог Василию подняться. Воровская семейка помалкивала, злобно просверливая милиционеров глазками. Когда в кузове появилась Альма, то грозно рыкнула на воров, а потом потихонечку подползла к Николаю, умильно заглядывая в глаза.

– Хотел, Юра, чаю с тобой попить, – сказал Николай, – даже колбасу краковскую приготовил, да, видно, побаловаться такой вкуснятиной не нам суждено сегодня.

Николай вынул из кармана шинели остаток своего несостоявшегося ужина и бросил Альме:

– Лопай, заслужила.

Виктор ЛЫКОВ

Поезда ходят в прошлое

В большой сибирский посёлок Сосновский, районный центр, я прибыл во второй половине дня. Было тепло и безлюдно. Оставив дорожную сумку в душевной гостинице деревообрабатывающего комбината, я помчался в отдел внутренних дел, чтобы обсудить с его начальником состояние борьбы с преступностью на подведомственной территории. Поднимаюсь на второй этаж, открываю кабинет с двойными дверями и отказываюсь верить своим глазам: напротив начальника, опершись на приставной столик, сидела с отсутствующим взглядом знакомая мне женщина – Светлана Николаева.

– Ба! Какими судьбами, Светлана Семёновна?! – воскликнул я, здороваясь.

– Майор юстиции Николаева – наш новый начальник следственного отделения, – поспешно ответил за неё хозяин кабинета. – Вы знакомы?

– Как сказать, – замялся я. – Год назад в отчёте о командировке в посёлок Берёзовский Светлане Семёновне я посвятил целую колонку – как лучшему следователю ОВД по Берёзовскому району.

– В ОВД по Сосновскому району, то есть у нас, полагаю, Светлана Семёновна станет лучшим начальником следственного отделения края, – заулыбался начальник, и добавил: – Если, конечно, проявит старание и усердие в полном соответствии с духом и буквой закона. Хотя, прямо скажу, оперативная обстановка в районе далеко не простая. Да и с кадрами негусто: в нашу глушь даже волков мясом не заманишь. А с жильём – какие проблемы! Светлана Семёновна заслуживает бронзового памятника при жизни – за подвижничество.

Пока начальник ОВД уповал на превратности судьбы, Николаева не проронила ни слова, она лишь водила подушечкой указательного пальца по лакированной поверхности неказистого столика. Затем устало поднялась и с извинениями произнесла:

– На мужской разговор не смею накладывать женский отпечаток.

И направилась к двери.

Мне непременно хотелось с ней встретиться, поэтому я спешно бросил вслед:

– Освобожусь – зайду потолковать.

В кабинет Николаевой, похожий на вагонное купе, я заглянул ровно через час. Светлана Семёновна с последней нашей встречи ничуть не изменилась. Невысокого роста, ладная и крепкая, она выглядела моложе своих лет. Матовое лицо дышало свежестью, каштановые волосы были аккуратно уложены. Брови подведены, в пронизательных глазах почему-то просматривалась если не боль, то тоска...

В моей памяти всплыл прошлогодний материал в газете о следователе Николаевой. В органы внутренних дел она пришла сразу по окончании Сибирского университета – совсем юной девчонкой. Вышла замуж, родила двух дочерей. Старшая дочь только что приступила к работе следователя в районной прокуратуре.

Светлана Семёновна позволила мне присутствовать на допросе, удовлетворив моё журналистское любопытство, хотя вправе была и отказать.

Затаившись в углу, я попеременно бросал взгляды то на следователя, то на допрашиваемого, грузного мужчину лет тридцати пяти, водителя. Шофёр обвинялся в избиении женщины из хулиганских побуждений. Допрос шёл в мягких тонах, но по делу. Следователь, как мне казалось, предельно точно ставила вопросы и требовала предельно точных ответов. Эпизоды деяния она доводила до некого просветления, удаляя зыбкие, туманные завихрения. Вскоре стали вырисовываться отчётливые контуры криминального происшествия, случившегося с участием зелёного змия.

По логике допроса, Николаевой следовало бы задать ещё два-три вопроса и приступить к закреплению полученных сведений. Однако вместо этого Светлана Семёновна прервала беседу и отправила претендента на скамью подсудимых в камеру следственного изолятора. Я удивился: мужик вроде бы ваньку не валял, вину косвенно признал и всё время, как пономарь, твердил, что женщина случайно попала «под пьяную лавочку». Казалось, настал подходящий момент для окончательного установления мотивов преступления.

Своими соображениями я поделился с Николаевой.

– Всею своё время и место, – устало ответила она. – У меня свой процессуальный стиль. Я работаю, если можно так сказать, по частям: сегодня снимаю одни вопросы, завтра – другие. Знаю, не все согласны с моей методикой допроса. Но она вполне согласуется с моим опытом и внутренним складом. К тому же не следует позволять обвиняемому выговариваться сразу. У него одно желание – быстрее освободиться от щемящего душу груза. Поэтому зачастую поверхностно излагает суть происшедшего, а значимые детали опускает. В уголовном деле каждая мелочь на вес золота. В противном случае нахлынет волна неприятностей. Испытала и испытываю её собственной кожей. По этому поводу вопросов не задавайте, о происшедшем расскажу сама. Пока это был единственный случай, но надеюсь, что он больше не повторится. Случай давний, но рана от него осталась и не заживает. Собственно, он и явился поводом переезда из Берёзовского района в Сосновский.

В усталом голосе собеседницы я уловил приглушённые нотки отчаяния.

– О своих душевных муках я никому не докладываю, – продолжала Светлана Семёновна, – но вам, как корреспонденту, кое о чём поведаю, и для облегчения собственной души, и для понимания человеческой сущности.

Николаева торопливо сложила бумаги в тощую папку и также торопливо отправила её в массивный сейф.

За чашкой чая я услышал следующее.

– В моём производстве находилось уголовное дело о хищении пиломатериалов со склада местного леспромхоза, – начала Светлана Семёновна. – По под-

дельным документам за пределы района уплыла крупная партия отборного тёса. Документы на выдачу груза подписал главный инженер предприятия, вчерашний выпускник лесотехнического института. Против него как должностного лица возбудили уголовное дело, которое поручили вести мне. Я выполнила основанные на законе процессуальные действия и дело направила в суд. В ходе следствия и в суде молодой главный инженер категорически отвергал предъявленное ему обвинение. Он утверждал, что стал жертвой мошеннических деяний директора леспромхоза, который, будучи в отпуске, умолял своего подчинённого подписать подготовленные им бумаги.

В суде мудрый директор сделал вид, что ничего подобного не было, а доводы подсудимого есть не что иное, как попытка уйти от ответственности. Короче, молодой человек сел за решётку. Без средств к существованию осталась юная жена с грудным ребёнком. Трагедия в самом начале жизненного пути, которую невозможно вынести.

Спустя три года в тюрьму загремел директор леспромхоза как матёрый расхититель. Главный инженер был выпущен на свободу. Суд снял с него все обвинения и вынес решение о возмещении материального и морального вреда. Справедливость, как говорят в таких случаях, восторжествовала. Однако пережитое и упущенное время ничем заменить нельзя. Осталась горькая и давящая обида на всю жизнь, к чему я имею прямое отношение. Как ни крути, а доля вины лежит на мне – не умышленная, конечно: букву закона я не нарушила. Документы, подписанные главным инженером, говорят сами за себя, но, что скрывалось за его подписями, мало кого интересовало. Копни я глубже, главный инженер мог остаться на свободе и отделаться лёгким испугом. Не копнула, торопилась куда-то, да и кто мог подумать, что известный в крае директор леспромхоза в состоянии подставить своего подающего надежды заместителя.

Хорошо помню, как тогда, во время беседы в Берёзовском ОВД, Светлана Семёновна посмотрела в окно и тотчас отвернулась, словно кого-то испугалась. Я покосился в ту сторону: по тротуару медленно шли трое – молодой интеллигентный мужчина, стройная женщина и мальчик лет четырёх.

– Семья главного инженера, теперь директора леспромхоза, – продолжала Николаева, – жила неподалёку от нашего отдела. С ней я часто сталкивалась на улице, в магазине, в клубе. Но ни он, ни она, ни даже мальчик в упор меня не замечали, будто я не существую, будто я – живой труп. При этом никто меня ни в чём не упрекал и не обвинял. Они меня просто не замечали.

– Странно. Почему бы вам не объясниться и принести извинения, в конце концов? – вырвалось у меня.

– Пыталась. И не раз, – вздохнула майор юстиции, – но на все мои попытки глава семьи отвечал односложно: «Нет». Надеюсь, теперь вам понятны истоки моего копания в мелочах. Я намерена копать дальше и дольше, чтобы избежать даже малейших ошибок. Ошибки очень дорого обходятся и тем, кто их творит, и тем, кто от них страдает. Верно сказано: за всё надо платить. Я плачу.

В кабинет заглянула миловидная девушка.

– Подожди во дворе, – попросила её Светлана Семёновна, и добавила: – Это моя старшая дочь, работает здесь помощником прокурора. Зовёт домой, у неё

сегодня день рождения. Младшая дочь – студентка юридического факультета Сибирского государственного университета.

Николаева поправила волосы и встала. Поднялся и я.

– Знаете, – словно оправдываясь, продолжала Светлана Семёновна, – к высоким должностям я никогда не стремилась. Гораздо интереснее быть следователем, чем начальником следственного отделения. Причина моего появления здесь – вовсе не служебная карьера. Честно говоря, в Берёзовском я извелась от того, что не могла видеть семью, которая не считала меня за человека. Тягостные ощущения стала испытывать и моя дочь, так как директор леспромпхоза не хотел замечать её ни при каких обстоятельствах, видимо, полагая, что яблоко от яблони далеко не падает. И когда мне предложили возглавить следственное отделение в Сосновском, я согласилась. Думаю, смена обстановки в какой-то мере ослабит мою душевную напряжённость.

Мы вышли на улицу. Со стороны тайги веяло комфортной прохладой. Дочь взяла мать под руку, и обе направились в сторону кафе. Двигались они медленно, словно ждали, что вот-вот кто-то окликнет их, поздоровается, и эта неожиданная встреча станет отправной точкой для снятия напряжённости, о чём мечтает майор юстиции Светлана Николаева.

Осечка

Синоптики назойливо день за днём обещали с экрана телевизора небывало жаркий летний прогноз. Тридцатиградусная жара, по мнению предсказателей, должна была начаться с первых дней июня, и я спешно принялся готовить себя и внуков – Машеньку и Игоря – к отъезду в деревню Каменка, где мы каждое лето снимали миниатюрный домик. В маленькую, неизвестно когда и кем основанную прямо в дремучем лесу на вековых торфяниках деревеньку нас влекли высоченные сосны и ели, дикие плантации черники и брусники, угрюмое клюквенное болото. Но самым притягательным местом было прозрачное озеро, в котором водились невозмутимые караси.

Перед тем как покинуть загазованную Москву, я решил встретиться со своим давним другом Борисом Петровичем Смирновым, полковником милиции в отставке, когда-то непревзойдённым сыщиком МУРа. Борис разменял седьмой десяток, однако продолжал служить консультантом по безопасности в крупной финансово-промышленной компании. Он сед, но по-юношески строен, подтянут, никогда не улыбается, больше слушает, чем говорит, а если и говорит, то на каком-то первородном языке.

Как-то раз в беседе об истоках неслыханной криминальной обстановки в стране Борис Петрович, повздыхав секунду-другую, сразил меня наповал своим словесным пассажем:

– Пока, Миша, векует на свете душа, потуда она бедует.

От него же исходило и другое образное определение:

– Жизнь – это как луна: восходит медленно, а закатывается быстро.

И всё. Дальше, как я ни просил друга расшифровать загадочное определение, он – ни в какую, хотя, конечно, мог это сделать как никто другой.

Борис Петрович видел жизнь насквозь, как рентген, потому что был сыщиком. А сыщик обязан иметь трезвое суждение обо всём и всесторонне. Иначе к моменту истины невозможно приблизиться.

Природа-матушка наделила Бориса отменным сыскным даром. В лабиринтах его потрясающей памяти хранилась фактура, о которой профессиональный писатель мог только мечтать. Я не раз советовал своему другу взяться за перо и попробовать свои силы в детективном жанре. Борис, получивший от своих коллег кличку Сыч, парировал мои кавалерийские наскоки в присущей ему манере:

– Учён дёшево, да и рождён не по медицине.

В то же время на просьбы подарить сюжет всегда откликаться охотно, хотя и своеобразно: в подробностях рассказывал о диких преступлениях, но о том, как их раскрывал, старательно умалчивал.

Мы встретились у входа в Кузьминский лесопарк. Бродя по его аллеям, разговаривались, размечтались. Сыч, наверное под влиянием свежего воздуха, разошёлся не на шутку.

– Ваши писательские стрелы всегда, смею думать, от незнания предмета описания направлены на внешнюю оболочку события. А затем, видимо, чтобы она, оболочка, не казалась мёртвой, вы её припудриваете умозрительной пылью, не имеющей никакого отношения к тому, что происходит в действительности, – хмурил брови Борис. – Движущей силой сыска был, остаётся и будет сыщик. Тебе как писателю надо быть ближе к нему, а не к авторам кровавых разборок. Преступник – разрушитель, сыщик – созидатель. Есть разница? Твоя задача – показать, почему один – творец, а другой – подлец, какая потаённая энергия управляет этими головами-антагонистами? Пока будешь искать ответы на эти вопросы, я определюсь с фактурой. Над ней надо глубоко подумать, чтобы не осквернить её. Фактура, как и Восток, дело – тонкое. Определяюсь и материал представлю в письменном виде таким, каким он засел в клетках моего, а не чужого мозга.

На этой дружеской ноте мы расстались.

Я отправился с внуками в Каменку с твёрдой надеждой поработать пером. Однако на месте из задуманного мало чего получалось. Два бойко растущих существа сразу взяли деда в оборот. Машенька только начинала открывать для себя будоражащий мир природы и всячески старалась войти в него с моей помощью. Игорь взялся за разработку проекта спасения Пизанской башни. И тоже требовал интеллектуальной поддержки.

Между тем стремительно приближалась дата рождения МУРа. В свободные от детей минуты я принялся обдумывать рассказ о потрясающем раскрытии преступления муровцами в частных авторемонтных мастерских Москвы. «Отморозки» зазывали в гараж своих клиентов, убивали их, а трупы сбрасывали в яму, вырытую тут же, в гараже, и замуровывали её бетоном. Убийцы завладевали чужими машинами и продавали их.

Я предполагал написать документальный рассказ о том, как, какими путями сыщики вышли на это чудовищное преступление. И уже готовился сесть за стол, как с почты принесли пакет с обратным адресом Смирнова. В конверте оказалась ученическая тетрадь образца восьмидесятых годов, выпущенная Московским объединением бумажных изделий, объёмом двенадцать листов, исписанная аккуратным бисерным почерком Бориса Петровича. Сыч разразился объёмным монологом:

«Мой старый друг и не менее старый мучитель! Нажимаю на перо с откровенной злостью. Посуди сам: может ли человек, помятый жизнью, в неносной жаре пребывать в московской квартире и напрягать перегретую голову? Категорически утверждаю – нет! Я же, словно узник Алексеевского равелина, безропотно сижу на кухне и выдавливаю из себя для тебя анемичные корявые строки. Ради чего? Знаю, не спорь, ты пишешь ради славы и денег, а мне этого не нужно. Почему? Потому что я старый, преданный муровец, а МУР есть МУР – вне конкуренции. Тогда зачем я извожу бумагу времён перестройки, ускорения и нового мышления? Отвечаю. Я дал тебе слово, а слово муровца – закон. Идём дальше. Ты давно и много пишешь о непредсказуемом труде сыскарей, а это означает, что ты, Миша, мой попутчик, и я должен, просто обязан тебе помочь. Иными словами, настругать столько сюжетов, сколько в состоянии освоить твои недремлющие мозги. Мой кладёзь на этот счёт неисчерпаем. Моё время на криминальные сюжеты было чрезвычайно щедрым. Впрочем, зачем ты будоражишь прошлое. Что было, то покрылось толстым слоем серой, удушливой пыли. Гляди, влезешь в прошлое – убежит настоящее. Ну да ладно, нравоучения в сторону, как жить дальше, поступай по своему умозерцанию, но помни, над каждым эпизодом надо возвышаться и сверху, как сыщик, смотреть, что стоит за ним. С фактов важно не столько снимать видимую оболочку, сколько препарировать их, чтобы проникнуть в суть явления и обнаружить в нём некую потаённую энергию. Не торопись опровергать мысль о её существовании. Думаю, через неё можно приблизиться к раскрытию загадки человеческой души. Это задание на перспективу, а пока поразмышляй вот над какой историей.

14 ноября 1980 года. Морозный московский полдень. В квартиру вдовы писателя Алексея Толстого постучали два незнакомца. Дверь открыла домработница. Мужчины, не церемонясь, вторглись в гостиную и приказали женщинам повернуться лицом к стене. Хозяйке и домработнице связали руки и ноги, а затем заточили в ванную.

Знаменитый, далеко не бедный литератор знал толк в антикварных вещах и нередко покупал их. Совершив экскурсию по квартире-музею, незнакомцы старательно уложили уникальные картины, бриллиантовые кулоны, золотые броши, серьги, кольца...

Стоимость похищенного добра исчислялась фантастической суммой – миллионами рублей.

Весь МУР был поставлен на ноги и на уши. Я находился в отпуске, и меня сия чаша миновала. Зато мои коллеги выложились по полной программе. И не зря. Они нашли и обезвредили исполнителей чрезвычайно резонансной кражи. Ими оказались неоднократно судимые профессиональные воры Бец и Шварбергер, активно гастролировавшие по стране. Специально для тебя подчеркну, что тончайшее оперативное искусство проявил при этом Володя Сухов – сыщик тебе хорошо известный. Это он на высочайшем сыском уровне повязал матёрых рецидивистов, а изъятые ценности возвратил вдове Толстого. На этом хотелось бы поставить жирную точку, да грехи не пускают.

Дело вот в чём. Когда я, выйдя из отпуска, приступил к работе, в мой кабинет влетел взъерошенный Володя Сухов.

– Слушай, – начал он с порога. – Премудрый пескарь Бец отважился на чрезвычайно дерзкий поступок. Он до хрипоты утверждает, что один из бриллиантов вдовы Алексея Толстого зажал и подарил своей жене, которая сейчас находится в Баку. Бец готов вернуть этот бриллиант, но с одним условием, если состоится свидание с женой на квартире в Баку, так как жена должна вот-вот родить.

Вдова же писателя не помнит, был ли у неё тот бриллиант или нет. Во всяком случае, затрудняется со всей определённой ответить на поставленный вопрос. Я навёл справки и установил: Бец имеет намерение бежать из-под стражи и скрыться. Иными словами, уйти от законного возмездия. Я доложил руководству, что под предлогом посещения Баку Бец явно хочет вырваться на свободу. И что ты думаешь?! Мои доводы повисли в воздухе. Последовал жёсткий однозначный приказ: «Немедленно отправиться в Баку!» Я вспылil и на раскалённой волне отказался выполнять приказ, написав мотивированный рапорт.

Для чего я тебе всё это говорю, Боря? Не исключаю, что Беца “повесят” на тебя: генерал добьётся своего, мужик цепкий, как рыболовный крючок. Немедленно ищи предлог отказаться. Бецу грозит вышка, ему терять нечего – во что бы то ни стало удерёт. Сам понимаешь, тут же встанет вопрос о твоём пребывании в МУРе, без которого ты – не жилец.

Едва Сухов завершил монолог, как раздался телефонный звонок: вызывал генерал. Я бодрячком, как полагается после отпуска, захожу в кабинет

руководителя. Вижу, генерал не в своей тарелке: некогда ясные глаза потускнели и стали чёрными.

– Собирайся в Баку, повезёшь Беца, – загудел он, – в напарники возмёшь... кого хочешь.

– Убежит же, товарищ генерал: дорога дальняя, и стены у него свои.

– Сухов в штаны наложил, и ты изготовился...

– Убежит же, товарищ генерал, знаю по опыту.

– Ты – сыщик или колдун? Поезжай! Это приказ! Я свяжусь с Баку – помогут. Действуй! Смело и с головой!

Мой разум, естественно, протестовал, но в какую-либо форму протеста не вылился, я – человек служивый.

...Бец всю дорогу был оживлён и неустанно твердил: смягчить свою вину он может лишь чистосердечным признанием и всяческой помощью следствию – другого не дано. Но чем больше рецидивист раскаивался, тем мрачнее становился я. Авантюрист есть авантюрист – жди от него любой выходки. С приездом в Баку тревога усилилась: город чужой, люди незнакомые. Успокоение пришло лишь тогда, когда Беца водворили в местный следственный изолятор и у камеры выставили дополнительный пост.

В гостинице, жадно набив животы, мы улеглись спать. Олег Скворцов, мой напарник, отключился сразу, а я, послушав радио, с большим трудом погружался в сон. И проснулся рано. Разбудил Олега: не терпелось начать поиски писательского бриллианта, которого, скорее всего, не было. Принялись обдумывать, где Бец предпримет попытку к бегству, – по дороге домой или из дома? Взвесив все “за” и “против”, сошлись на мысли: побежит из дома. Поэтому решили ни на сантиметр не отпускать Беца от себя. Олег – справа, я – слева, руки Беца – в наручниках. В квартире Олег станет у двери, я буду сопровождать Беца. У подъезда и окна дома, как это принято, замрут местные сыщики.

Вначале события развивались по задуманному сценарию. В квартире нас ждала жена Беца, заранее нами предупреждённая. Приблизившись к мужу, она тихо заплакала и обняла его. Бец что-то шепнул ей на ухо. Я потянул Беца за наручники: мол, приступаем к делу. Женщина зло посмотрела на меня и, закатив глаза, повалилась на наручники. Я попытался поднять её свободной рукой, но не смог. Обмякшее, словно свинцом налитое, тело так сдавило мне запястье с наручниками, что я поторопил Олега снять их. Едва они соскользнули с рук, Бец молнией метнулся к окну и выпрыгнул с первого этажа. Местный сыщик на ситуацию не среагировал. Я и Олег, оставив женщину, пулей вылетели в окно, но Бец как в воду канул. Его искали целый день. Активный поиск оказался безрезультатным.

В гостиницу я вернулся разбитым и подавленным. Я понял: жизнь вынесла мне суровый приговор. Неожиданный и бескомпромиссный. Прокрутив происшедшее в воспалённом мозгу, я остановился на достойном офицера выходе. Достав пистолет, дослал патрон в патронник. Приставив ствол к виску, я нажал на спусковой крючок. Щёлкнул курок, я это слышал в щемящей тишине, но выстрела не ощутил. Осечка.

Я опустил пистолет и с недоумением стал рассматривать его: “макаров” осечек не знает. Неужели это тот случай, когда говорят об исключении из правил? Поставив оружие на предохранитель, я ощутил буйный прилив сил. Меня охватил сыскной пожар. Я помчался в МВД Азербайджана, где изложил план неотложных действий, с которым согласилось местное начальство. Началась “гонка с преследованием”. Представь на минуту, какой она была, если через два дня мы уже стояли на милицейском посту у самой границы Азербайджана и Грузии в ожидании Беца, пытавшегося на машине прорваться за пределы республики.

На сигналы инспектора ГАИ остановиться Бец прибавил скорость. Пришлось стрелять. От автоматной очереди “Волга” потеряла управление. Ударившись о камни, она перевернулась. В два прыжка я оказался у передней дверцы. Бец не дышал.

О том, что было дальше, писать не буду – картину можешь дорисовать сам.

В МУРе меня оставили и, прослужив четверть века, в звании полковника я удалился на покой. Сейчас пребываю в хорошем расположении духа, за исключением того случая: осечка из памяти не выветривается, отчего разучился улыбаться. На этом, извини, свои признательные показания обрываю. Будешь ли писать рассказ? Не знаю, не уверен. Ну а если возьмёшься за детектив, то очень прошу тебя ответить на три волнующих меня вопроса. Что ведало генералом, который отдавал заведомо провальный приказ? Почему я не отказался выполнять его, в то время как другие сыщики уклонились от поездки в Баку? Что стряслось с “макаровым”, когда я окончательно и бесповоротно решил свести счёты с жизнью?

Думаю, ответы на эти вопросы в какой-то мере помогут открыть дверцу в тот зловещий реактор, где буйствует потаённая энергия, непредсказуемо воздействующая на человека с целью превратить его поступки из очевидных в невероятные.

Твой осечённый Боря.
Июнь 2017 года».

Я был потрясён жутким рассказом: столько лет знаю Бориса, но ничего подобного от него никогда не слышал. Попытался представить состояние моего друга в те минуты, когда случилась осечка, и не мог – голова наливалась свинцом.

К действительности меня вернул внук Игорь, пропищавший на ухо:

– Докладываю: проект спасения Пизанской башни готов.

Я охладил его пыл и прочитал вслух письмо Бориса Петровича Смирнова.

– Разрешить ответить на вопросы твоего языкастого друга, – поднял руку Игорь. – Всё дело в мозгах. С больными мозгами лучше не связываться, чтобы не было печально за бесцельно прожитые годы.

Я в свою очередь подумал: «Напечатаю историю Бориса Смирнова в том виде, в каком он представил её мне».

А что касается ответов на его вопросы, то читатели могут дать их сами. Если, конечно, захотят.

«Люблю. Целую. Зина»

Для Михаила Фёдорович Коршунова день 9 Мая – праздник особый, просто сказочный. В этот день он родился. В этот день он окончил лётное училище. В этот день стал Героем Советского Союза.

В канун самого дорогого праздника. В канун своего девяностолетия Михаил Фёдорович в беседе со мной рассказал о войне глазами фронтового лётчика и о своём жизненном пути.

– Пять лет назад, – начал генерал, – умерла Зинаида Петровна, моя жена. Сырая земля стала домом и для двух моих горячо любимых сыновей. Валерий погиб в Афганистане, а Никита разбился при испытании истребителя нового поколения. Теперь живу один. Стены съедают, а я живу, хожу в долгожителях. Что движет мною? Память. Да память. Память о страшной войне, память о Зине, память о детях.

Михаил Фёдорович, разлив по фронтовым кружкам крутой чай, продолжал:

– 9 Мая я непременно облачаюсь в парадный мундир, пью чай, к водке никогда не притрагивался, и размышляю.

– О чём? О горестном, о радостном?

– Обо всём, но, главным образом, о молодых годах. Ах, молодость, молодость! Сколько чувств и эмоций кипело во мне?! Чистых и откровенных. Личное и общественное я никогда не разделял. Для меня они были одним прозрачным потоком. Скажите, а как ему не быть? Я – молодой офицер, лётчик, романтик, был готов защищать Родину до последней капли крови. Я летал драться и побеждать. В этом мне помогала любовь. Она безраздельно владела мною. Ощущение того, что ты боевой лётчик и что ты безумно влюблён, образовало некое третье состояние, которое влекло меня на недостижимые высоты. Я был предельно счастлив от фронтовой любви. Она приближала и предвещала Победу.

– Вы учились вместе с Зиной?

– Нет. Мы познакомились совершенно случайно. На Красной площади. Познакомились в тот момент, когда завершилась церемония смены караула у Мавзолея Ленина. Зина восторгалась захватывающим и волнующим ритуалом. Я подвернулся кстати, разговорились. Оказалось, что она работает в Большом театре. Я напросился в провожатые. По дороге она рассказала, что занята в массовых сценах, что она артистка кордебалета и что свободным временем почти не располагает. И всё же мы договорились о встрече. С нетерпением ждал, когда она выйдет из театрального подъезда. Проводил до дома. Мы приглянулись друг другу. После первого свидания каждую свободную минуту мы уже проводили вместе.

Я служил на Центральном аэродроме, у метро «Аэропорт». Поэтому мы виделись часто: то она меня провожает на службу, то я её – на работу. Наши чувства настолько обострились, что мы не могли обходиться друг без друга. Если я улетал, она часами стояла у контрольно-пропускного пункта, дожидаясь моего возвращения. Более того, когда меня отправляли на фронт, она пыталась уйти со мной. Еле убедил остаться в Москве и продолжать работу.

В путь-дорогу Зина снабдила меня своей фотографией и колечком пшеничных волос, аккуратно вложенных в бумажный конвертик. Эти бесценные реликвии сопровождали меня всю войну. Они помогали мне бить врага и спасли от гибели. Образ Зины был всегда со мной и на земле, и в воздухе, и во время боя. Каждый день я посылал ей открытки с односложными предложениями: «Люблю. Целую. Миша». В ответ я получал открытки с аналогичными словами: «Люблю. Целую. Зина».

Что ни слово, то елей на душу.

Михаил Фёдорович показал мне потёртый конвертик с колечком волос и стопку открыток с трогательными словами: «Люблю. Целую. Зина».

Снял с полки портсигар, раскрыл его, а в нём лежала пожелтевшая, но хорошо сохранившаяся фотография. Юная балерина замерла в каком-то очаровательном танце. Худенькая, глаза выразительные, припухлые губки, волосы собраны в пучок – настоящая русская красавица.

– Это моя Зина, – не без гордости говорил Михаил Фёдорович. – Не было бы её, наверное, и не было бы героя. Я дрался с её именем, защищая и нашу любовь, и нашу страну, защищал вместе, не отделяя друг от друга.

Михаил Фёдорович расчувствовался, смахнул непроизвольно выкатившуюся слезу, но быстро собрался. Положил рядом с собой фронтовой портсигар и почти скороговоркой продолжал:

– Я любил летать. Самолётом владел в совершенстве. Наловчился драться – в боях редко промахивался. Лично сбил семнадцать самолётов противника. А сколько в группе – одному Богу известно. Трижды сбивали и меня. В боях под Москвой вражеский зенитный снаряд разорвался над кабиной. Чудом приземлился на полуобгоревшем парашюте. Спас снег: попал в глубокий овраг. Еле выбрался, к тому же донимал жесточайший мороз. Достал портсигар, посмотрел на свою Зиночку и сказал: «Любимая, всё в порядке. Голова и кости на месте».

Волевым усилием заставил себя добраться до ближайшей деревеньки. Промёрз до костей. Местные жители не дали погибнуть, привели в чувства, накормили, напоили и обогрели. На следующий день привезли на аэродром. Он находился в шести километрах от места моего падения. Поправился, поднялся в небо и бился с удвоенной энергией. Дважды меня представляли к званию Героя Советского Союза, но вместо Золотых Звёзд я получал ордена Красного Знамени. Их у меня пять. Почему так получалось? Ответить затрудняюсь. Знаю лишь одно: в первые годы войны звание Героя Советского Союза присваивалось немногим фронтовикам. Я, собственно, не огорчался, да и что огорчаться – шла невыносимо тяжёлая война. А жизнь лётчика – один миг! Сколько моих отважных товарищей ушло в небо и не вернулось! Рядовых лётчиков и командиров! Перемещения по службе производились чуть ли не ежедневно. К концу войны я стал майором, командиром авиационного истребительного полка.

Сражаться пришлось на всех фронтах – в небе Подмосковья и Сталинграда, в небе Кубани и Курска, в небе Калининграда и Прибалтики, в небе Балатона и Берлина. Звания Героя Советского Союза я был удостоен в 1943 году, буду-

чи командиром эскадрильи. При освобождении Кубани мои лётчики сбили девять истребителей противника. Лично я уничтожил три самолёта. Эскадрилья вернулась на базу без потерь. Командование повторно направило представление о присвоении мне звания Героя Советского Союза.

Документ попал в Кремль, здесь мне и вручили награду. Зина ждала меня у Спасских ворот. Вы понимаете моё и её состояние?! Очаровательная Зина – с одной стороны, и герой-лётчик – с другой. Что может быть пленительнее этих минут?

Генерал изменился в лице, словно снова хотел оказаться в объятиях Зины.

– Да, это были незабываемые минуты, – тяжело вздохнул Михаил Фёдорович. – По истечении трёх суток я уже был на фронте. Настроение было боевое и приподнятое, потому что любил и был любим. С этим ощущением я ввязывался в рискованные бои и брал верх. Моя победа над врагом – это и победа Зины, потому что она была частицей моего сердца. Мы много и часто говорим о том, что тяжелейшую в истории человечества Победу вырвали благодаря беспримерному мужеству бойцов и командиров. Действительно, это так, и спорить тут не о чем, но почему-то стыдливо умалчиваем о вкладе Любви в нашу Великую Победу. Мы проливали кровь не только за Родину, но и за любимых – жён и невест.

Любовь сказала и на дальнейшей моей судьбе. С ощущением любви я закончил Военно-воздушную академию. С ощущением любви я командовал дивизией и стал генералом. Любовь присутствовала и тогда, когда я поднимал в воздух новые образцы военных самолётов. С мыслями о Зине я защищал кандидатскую и докторскую диссертации, руководил кафедрой лётного мастерства в академии.

Зина и дети. Как я их любил и продолжаю любить! Для меня все они живые. Но однажды в любящую семью ворвались неведомые силы. Мои молодые сыновья лётчики погибли при исполнении служебных обязанностей. Зина скончалась на операционном столе. Невыносимо страшная картина.

Что же держит меня на этой грешной земле? Память о Зине, о детях... и великое чувство Любви. Чувство Любви должно присутствовать в каждом человеке, но особенно у лиц, связавших свою судьбу с защитой Отечества, у лиц, стоящих на страже законности и правопорядка. Служба – в радость, когда есть любимая жена и любимая семья.

Михаил Фёдорович взял со стола фронтовую открытку и вслух прочитал: «Люблю. Целую. Зина».

Екатерина НАГОВИЦЫНА

Ми-24

Боевым подругам посвящаю.

1

– Ну ты и сволочь! Тварь ты такая-растакая! У-у-у, ненавижу тебя, гадина, сука, чтоб тебя в клочья разорвало!

И Славок в сердцах треснул по обшивке гаечным ключом, плюнул под ноги и, матерясь под нос, пошёл прочь.

Славок меня терпеть не может, как, впрочем, и я его не жалую. Так что нелюбовь у нас взаимная, давняя, но тут уж надо идти по порядку, а не прыгать с пятого на десятое.

Начну с того, что «тварь, гадина и сука» – это я. Я – Ми-24В. Да, для гражданских я – вертолёт. Для военных – вертушка, крокодил. Для своего экипажа – Девонька, Малая. Вот уж, нашли малую, всё ж больше восьми тонн живого железа, и это без загрузки. А для механика Славка я – тварь железная, тупая и вредная. Ну что ж, тут каждому своё. У вас, наверное, сразу возникает вопрос: а почему Девонька-то? Вертолёт же!

А тут дело простое, как люди рождаются либо мужчинами, либо женщинами, так и техника, появляясь на свет, наделена душой, технической, но определённо либо женской, либо мужской. И соответственно в процессе жизни, ну или, по-вашему, по месту использования, по опыту общения с людьми и внутреннему состоянию, характер наш меняется. В какую сторону? Да у каждого в свою. Как, впрочем, и у вас.

Но это я отвлеклась. Я – боевой вертолёт, можно сказать, в самом рассвете сил – нахожусь на откомандировании в Северо-Кавказском регионе, на Х-м аэродроме. Рядом стоят мамки Ми-8 и Ми-26, они похожи на больших куриц-наседок, хотя в миру их называют коровами и даже сараями, но они не обижаются ни на то, ни на другое. Ми-8 и Ми-26 добродушные, в общем-то, гражданские многоцелевые вертолёты и, попав на войну, мягко говоря, чувствуют себя не в своей тарелке. Очень сильно переживают и часто тихонько, по-женски, плачут по ночам, жалея ребятишек, которых всё время куда-то увозят, а потом забирают, и частенько – только тела. Потом эти тела уносят другие и смывают с пола шлангами загустевшую кровь. Тяжело им на войне. Да и не боевые это машины – большие, уязвимые, не готовые к бою. Мечтают, чтоб скорее военные конфликты кончились, и перейти в разряд гражданской авиации. Детишек катать, грузы перевозить, спокойно, без спешки помогать людям.

Чуть вдалеке стоят Миги и пара Сушек – мужики. Хорошие самолёты, но немного заносчивы и амбициозны, особенно Сушки любят нос задрать. Но, как ни кру-

ти, красавцы – особенно в профиль, и тем более в правый. Считают себя настоящими боевыми спецами, не разменивающимися на всякую мелочёвку. А вот это уже камень в наш огород. Но тут, что сказать, с техническими возможностями не поспоришь – девчонки. И летаем мы не так быстро, и высот таких не берём, да и с вооружением у нас попроще. Но всё-таки авиационный бог создал нас боевыми единицами, с военным характером, большой работоспособностью, и мы не ропщем на судьбу, не вздрагиваем от взрывов и не плачем ночами. Да и мечты у нас с Ми-8 и Ми-26 сильно отличаются: ну зачем в гражданской авиации боевые вертолёты. Лес им рубить, что ли, крупнокалиберным пулемётом. Так что наше место – в военных конфликтах, в этом мы схожи с Мигами и Сушками. Может, в таком необходимом боевом содружестве есть своя прелесть. В том, что какими бы разными мы ни были, какими бы душами и характерами ни обладали, но есть сигнал на боевую работу, от которого напряжённо вздрагивают Ми-8 и Ми-26, а все другие замирают в тревожном ожидании: кто летит?! Когда адреналин закипает в воздухе и растекается по жилам, проводам и шлангам. И оставшиеся с облегчением и завистью смотрят вслед уходящим в небо. На боевой вылет. На работу. На войну.

2

По-разному складываются наши отношения и с людьми. По какому-то неписаному закону мы знаем, что без них мы не сможем. Наверное, закручивая последнюю гайку в моторе, именно люди пробуждают нашу душу в куче много-тонного железа. И по этому же закону, люди – главные. Вернее, у вас есть право на первичность действия. А мы с готовностью вслушиваемся и подчиняемся. Но... что табу для мирной жизни, на войне иногда может и попираться. Ведь при всей своей силе, уме и профессионализме, вы – люди – такие уязвимые. А на войне чувства усиливаются, ведь жить хочется не только вам. Да и вражескую технику, и смертоносное оружие мы чуем своим техническим шестым чувством. Режим «свой-чужой» работает обострённо.

Поэтому иногда и происходят на боевых вылетах странные случаи, необъяснимые человеческой логикой, заставляющие лётчиков потом суеверно креститься и молиться своим богам. Хотя, может, бог у нас и общий.

А ещё мы легко чувствуем людей. Это необъяснимо, но стоит взглянуть в человека, вдохнуть его запах, вслушаться в голос, и он становится нам понятен, прозрачен. Мы даже видим его душу – небольшое свечение в области сердца, иногда оно красивое, солнечное, с яркими бензиновыми разводами, а иногда – цвета отработанного масла.

Вот, например, мой лётчик, майор Василь, с тёплым, бархатистым свечением. И человек он хороший, спокойный и уравновешенный, с твёрдым характером, пусть иногда и бывает резок на высказывания, но не без оснований, с внутренним стержнем, с правильным пониманием жизни, ну и, соответственно, смерти. Без нужды не лихачит, машину бережёт, как он любит говорить, но если надо, то значит надо, действует уверенно, без истерик и выжимает из ситуации по максимуму. А ещё очень любит жену, сына и дочку. Семейную фотографию прикрепил на бортовую панель и обязательно на них поглядывает перед взлётом. Ну и я тоже украдкой люблю на них взглянуть, так что вроде тоже члены экипажа.

Под стать ему и штурман – оператор вооружения, Сенька-Семэн, с ярким цветным узором души, балагур и весельчак на земле, получивший свою кличку за то, что легко мог говорить со специфическим одесским говором. Семён был парнем лёгким на подъём и на разные авантюры, вследствие чего влипал в различные истории, вспоминая и рассказывая которые несказанно веселил окружающих. Но этими приключениями периодически доводил своё командование до белого каления и, соответственно, заглаживал свои грехи постоянными командировками в Северо-Кавказский регион. Со временем так свыкся со своей участью бесшабашного охламона, что уже даже и не рвался в мирную, но такую сложную жизнь, где его, впрочем, никто и не ждал, кроме матери да нескольких друзей. Писал рапорта на продление командировочного срока, которые с удовольствием подписывало его руководство, перекрестившись и поплевав через левое плечо. Так как неудобный и неугомонный Семён был лучшим в своём деле, преобразался на вылете и становился образцом боевого офицера. Вот такой был у меня экипаж. Вообще-то положено, чтоб экипаж состоял из трёх человек – двух лётчиков и бортиженера, но война и время диктовали свои условия, лётчиков не хватало, а Василь был человеком с огромным опытом и налётом, ну и Семён с лихвой справлялся и за штурмана, и за стрелка, и за второго пилота. Так что в коллективе у нас была полная идиллия и взаимопонимание. Работать с такими людьми было сплошное удовольствие.

Чего не могу сказать о механике Славке со всегда липкими вспотевшими ладонями и чёрной разливающейся жижей на месте души.

Он – сосед с Василем и Сенькой. С последним они даже учились в одном классе. Из одного города, с одной улицы, дома стоят рядом. При встрече Славок радужно улыбается, приветствует, а внутри разливается чернильным пятном ядовитая горечь. Ненавидит он парней, завидует и злится. В глаза лыбится своей противной тонкой улыбкой, а за спиной гадости говорит, особенно любит про Семёна что-нибудь похлеще завернуть, приукрасить его проступки. А так как рассказчик он знатный, то слушают его на земле, открыв рот и покачивая головой. Ну не может он спокойно относиться к тому, что не собачатся парни между собой, не собирают и не смакуют слухи друг про друга, что понимают с полуслова. А ещё больше бесит его, что горит и ладится всё в умелых Сенькиных руках. Да ещё и то, что не хнычет, не впадает, как многие, в депрессии или запои. За то, что, несмотря на все наговоры, любит его народ за готовность помочь, приободрить добрым словом, хорошей шуткой, когда сил ни у кого уже нет. Бесится Славок и пакостит по-мелкому, чтоб при случае попало Сене да наконец-то разлад наступил в команде. Ну и я отвечаю ему тем же: то гайки придержу, то пальцы прижму, то железные части под его тупую башку подставляю, чтоб побольнее треснул. Вот так и живём.

3

Работаем мы двойками. Со мной в паре – молоденькая девчонка Ми-24П, которую недавно перегнали с отстойника. Её экипаж, тоже совсем ещё молоденькие ребята, жуть как ею гордятся: новенькая, модифицированная, в ярком красивом камуфляже, она действительно сразу бросается в глаза и выгодно смотрится на

нашем фоне уже изрядно потрёпанных, закоптелых, в выцветшем камуфляже и с замазанными бортовыми номерами. Но в этом отношении мы, вертолётчики, без комплексов и закидонов, любим по-доброму пошутить по этому поводу, без обид. А так как мою прежнюю напарницу, очень матёрую и опытную, прошедшую Афган, перегнали на другой аэродром, то в двойку мне и закрепили, так сказать, для передачи боевого опыта. Её экипаж ласково называет Наша Миля. И даже на фюзеляже белой краской крупно написали это имя. Мы с ней решили, что назвали они её так в честь нашего общего прародителя и основателя Михаила Леонтьевича Миля. А Семён назвал её Зелёная Миля, сославшись на свой любимый фильм, и даже привёл Василию какие-то доводы по поводу аналогий сюжета с судьбой боевого вертолёта. На что Василь хмыкнул и согласился, что вертолёт действительно очень зелёный, да и экипаж тоже.

Миля, хоть и молода, но с хорошим боевым настроем и задором. Это можно понять. Страх она ещё не знала, а силу уже чувствует. А ещё сильнее хочет себя попробовать в деле, в реальном бою, а не в колыбели испытательных аэродромов, где все вокруг – твои друзья и наставники. Поэтому со щенячьим азартом она расспрашивает у меня, что да как, всё время сводя учёбу на рассказы про то, что бывает там, за пределами охраняемой территории аэродрома, и впитывает в свою подкорку любую информацию, мысленно проверяя работу всех агрегатов и в нетерпении переминаясь на шасси.

Ми-8 и Ми-26 по-матерински вздыхают и остерегают её от различного вида засад и обстрелов, на которые так легко попасться при взлёте и посадке, особенно на незнакомой местности.

– Ты, девонька, поберегись. Перестрахуйся лучше лишний раз, раскидай тепловые ловушки, а там видно будет. Уж больно ты молоденькая, да и ребятки твои опытом не блещут. Ох, погубят красоту такую, да и сами сгинут, сердешные.

На этом они обычно украдкой смахивали навернувшуюся слезинку, поддавшись навалившимся воспоминаниям. А вспомнить им действительно было что.

Весь авиапарк Ми-8 и Ми-26 был уже в солидном возрасте. Ми-8 начали свою работу ещё в Афгане, затем поучаствовали и в других вооружённых конфликтах и теперь дослуживали свой век на чеченской земле. Это была отдельная тема для их тяжёлых и нерадостных раздумий. Ведь хотелось им, жуть как хотелось покоя и мирного неба.

Об Афгане они очень любили повспоминать с моей прежней напарницей. Это было время их молодости, и это было удивительное место, красивое и опасное. Направляясь туда, они ещё ничего не боялись, так как не знали что такое «переносные зенитно-ракетные комплексы». Жизнь казалась им полной весёлых приключений и военной романтики, пока не начали гибнуть первые из их выпуска. Сгорая, яркими факелами они падали в пасти скалистых пропастей с тошкливо-предсмертным воем разбитых моторов, которому вторило доносящееся снизу полное ликования и злобного восторга «Аллах Акбар!».

И вот сейчас, на этой земле, всё удивительным образом повторялось, напоминая им время юности. Но только опыт прожитой жизни говорил об одном, что, скорее всего, эта земля станет последним пристанищем уже для их обгоревших останков. И будут они гнить, разъедаемые ржой, где-нибудь у подножия

гор, а местное население будет смачно плевать в их сторону и с довольными ухмылками ругаться на непонятном гаркающем языке. Всё это может легко ждать и нас, но мы стараемся не поддаваться этим настроениям и оптимистично смотреть в будущее. Хотя, конечно, какое оптимистичное будущее может быть у боевого вертолётчика. Стать живым экспонатом в музее – это судьба для избранных единиц.

Но Миле рано думать на эту тему. В жилах её течёт ещё горячая кровь из смеси горючки, масла и электрического тока, а в мечтах – воздушные бои, устаревшая классика, но такая притягательная.

Уже глубокая ночь. Утром у нас предстоит первая слётка. Миля волнуется, не может уснуть, и всё время тормозит меня новыми вопросами. Миги и Сушки ухмыляются, тихонечко ворчат, но не выдерживают напора юной мысли и начинают учить её уму-разуму и рассказывать истории из своего опыта. Миля слушает на одном дыхании, внемля каждому слову.

Я благодарна им за эту передышку, и сон быстро окутывает меня своими липкими сетями, втаскивая в уже другую реальность, где оказываюсь в окружении высоких острых скал. Я лечу в ущелье и вначале получаю необыкновенное удовольствие от вида серых глыб, уходящих в небо, местами покрытых редкой чахлой растительностью. Лёгкий ветер гуляет в этом каменном мешке, скидывая с высот мелкие острые камешки, которые с лёгким шуршанием осыпаются по склонам. Во всей этой суровости есть что-то притягательное и прекрасное. Это Афганистан. Я никогда не была там, но впитала в себя рассказы, прочувствовала ту жизнь, как будто наяву видела те горы, извилистые серпантины дорог, белёсые выцветшие аулы, грязные бурные горные реки, и даже названия Кабул, Баграм, Шинданд и Кандагар были родными, щемящими душу. Не буду скрывать, я завидовала этим матёрым, запылённым, уставшим вертолётчикам и очень жалела, что слишком молода и та война прошла без меня. И вот теперь я здесь. Восторг и адреналин накатывают на меня волнами, пробегаюсь по обшивке. И вдруг к чувству безграничной радости примешивается ещё одно, горькое и едкое, со вкусом пороховой гари. Приходит осознание опасности и ощущение это такое неожиданное и острое, что мотор на секунду захлёбывается, и я проваливаюсь на воздушных потоках. Стараюсь взять себя в руки, успокоиться, но ощущение надвигающейся беды не проходит, вкус горечи усиливается, а я судорожно пытаюсь определить источник.

И, наконец, вижу: из-за огромного валуна, похожего на спящую собаку, отделяется светящееся пятно и уходит по направлению ко мне. Внутри всё сжимается в спазме. Я знаю, что это. Это ПЗРК «Стингер». Именно их применяли духи в Афгане, убивая моих друзей. Проговариваю себе, что сейчас «Стингеры» не применяются и что обмануть их легко, это не новые и умные «Стрелы» и тем более «Иглы». На мгновение успокаиваюсь. Пытаюсь отстрелить тепловые ловушки, но с ужасом понимаю, что на мне находится устаревший тепловепеленгатор Л-166, который, как у Ми-8, расположен на брюхе, и приёмный фасетчатый блок слеп от грязи и нагара. И ничего сделать с этим я не могу. Я безоружна. А ракета приближается медленно, как во всех снах, но неотвратимо.

– Проснись! – кричу я, с силой пытаюсь вытолкнуть себя из сна и тем самым спастись. Но вдруг понимаю, что не сплю, что именно это и есть моя жизнь здесь и сейчас. И именно я нахожусь в Афганистане в составе 40-й армии группы «Север» и уже несколько лет базируюсь на аэродроме подскока в Кундузе. Сейчас лечу по ущелью от Шибаргана до Файзабада в сопровождении колонны. Внизу видна длинная змея нашей боевой техники, которая медленно, густо чадя солярой, тянется на подъёме и не знает, что от смерти её отделяет всего несколько секунд. А там внутри этих маленьких машинок сидят живые люди – молоденькие солдатики, офицеры, и в их нагрудных карманах лежат фотографии с любимыми и родными, которые где-то далеко в Союзе надеются и ждут. Я бросаю взгляд на семейную фотографию Василя, и он, приобняв жену и положив руку на плечо сына, улыбается мне, поддерживая в задуманном. И сразу приходит понимание, что надо делать, всплывает заштудированная инструкция действий при обстреле. А ракета уже близко, но прежнего страха и ощущения безнадёжности уже нет. Я резко беру вверх. На грани возможного выхожу на критический семидесятиградусный угол, вытягивая свою смерть за собой, а потом резко камнем падаю вниз и влево, успевая заметить, как растерялась ракета, потеряв свою и уже такую близкую цель, на доли секунды замерла, вильнув за мной, но не справилась с собственными силами и устремилась вдаль, безобидная и бесполезная. Это моя победа! И это придаёт мне силы удержаться и выровняться всего в десятке метров от острых камней. С рёвом перегруженных моторов, в звуке которых слышны все 4400 лошадей, я взлетаю, разворачиваюсь к этим мерзким злобным скалам и начинаю лупить из четырёх стволов, с каким-то внутренним мстительным задором всаживая 23-мм калибр в серый скальник, кроша и перемалывая, разламывая и уничтожая всё на своём пути. Камни быстро окрашиваются в красный цвет. Это кровь моих врагов и врагов тех, кто сейчас по серпантину едет в броне. Скалы сдаются мне. Я, словно приминая их крыльями, поднимаюсь высоко-высоко и, наконец, выныриваю в голубой простор, освещённый золотистым тёплым солнцем. Вот оно, наше вертолётное счастье, – находясь на грани смерти, выиграть, победить, уничтожить врага, спасти своих и окунуться в освежающую глубину неба. Вырваться на свободу и лететь, развивая максимальную скорость, не задумываясь и не боясь никого и ничего.

– Эй, Малая, давай просыпайся. Лететь пора.

Я вздрагиваю, голос Семёна врывается в мой полёт и замедляет его. Небо растворяется. Я просыпаюсь, понимая, что по-прежнему улыбаюсь.

4

Первая слётка прошла неплохо. Не обошлось, конечно, без эксцессов, но всё-таки все вернулись живые и здоровые. Началось всё с того, что при взлёте у Ми-8 сработали тепловые ловушки. В эфире послышался мат диспетчера, обещающего оторвать уши экипажу, если они спялят родной аэродром.

Те пытались смущённо оправдаться, искренне не понимая, как оказалась включённой АСО (автоматическая система отстрела тепловых ловушек), пытаюсь сослаться на яркие утренние блики. Я же, ухмыляясь, глянула на Ми-8, точно зная, откуда ветер дует.

– Научили, перестраховщицы!

Те лишь угрюмо уткнулись в землю, делая вид, что ничего не происходит. Самолёты же не обошлись без едких замечаний нам вслед.

Но в целом полёт шёл нормально. Семён, тихонько матерясь в сторону, корректировал молодняк:

– Миля, куда ты жмёшься ко мне! Держи дистанцию. Поцарапаешь нашу красоту, и я лично, вторично после диспетчера, оторву вам уши.

– Есть держать.

– Куда ты сваливаешься. Уйди вправо три. Набери высоту четыре.

– Принял.

– Уходим на левый разворот.

– Куда?

– Туда! Куда ты будешь ходить без ушей от своей жены, если доживёшь до дембеля.

Вот так, мирно, почти по-семейному, прошёл наш первый совместный полёт. Миля старалась изо всех сил, пытаясь загладить свой косяк с ловушками, и в остальном не подвела свой не более опытный экипаж.

– Путём. Толк будет, – сказал Василь, после того как благополучно сели.

– Если не убьются, – добавил Семён.

5

И потекли обычные рабочие будни, состоящие из сопровождения Ми-8 и Ми-26, наземных колон с техникой и патрулирования территории с постоянным выискиванием доморощенных «Самоваров». Миля и её экипаж быстро набирались опыта, обстановка, так сказать, стимулировала. Постепенно они стали всеобщими любимчиками. Экипаж, двое молодых парней сразу после учёбки – Ванька и Вовка, были прозваны Семёном Чуком и Геком, так как были неразлейвода, но всё время бузили между собой. С Семёном они быстро сдружились, почуяв родственную душу, и уже тройкой тренировали нервы и терпение командования аэродрома, которое беззлобно ругало их и шпыняло, но по-отечески любило. Хотя, уже по опыту, держало ухо остро, когда небо затягивало тяжёлыми тучами и на несколько дней наступала нелётная погода. Но предугадать, что на сей раз отмочит бесшабашный молодняк, не мог никто, даже многоопытный Василь.

То они ночью на Ми-8 нарисуют белую полосу по борту с чёрной надписью «Ночной дозор», то восстанавливают киношный рецепт ликера «Шасси» в новом исполнении, дав ему гордое название «Шасси-2», ну или «Второе шасси», со всеми вытекающими из него последствиями, то начинали играть в старую игру «Пекарь», в которую быстро втягивался весь личный состав аэродрома, ну кроме высшего начальства, которое, впрочем, не без зависти поглядывало на мелковую разливовку на взлётном поле. А один раз устроили турнир по боксу, после чего командир Мили неделю проходил с красивым синяком под левым глазом, освещая своим довольным видом дорогу в расположение. Апофеозом было разбитое стекло у начальника аэродрома, выбитое Семёном в разгар несанкционированного футбольного матча, после чего

начальник долго орал о том, что он сыт по горло их выкрутасами и отправит всех в штрафбат!

Но тучи уходили. Погода менялась, и наступало время работы. И опять всё по старой схеме: сопровождение, патрулирование, поиск. Один вылет, похожий на другой. Взлёт – посадка.

– Что-то тихо последнее время. К чему бы это? – заметил Семён.

– Это точно. Либо совесть замучила проклятых моджахедов, ну либо готовят преподнести нам подарочек, – Василь скосил взгляд на фотографию с домашними и украдкой вздохнул.

Мы уже полчаса в воздухе. Сопровождаем Ми-8 с отрядом на борту. Парни забрасываются в горный район Чечни. Надо проверить поступившие разведданные.

А красота кругом волшебная. Зима. Степная часть как будто укрыта праздничной белой скатертью. Снег укрыл всё: липкую жирную грязь, похожую на пластилин, разбитые дороги, и даже местами попадающаяся раскуроченная сожжённая техника стала похожа на детские ледяные горки. Воздух, очищенный недельным снегопадом, прозрачный, почти хрустальный, глядя борта, приятно холодит и взбадривает. Идиллическая мирная картинка. И вдруг защемило, разливая по жилам тревожное предчувствие надвигающейся беды. Я знаю это чувство. С земли запустили ракету. Что именно – устаревший «Стингер», как во сне, туповатая «Стрела», или всё ж «Игла»? Чёрт! Мысленно толкаю Семёна тревожным импульсом, и он, настроенный со мной на одну необъяснимую волну, всё понимает ещё до сработки электроники.

– Командир, справа!!!

– Горка говна с изюмом!!!!

Василь резко завалил машину вправо. Но я не обижаюсь. Я понимаю, что пытаются сделать командир, и с готовностью подчиняюсь, самостоятельно набирая обороты и увеличивая скорость за доли секунд до команды. Ведь на данный момент я и Миля, оснащённые системой ЭВУ, находимся в относительной безопасности, а главная цель ракеты – Ми-8, вот кто сейчас открыт в небе и уязвим. И командир торопится, отслеживая глазами стремительно приближающуюся ракету и давая команды по рации Ми-8, пытается успеть вклиниться между ними.

Чёрт, опасно, ох как рискованно, командир, сгорим, блин! Но тороплюсь, заранее начиная выплевывать тепловые ловушки, пытаюсь отвлечь «Стрелу». Ух как страшно! На фюзеляже выступил конденсат: прошиб всё ж холодный пот.

– Не бойся, Малая, все вертолёты попадают в рай, – шепчет Семён, глазами следя, как ракета, уверенная в своих силах, выбрав себе жертву, с ядовитым шипением режет небо и, оставляя длинный белёсый хвост, быстро сокращает дистанцию. Неужели не успеем? Ми-8 с надрывом мотора старается уйти ввысь. Чужа приближающуюся смерть, как курица, пытается спасти своих цыплят, которых прикрывает железными боками. Но не вытянуть. Не сможет тягаться с реактивным снарядом. А я смогу. Из последних сил успеваю, врываюсь и ловушками обманываю ракету. Та в запале погони, ослеплённая, нырком уходит к земле и достать уже нас не может.

А мы набираем высоту, торопясь уйти в низкие облака, куда секундами ранее спряталась Ми-8, сопровождаемая не менее ошарашенной Милей. Но с земли

уже гулко застрочил пулемёт, стараясь отомстить за просчёт. Не хватает десятка метров, чтоб укрыться в спасательном полумраке облаков. Пули со свистом прошли обшивку, разбили блистер и пробили левое крыло. Хорошо хоть, провода не перебили. Боль разрывается во мне и растекается по корпусу, сковывая движения. Ух как больно, «шторм» вам, гады, в бок! Слёзы обиды и боли закипают, но перебивает чувство злой досады.

– Ну, падлы, держитесь!

Это то ли я кричу, то ли Сеня. И я резко снижаюсь, вынырнув из спасительного укрытия, разворачиваюсь и возвращаюсь к месту засады, и уже мой пулемёт начинает работать, вспахивая белый снег, оставляя грязные глубокие борозды. В ответ огрызнулись враги.

Это они зря!!! Этого мне и надо было. Заметив цель, со свистом уходят ракеты. Эти отомстят за всё: за боль, за страх, за движение на пределе возможного. Земля озаряется разрывами. И я с удовлетворённым чувством наслаждаюсь звуками взрывов, которые ласкают мой слух.

– Получили, ублюдки, – и Василь устало стирает капли пота с лица.

– А ещё у нас есть камни за пазухой! – кричит довольный Семён, откидываясь в кресле, на секунду прикрыв глаза.

6

Кто сказал, что мы железные и нам не больно. Больно, ох как больно. Но надо терпеть, молчать, чтоб не выдать свою слабость, живую душу. А ещё нельзя допустить, чтоб механик Славок нашёл нашу ахиллесову пяту. Хотя, судя по тому, как долго и бестолково он ковыряется в моих ранах и с каким удовольствием на десятый раз, не считаясь со своим личным временем, которое он в обычной ситуации очень ценит, переключивает заплатки на крыле, то складывается ощущение, что всё он знает и сейчас целенаправленно мстит мне за всё. Но сил ответить ему той же монетой уже нет. Измотали меня: бой, дальний полёт, парней всё ж надо было доставить до места назначения, дорога домой. На обратном пути мы сделали круг над местом боя и в очередной раз результатами остались удовлетворены. Белый снежный саван был вздыблен и разорван вывороченной землёй, раскиданными камнями. Но больше всего радовали взгляд останки крупнокалиберного пулемёта и кровавый след, стелящийся вокруг чёрной воронки. Вот он цвет нашей победы, равно как и нашего поражения, – грязь, гарь, кровь. И только снег стыдливо прикрывает и оправдывает нас перед природой.

По прилёту парни устало поплелись в расположение. Славок же, узнавший про бой, с готовностью отозвался на ремонтные работы и вот уже пару часов с удовольствием садиста ковырял мои внутренности.

– Ублюдочные духи, чему вас только учат, уродов. Вертолёт и тот подбить не смогли. Тупые бездари. Понтарылые волки свободной Ичкерии, – бормотал он, скаля своё и без того неприятное лицо.

– Что ты там ворчишь всё время? Слазь, я сам доделаю, – внизу стоял Василь.

Славок вздрогнул и выронил из рук молоток, который, стукнувшись об крыло, в аккурат отлетел и ударил его по ноге. Уж в такой мелочи я себе отказать не

смогла. Славок взвыл, со злостью пнул меня в бок, слез на землю и, матерясь, пошёл прочь.

– Задолбали! Доделывайте своё ведро сами! – и он быстро скрылся из вида в наступающем вечернем тумане.

Василь молча проводил его усталым взглядом, погладил меня по криво заклёпанной заплатке и вдруг уткнулся лбом в обшивку, по-мужски смахнув на вернувшуюся слезу. А потом подошёл Семён, спокойный, деловитый, без извечных шуточек, похлопал командира по плечу, и они быстро, как хорошие врачи, без боли отремонтировали пробоины.

А позже ещё долго сидели в кабине, пили коньячный спирт, думая каждый о своём и в то же время об общем, как будто втроём вели неспешную, внутреннюю беседу, понятную только нам, которую невозможно обратить в слова. Да и как можно высказать всё, что наболело, внутреннюю усталость, ощущения рядом бродящей смерти, бездарной и непутевой организации работы, неизменного предательства, продажности, зависти, тупости и повсеместной непроходящей глупости. А ещё какого-то щемящего ощущения в глубине души.

7

– Ноль шестой, Ноль шестой, поддержи огнём. Попал в засаду. Несу потери. Квадрат тридцать семь точка пятнадцать. По улитке – восемь.

– Принял. Держитесь. Скоро будем.

Я набираю обороты. Семён корректирует Милю. Мы спешим. В засаду попала разведгруппа майора Горвачёва, старого друга Василя. Подружились они ещё в Таджикистане, где дислоцировались рядом. Периодически встречались и в первую чеченскую кампанию. Жутко радовались друг другу и обязательно приходили в гости. Пили, жарили картошку, пели под гитару и всю ночь напролёт разговаривали, вспоминая тех, с кем сводили их фронтовые дела и дороги.

И вот теперь майору нужна была помощь. О предстоящей зачистке Василь знал, как, впрочем, знал, чьими силами она будет проводиться. Старые друзья встретились за пару дней до боевого выхода. Просидели полночи, но на этот раз не пели, а обсуждали предстоящую работу, подводные камни и возможность попасть в засаду на данном участке при утечке информации. И, судя по всему, информация утекла, как всегда, неизвестно какими путями. Их уже ждали. Бандиты были готовы и хорошо вооружены. Обманули дозоры, дождались, когда разведчики втянутся в труднопроходимый, сложный участок, и захлопнули огненный капкан. Группе приходилось тяжело. Горная местность, занятые боевиками высоты давали им преимущество и делали их практически неуязвимыми. Отойти вниз и укрыться в зелёнке тоже не получилось, так как при первой же попытке путь отрезали длинные пулемётные очереди хорошо замаскировавшихся духов. Засада была хорошо продуманна и подготовлена. Боевики, предчувствуя скорый конец боя и лёгкую победу, гортанно орали: «Аллах Акбар!» Разведчики в ответ огрызались взрывами гранат, автоматным и пулемётным огнём, но силы явно были не равны. Пока. Пока из-за отвесной скалы не вынырнули две хищные морды небесных крокодилов. Я всегда любила смотреть на лица людей

в такие моменты. Один из чеченов, обернувшись и не ожидая увидеть в такой близости вертолёт, выронил взведённую гранату себе под ноги, которая не замедлила сработать. А я уже крутила пулемётный барабан смерти, раздавая бесплатные билеты врагам на тот свет. Точечным ударом ракет присоединилась к этой музыке войны Миля. Среди боевиков началась паника. А по склону в унисон нам раскатисто неслось родное непобедимое русское «Ура!».

– Спасибо, братишки! – прохрипел в рацию майор. Он был легко ранен, но не переставал координировать цели. А мы уже были в запале боя, не ощущая ни усталости, ни собственной боли, ни боли врагов. Мы упивались и наслаждались местью, и в этом было какое-то необъяснимое удовольствие, которое мог понять и разделить только воин.

Миля заходила на очередной заход, включив АСО, действуя точно, как мы с ней отрабатывали, учитывая опыт применения штурмовой авиации в период Великой Отечественной войны, стараясь активно использовать манёвр «круг» при нанесении ударов по наземным целям. Суть его заключалась в том, что, подходя к заданной цели, ведущий группы боевых вертолётчиков наносил первый удар и, выполняя вираж, заходил в хвост ведомому, таким образом мы замыкали круг и прикрывали друг друга. Жаль только, что нас двое. Эх, развернулись бы, если б нас было три двойки! Но мечты, мечты.

Невольно я всё время приглядывала за Милей, с внутренним удовлетворением отмечая, что держится она уже уверенно и осмысленно. Ловушки яркими фейерверками разлетались в стороны, и мне от этого огненного дождя на душе становилось спокойней за нашу девчонку. У меня же ловушки кончились ещё в прошлый вылет, и взамен Василию ничего не дали, сославшись на нехватку.

И вдруг в самый разгар боя я явственно почувствовала кровь. Её металлический вкус ни с чем не спутаешь. Что это? Но понимание случившегося уже навалилось. Бронированное лобовое стекло и обшивка были прошиты пулемётной очередью. А голова второго лётчика безвольно упала на грудь, пробитую в нескольких местах. По лётному комбинезону расплзались бурые пятна. Кровь тонкими струйками стекала и впитывалась в сиденье.

– Семён, подожди, потерпи... – прошептала я, но тёплая человеческая кровь подсказывала мне, что всё уже поздно. Вы – люди – такие несовершенные. Вкус крови, вкус смерти впитывался в меня. И вдруг горе потери чего-то родного и любимого навалилось тяжким грузом. Рухнуло и придавило, сковав в спазме крика движок, резанув болью и разрывая внутренности. Хотя нет, не только горе.

В хвостовую часть попала ракета, выпущенная боевиками, которые, хотя уже и понимали тщетность своего сопротивления, но ещё огрызались, отступая, бросая своих убитых и раненых. Снаряд раздробил хвостовую балку, разбил винт и закрутил меня как раненую собаку, пытающуюся унять боль. Василь, поняв, что случилось, пытался сбалансировать вертолёт, вывести из крена и почти смог, когда второй удар опрокинул меня в противоположную сторону и на секунду лишил сознания. Вторая реактивная граната решила мою судьбу. Из этой передрыги мне не вытянуть – это понимание с удивительным спокойствием пронеслось во мне. Да и желания бороться уже не было. Осталась только боль,

острая, колючая душевная боль, которая затмила боль физическую. Сенька-Семэн, мой человеческий друг, который часами возился со мной, что-то подкручивая и налаживая, который разговаривал со мной, делясь своими радостями и бедами, переживаниями и мечтами, душа компании, но по-своему очень одинокий, был мёртв. И внутри меня всё было раздробленно, убито. Вкус человеческой крови смешивался с едким запахом перебитой проводки: витающая рядом смерть объединяла нас.

– Все вертолёты попадают в рай. Правда, Семён...

Я вздохнула, покрепче притянув ремнями к креслу убитого лётчика, будто обняв его.

Только одно ещё удерживало меня в воздухе. Кинув прощальный взгляд на семейную фотографию командира, я вдруг сделала то, что по нашим неписаным законам не имела права делать. Но война иногда стирает многие запреты. Почти рывком, на разбитых лопастях вытянула до скалистого уступа и без сил рухнула на него.

Со скрежетом и грохотом запрокинулась на бок, целенаправленно вырывая о зубчатые камни правую дверь лётчика и выламывая под силой падения часть фюзеляжа вместе с креплением кресла командира, и, уже не цепляясь ни за что, сорвалась с обрыва. Двигатели, разбитые ракетой, не работали, но обломанный несущий винт медленно вращался, разворачиваемый воздушными потоками, закручивая меня в штопор.

Я падала, заметив напоследок, как кружится на пронзительно синем фоне неба Миля, в остервенении расстреливая врагов, мстя за меня, за первую потерю в её жизни. В ней было столько горькой, но гордой силы и особой боевой красоты, что я невольно улыбнулась. А потом был удар и яркая вспышка взрыва.

8

Василь на секунду пришёл в себя, ничего ещё не понимая, ощутив лицом холод снега, и очень этому удивился, но осознать не смог, снова провалившись в забытье. Второй раз он пришёл в сознание, аккуратно поддерживаемый майором Горвачёвым, взгляделся ему в лицо и вдруг сразу всё понял. С трудом поднялся, стянул с головы шлем и, шатаясь, подошёл к краю скалы, зажимая рукой рот от крика, стона, нечеловеческого воя, пытаюсь проглотить застрявший острый, разрывающий горло ком. И до боли в воспалённых глазах вглядывался вниз, где в зимних сумерках среди камней, вздыбленной земли и растаявшего снега догнали его вертушка Ми-24В и его боевой товарищ, второй лётчик, штурман, жизнерадостный и никогда не унывающий Сенька-Семэн. И на долю секунды ему вдруг захотелось оказаться там, в глубине скального мешка, внутри этого пылающего вертолёта, и лишь крепкая рука майора задержала его от этого порыва, придержав за лётный комбинезон.

– Тебя дома ждут, – прохрипел он сорванным голосом.

И Василь отпрянул от манящей глубины. Обессилено осел на землю, привалившись на плечо друга, и глубоко затянулся протянутой сигаретой, хотя давным-давно уже не курил.

Константин ОБУШЕВ

Доктор Шелест

Воспоминания – интересное явление, состояние человека. Они накатывают порой неожиданно, захлёстывая бурной волной с пенными гребнями фантазий, приукрашивающих реальные события. Чем больше времени прошло, тем больше эти белые водяные барашки шлифуют череду совершённых поступков, убирая неудобные моменты или пряча, зашлифовывая их в гладкий камушек, который так красиво искрится на солнце после откатившегося прибоя. Или же, наоборот, бодрым течением чистого ручейка памяти воспоминания обнажают всё до мельчайших подробностей, заостряя внимание человека и увеличивая через призму его совести моменты, за которые порой становится стыдно.

А есть ровные воспоминания, без прикрас и излишнего самобичевания, одним из которых я и хочу поделиться с вами.

Командировки нашего СОБР на Северный Кавказ к 2001 году слились в одно единое событие, которое ежедневно, ежечасно формировало коллектив, притирая каждого к остальным и остальных к каждому, работало на определение тактики действий в тех или иных сложных условиях выполнения поставленных боевых задач, но самое главное – позволяло в полном объёме сотруднику, человеку взглянуть на себя со стороны, понять, кто он и зачем оказался именно в это время и в этом месте.

Были и такие, кто не понимал необходимости своего нахождения здесь и сейчас. Нет, это была не трусость или желание уйти на второй план при возникновении сложных ситуаций. Люди не могли себе дать ответ на вопрос «зачем?». Их было сразу видно. И по приезде домой они уходили.

Но время и события делали своё дело. Наше отделение СОБР стало сплочённым, понимающим друг друга по взгляду и уверенным в каждом. Я ловил себя на мысли, что находиться в командировке вместе со своими боевыми товарищами стало настолько комфортным, что и бытовые, и служебные задачи были в радость.

Организация бытовых условий и поддержание их на должном уровне является немаловажной задачей в боевых условиях.

Человек привыкает ко всему. Даже вне полевого лагеря – на временном привале, на позиции или ночлеге на местности – самое главное создать условия, при которых есть возможность обогреться, приготовить пищу и отдохнуть в сухости и тепле. И сразу мир вокруг становится простым и понятным. Но организация быта, помимо обустройства позиций по охране и обороне места пребывания, занимает много времени. Если это не делать, то и боевые задачи выполнять будет сложно. Лениться в этом вопросе нельзя.

Опыт и сплочённость нашего коллектива позволяли в кратчайший срок при организации лагеря на месте стоянки обустроить ночлег и приготовить пищу,

при этом сразу приступив к несению службы по обороне пункта временной дислокации. Всё было отлажено до мелочей: и установка армейской палатки с печкой, и приготовление обеда, как правило очень вкусного, на свежем воздухе, состоящего из блюда, от которого каждый раз исходил такой приятный запах, что, казалось, нет ничего вкуснее на свете, и подготовка позиций для обороны места базирования.

Однажды перед очередной командировкой нам представили нового сотрудника – врача нашего отряда, который вместе с нами направлялся в Чеченскую Республику. Круговерть подготовки, погрузки и переезда к месту не дала возможности приглядеться к нему. Мы знали, что его зовут Олег, фамилия Шелест, майор. Он планомерно готовил медицинское имущество, активно принимал участие в погрузке общих вещей и очень скромно себя вёл на протяжении всего пути. Лишь потом я понял, что скромность – его отличительная черта.

Олег окончил военно-медицинский факультет при Куйбышевском медицинском институте, служил во внутренних войсках, к нам пришёл с должности начальника медицинской службы в отряде специального назначения «Витязь», в составе которого неоднократно бывал в служебных командировках, реально участвуя в боестолкновениях с террористами и бандитами на Северном Кавказе. Оперировал даже в поле, спасая жизни ребят.

Однажды, когда мы уже сработались, подружились, он поведал мне, что очень переживает за тех, кому не удалось помочь, чувствует угрызения совести. Рассказал, что приснился ему сон, будто парень, который погиб у него на руках, пришёл к нему и сказал: «Олег, не переживай так, ты сделал всё, что мог. Спасибо тебе». И Олегу стало легче.

А сначала я смотрел и удивлялся, сколько же в докторе энергии и жажды деятельности. Он просыпался раньше всех, обливался на морозе студёной водой, после чего лёгкое облачко отделялось и парило над ним, довольным и улыбкивым, делал физические упражнения. Постоянно готовил медицинское снаряжение, проверял лекарства и инструменты, что-то улучшал, дошивая полевые матерчатые носилки, которые всегда были приторочены к его рюкзаку. Готовился к различным ситуациям, где нужна его помощь.

Весть о том, что у нас есть хороший доктор, облетела группировку. К нему шли и солдаты, и офицеры войск, другие сотрудники МВД, что были поблизости и которым была нужна его помощь – помощь врача. Шелест никому не отказывал, хотя своих дел у него было много. Всех лечил. Да и у нас возникало чувство какой-то защищённости. Мы знали, что с нами Док.

Как-то мы ушли в составе военной колонны выполнять служебные задачи в горную местность, в район населённых пунктов Галсанчу, Ялхой-Мохк. Работали весь световой день и под вечер вновь погрузились на военную технику, готовую совершить марш обратно на базу.

Уже начинало темнеть. БТРы и БМП с десантом на броне, военные грузовики стояли с заведёнными двигателями, выдавая в чистый вечерний горный воздух сизые клубы выхлопных газов от мощных моторов. Пахло соляной кислотой.

Из-за поворота вышел мужчина, житель горного села, похожий на всех чеченцев – крепкий, черноволосый, с уверенной походкой. Подойдя к машинам,

спокойно спросил, есть ли у нас доктор, рассказал, что у него больна дочь, и попросил помочь с лечением.

Вместе с доктором направили меня и ещё двух ребят. Немного пройдя, мы оказались на окраине села. Подошли к ближайшему дому. Я с доктором вошёл следом за хозяином, внимательно оглядывая каждый угол в готовности пресечь нежелательные действия в нашу сторону. Ребята остались контролировать ситуацию снаружи.

Дом был небольшой, буквой «П» – обычный для этих мест. В одной из комнат, куда мы зашли, находились несколько детей, две женщины. У одной молодой обитательницы дома на руках лежала маленькая девочка, которая, взглянув на вошедших новых людей, повернулась к матери и уткнулась ей в грудь.

«Вот моя дочь, – сказал чеченец, – ей полтора года. Посмотрите, что с ней? Уже месяц ручка болит». Я увидел, какими внимательными стали глаза Олега, как он внутренне собрался, уже на расстоянии изучая ребёнка. Врач стоял перед нами. Осмотрел девочку, перепроверив всё несколько раз. Шелест сказал родителям, что у их дочери была травма плеча, но незначительная, и что он всё вправил на место. Док достал из своего медицинского рюкзака лекарства, передал их женщине и написал, как давать ребёнку. Наложил повязку на ручку и плечико. Объяснил отцу, что желательно в ближайшее время спуститься на равнину и показать дочь врачам в медицинском учреждении. Все домочадцы с благодарностью смотрели на Олега, в комнате была тишина.

Мы вышли, дойдя до своей машины, устроились на броне. Двигатели взревели, газы из сопел повалили мощными клубами и заволокли всё вокруг. Но из-за поворота показался опять тот же чеченец. Он очень быстро шёл, переходя иногда на бег. Поравнявшись с нашей машиной, взглянул вверх, отыскал глазами Дока и протянул ему стеклянную банку компота и две лепёшки – такие пекли в горных селениях. Олег стал отнекиваться.

«Возьмите, спасибо вам от чистого сердца», – сказал мужчина, всучив Шелесту подарок. Благодарность была в глазах отца. Мы понимали, что здесь, высоко в горах, каждая лепёшка на счету, тем более в такое трудное время. Мы достали из рюкзаков кто тушёнку, кто сгущённое молоко, собрали всё в пакет и передали мужчине.

Всю дорогу до базы доктор Шелест сидел на броне БМП, держа в одной руке банку компота, в другой две лепёшки, завернутые в тряпицу. Улыбка изредка мелькала в уголках его губ. Мы похлопывали его по плечу, шутили, но Олег думал о чём-то своём. Он был доволен, что помог людям. Он – военный врач, многое повидал за свою службу, но у него в груди было большое сердце, которого хватало на всех.

Я часто вспоминал этот случай: и чеченскую семью, и колонну в вечернем сумраке, и Олега – военного врача с доброй улыбкой на лице.

И эти воспоминания были спокойными и ровными, рисовали картину человеческих взаимоотношений, помощи друг другу и давали уверенность в том, что всё наладится. И наладится именно благодаря таким людям, как доктор Шелест, в котором удивительным образом образовался союз доброты и бескорыстности, русского терпения и верности долгу, профессии, воли к победе.

Охота на призрака

Колонна вышла из Моздока рано утром, когда заря только окрасила небо багряными красками. Старшим в дороге был назначен командир отряда. Когда остался позади последний осетинский блок-пост и машины въехали на чеченскую землю, в небе зависла вертушка. Она бороздила облака, то улетающая вперёд, то появляясь откуда-то сбоку. С ней было спокойнее. Но, несмотря на прикрытие сверху, бойцы, сидящие в кузовах автомобилей и на броне бэтээров, ошетинились в разные стороны стволами автоматов.

Отары овец паслись на невспаханных полях, иногда лениво поглядывая на растянувшуюся на несколько километров по дороге и пылящую почём зря «гусеницу». Когда подъехали к перевалу, колонна остановилась.

Командир отряда – полковник Макеев, немногословный русоволосый великан, – выпрыгнул из кузова. Он внимательно осмотрел окрестности. Впереди притаилось узкое ущелье, справа от которого ниспадал небольшой водопад с пенящимся каскадом. Две горы, поросшие седыми мхами, возвышались по обеим сторонам, как старухи. Макеев кивнул взводному Карташову.

– Валер, назначь в пеший дозор семь человек, пусть прочешут вон ту высоту и ущелье, – он показал Карташову пальцем. – Как только взвод перейдёт на ту сторону ущелья, доложат по рации, что путь свободен. Вертушка их сверху прикроет, если что.

И он отвернулся с тем, чтобы достать носимую радиостанцию и связаться с летунами.

Небольшое село Кара-Юрт прилепилось к горному хребту. Несколько десятков домов, две длинные улицы и бахча. Вот и всё село.

– Константин Иваныч, – командир отряда, который меняла команда Макеева, разливал по алюминиевым кружкам горячий крепкий чай, – особенно ничего примечательного в округе нет. Я так понимаю, отряды здесь выставлены лишь для того, чтобы перекрывать горную тропу. По этой артерии караванами доставляют на Кавказ оружие, наркотики и деньги для осуществления терактов. Жить будете в палатках, мы их вам оставляем. Пищу придётся готовить самим. Кухня походная тоже есть. Посты выставлены по периметру села, два выносных. Секреты и засады будете выставлять по мере надобности. С электричеством у нас перебоев не было.

– А как местное население? – Макеев прихлёбывал пахучий чай вприкуску с кусочком твёрдого прессованного сахара.

– Местное население вроде бы ничего. С понятием, – майор улыбнулся. – Взаимоотношения довольно терпимые. Только если твои бойцы ко-

сячить не будут. Спиртным здесь не торгуют, да и не принято это у них. С главой администрации сами познакомитесь. Неплохой джигит. Хлеб пекут две женщины – мать и дочь. Цены не загибают. Дочь – красавица, но кадрить её не советую: ваххабитская вдова. Ну вот вроде бы и всё.

– Ну тогда счастливого пути, майор, – Макеев крепко пожал коллеге руку.

– Да, совсем забыл, Иваныч, – и майор понизил голос, – завёлся у нас тут недавно диверсант.

– В смысле?

– Ну гадит нам кто-то и по-мелкому, и по-крупному.

– Из местных?

– Я думаю, что да. Больше некому. Места знает хорошо. То растяжку поставит на тропе, то наши переставит. Подстрелил часового неделю назад. Ранение пустяковое, но всё-таки. И везде оставляет волчьи следы, иногда клочок шерсти. А в прошлом месяце подрывал машину из комендатуры: один двухсотый. Так повесил на ветку волчий зуб. Заметили, конечно, не сразу: на чёрной нитке висел.

– Чёрная кошка?

– Да я так думаю, что он об этой кошке и слыхом не слыхивал. А, и записку нам подбросили как-то. На, гляди.

Макеев развернул смятый листок, который ему протягивал майор. На тетрадном листке в клеточку было нацарапано: «Руски ухады, а то тебе месьт Кара Борз».

– Ого! И как понимать это? – Макеев смотрел на майора сверху вниз.

– Ну место называется Кара-Юрт. Что означает «чёрная юрта».

– С этим можно поспорить: Юрт переводится с тюркского и как пастбище, и как место, жилище, и даже как Родина.

– Вот видишь, Иваныч, ты сам мне лекцию об этом прочитать можешь. А Кара Борз – это «чёрный волк». Волк вообще у них – священное животное.

– Понятно, – Макеев задумчиво поглаживал подбородок.

– Бывай, товарищ полковник. А с «волком» этим поосторожнее. Береги ребят. Думаю, недельку по горам порыскаете и найдёте этого Борза. Слишком уж он и вправду оборзел, – и майор сам рассмеялся своей шутке.

Первый звонок прозвенел ровно через неделю. Старшина первого оперативного взвода рано утром подрывался на противопехотной mine. Парня сильно посекло осколками, и его сразу же отправили в госпиталь «Северный» вертушкой.

Макеев срочно собрал офицеров в штабной палатке.

– Кто стоял ночью на первом посту? – Макеев внимательно разглядывал командиров двух взводов.

– Сержант Разов, товарищ полковник, – командир первого взвода лейтенант Дроздов не поднимал глаза на командира, как будто он и был виноват в случившемся.

– Давай его сюда, Дроздов!

Лейтенант молча поднялся и вышел из палатки, махнув брезентовой полкой.

– Какие мысли у других будут? – командир достал из кармана пачку сигарет и, чиркнув зажигалкой, закурил.

– Старшина за водой пошёл, – на полковника поднял взгляд капитан Старков, – колодец в пятидесяти метрах от расположения отряда...

– Это нам известно, – Макеев перебил капитана. – Короче, Склифосовский...

– А тропа только одна, – невозмутимо продолжал Старков. – Примерно в тридцати метрах от ПВД прямо на тропе стояла монка. Сработала на движение. Причём поставили её сегодня ночью, в этом никакого сомнения нет. Вокруг крупные волчьи следы.

– Волчьи? – вступил в разговор врач отряда Корнев. – А почему ты так думаешь? Может, собачьи?

– Волчьи, Владимир Андреевич, – продолжал Старков и поднял глаза на доктора. – Я их с другими не перепутаю. Дядька у меня в лесничестве работал. Порою лес обходили с ним по несколько десятков километров. И причём как будто вожак кружил: они так дичь загоняют. Волчьи, это точно.

Разговор прервался, потому что в палатку, подталкиваемый сзади взводным, кряхтя, заходил крепкий черноволосый сержант. Он ошалело огляделся по сторонам, зайдя со света в полумрак. Затем нашёл глазами командира и встал по стойке смирно.

– Разов, доложи-ка, мил друг, как службу ночью нёс? – Макеев пристально разглядывал сержанта.

– Да вроде бы всё как всегда, товарищ полковник, – засопел сержант.

– Ты давай не темни, – подал сзади голос взводный, успевший по дороге расспросить часового, – рассказывай, как мне говорил.

– Да под утро заморочило меня слегка, – неуверенно продолжал Разов.

– Заморочило? Это как же? Закемарил? – Макеев стряхнул пепел с сигареты.

– Может и закемарил, командир. Но только показалось мне, что на тропе, что к колодцу ведёт, ну на той самой, призрак появился.

– При-и-и-зрак? – протянул Старков.

– Призрак, – в голосе сержанта появилась уверенность, и он перевёл взгляд на капитана. – Белый силуэт, как человек вроде. Призрак – кто же ещё? Мелькнул и пропал. Я совсем уж было собрался дежурному по рации доложить, да подумал – померещилось. Луна спряталась как раз. Я и думаю, ветки от платанов в тень попали. И захороводили. И главное – ни звука, ни шороха. Только тени от платана на том месте. Знать бы, что так вот случится.

– Эх, Разов-Разов, – Макеев поморщился, – если бы доложил по команде, как положено, не улетел бы твой боевой товарищ в госпиталь.

– Да я и сам понимаю, товарищ полковник, – Разов сморщился и заморгал глазами. – Подумал, померещилось. Да и, стыдно признаться, побоялся: на смех меня ребята поднимут...

– Да какой уж тут смех, тут плакать надо. Иди, сержант, неси службу, – Макеев бросил сигарету на земляной пол, придавив окурок каблуком армейского берца.

Когда Разов вышел из палатки, Макеев быстро и в деталях передал офицерам рассказ командира предыдущего отряда про Чёрного Волка и даже записку показал. После чего в палатке повисла тяжёлая пауза.

- Может, и в правду показалось сержанту? – доктор нарушил молчание.
- А мина? – поднял на него взгляд командир второго взвода Карташов.
- Да стояла она тут может не одну неделю, а старшина наш только сегодня на неё наткнулся.

Старков молча рисовал прутиком на земле узоры, потом бросил ветку через левое плечо и повернулся к врачу.

- Исключено, Владимир Андреевич, мы с сапёрами каждую пядь вокруг просмотрели. Монку сегодня ночью поставили.

– Разову простительно, док, он в первый раз на Кавказ приехал, – Макеев тоже смотрел на врача, от чего тот поёжился. – А тебе, стреляному воробью, стыдно в призраков верить. Завтра у нас по горам да ущельям белые кони в кроссовках поскачут. Это, Владимир Андреич, тот самый Чёрный Волк, который нам мстит.

- Неуловимый Джо, – осклабился Карташов и зло сплюнул под ноги.
- Так тот никому не нужен был, Валера. А этот нам нужен. Ой, как нужен. Это он только начал, вкус крови почувствовал, – продолжал Макеев. – Значится так, командиры взводов будут у нас заниматься службой, ты, док, своими вопросами. А к тебе, Саша, – и тут Макеев просто посмотрел на Старкова, – у меня будет особое задание. Даю тебе две недели, чтобы извести этого призрака. Об этом будем знать только мы пятеро. Попрошу товарищей офицеров об этом никому ни гугу. А то вся операция потеряет смысл. Что и как, это мы все вместе прикинем. Докладывать о результатах будешь лично мне каждый вечер. Понятно?

- Есть, – просто сказал Старков.
- Вот и ладно. На хитрую задницу найдётся прибор с винтом. Достанем мы этого Кара Борза.

Весь день Саня Старков ходил как потерянный. Он что-то шептал, шевеля губами, размахивал руками, чертил пальцем в воздухе знаки, а иногда, резко развернувшись, шёл в другую сторону.

Вечером он решительно входил в командирскую палатку.

- Я вот что думаю, Иваныч, если это кто-то из местных, то их от меня отвлечь надо. Чтоб думали, что я казачок засланный. Может быть, найти ребят, недовольных порядком сегодняшним? То да сё, поговорить с ними, что хотел бы в горы уйти, стать настоящим джигитом...

– Не получится, – Макеев снова достал из кармана пачку сигарет и принялся щелчком выбивать одну из них, – времени у нас мало. Горцы – народ осторожный. Это тебе тут пару годков пожить надо.

- А что если, – вступил в разговор Корнев, – сделать из нашего Сани пьяницу горького?

И Макеев, и Старков выпучили на доктора глаза и даже не сообразили сперва, о чём это он. Первым в себя, как ему и полагается, пришёл командир.

- Вот это ты, Андреич, выдал! Не пойму я, про что ты?

– А вот про что, – и Корнев хитро сощурился. – Ты же говорил, местные не пьют. Спиртного, я имею в виду. Так?

– Ну так. И чего?

– А если наш офицер постоянно будет пьяным – на улице, в кафе сельском – везде, короче. Они по-любому к нему будут относиться по первости враждебно, а потом рукой махнут – мол, никчёмный человечешко – и бдительность потеряют.

– И чего мне каждый день горькую пить? – вступил в разговор капитан. – Так сопьёшься раньше времени.

– Не обязательно, – повернулся к нему доктор. – Ты что пьяного изобразить не сможешь? Не валяться на улице, конечно, а так – вести себя не вполне адекватно.

– Так-так, понимаю... – теперь уже заулыбался Макеев. – Но я же говорил, горцы народ внимательный и очень осторожный. Могут не поверить...

– Поверят, – хлопнул себя ладошкой по ляжке Корнев. – Я тебе, Саня, такие капли дам: зрачок будет, как у совы, во весь глаз. А под губу нижнюю ватку будешь класть, спиртом смоченную. Разить от тебя сивухой будет за три километра. И вот в таком виде садишься ты в чайхану, в руках у тебя фляжка, ну или бутылёк за пазухой. Ты знай – из неё прихлёбывай да отключайся время от времени. Через эту чайхану, почитай, все местные мужики проходят. Может, что и услышишь, может чего и увидишь...

– Есть одно но, Андреич, – усмехнулся Старков, – языками не владею...

– А вот тут ты не прав, – в свою очередь перебил его командир. – Здесь с десятков национальностей живёт. Родные языки порою не похожи один на другой в корне. Язык общения для них – русский. А это нас полностью устраивает.

– Ладно, – Старков разминал ноги от неудобной позы, в которой так и застыл с самого начала разговора. – Раз совет в Филях постановил, значит, превращусь в никчёмного и потерянного для общества человека. Только как бы кто из своих не прибил.

– Об этом не беспокойся. По ночам будешь выходить в свободный поиск. Обо всём будешь докладывать по окончании каждой засады, Саша. Примечай всё, даже самые, как тебе кажется, мелочи. Одна голова хорошо, а две или даже больше, – тут он одобрительно посмотрел на Корнева, – лучше. Будешь брать с собой только самое необходимое: фонарик, карту, рацию носимую, два боекомплекта. Да чего я тебя учу, не первый год ведь замужем.

– Понял, командир, – Старков, скинув с себя сомнения, мучившие его весь день, потихоньку наполняясь азартом, как собака перед охотой, – всё необходимое возьму. Подумаю над этим хорошенько. Только рация не нужна: может заскрипеть в самый неподходящий момент. Если услышите звуки боя, подскочите меня прикрыть. Волк этот поблизости всегда, вот и я буду пасти его. Постараюсь быть либо на шаг впереди, либо за его спиной. И боекомплект один. Хватит. Брать буду только калибр 5,45, несколько эфок и один рожок с трассерами. Если возьмут меня в клещи, вдруг этот перец не один работает,

трассерами покажу направление при вашем подходе, – и Старков вопросительно посмотрел на Макеева.

– Согласен. Добро, – на секунду задумавшись, сказал тот.

Солнце потихоньку пряталось за горы. Их вершины, покрытые снежными шапками, сыпали вниз снежную крупу, превращавшуюся в лёгкую дымку.

Из села потянуло запахом сгоревшего кизяка. Саня тенью промелькнул мимо караулов, выставленных по периметру военного лагеря, и, сторонясь дороги, свернул в частые посадки из невысоких деревьев.

«Сначала обойду кишлак – посмотрю, кто чем дышит. А потом прочешу близлежащую местность», – сказал он сам себе и сразу испугался. Ему показалось, что сказал это вслух. Но вокруг царила тишина и умиротворение, природа засыпала на время прохладной южной ночи. Лишь со стороны села слышались звуки, характерные для мест, где живут люди: мычание коров, кудаханье кур, плач ребёнка.

Эти звуки успокаивали Саню, настраивая на спокойный лад, будто и нет никакой войны. Но он, сбросив оцепенение, настроился на рабочее настроение.

Прокравшись вдоль деревьев, прилегающих к окраине Кара-Юрта, он занял удобную наблюдательную позицию. Пролежав минут двадцать, он поднялся повыше и, найдя на горе небольшую площадку, подстелил под себя коврик снайпера, достал ночник и принялся внимательно осматривать село.

Схему села нарисовал ему прапорщик Колесниченко. Серёга Колесниченко был давнишним приятелем Сани. На плечах Серёги лежали очень непростые и нужные в командировке обязанности – кормить личный состав подразделения. И, надо заметить, справлялся с этими поручениями прапорщик мастерски.

На какое бы место и в какое бы время года ни приехал отряд, Серёга на второй день обзаводился нужными знакомствами, так как от природы был весёлым и контактным парнем.

Вот и здесь, в Кара-Юрте, через неделю все местные жители уже приветливо здоровались с ним.

Первый час ничего примечательного Саня не заметил. После двух часов ночи, когда село полностью уснуло и луна стала прятаться за перистыми облаками, подмигивая бойцу то левым, то правым глазом, он услышал, как стукнула калитка.

Из дома вышел человек. Он огляделся по сторонам и уверенно зашагал по дороге в сторону зелёнки.

Саня быстренько скатал коврик, прицепил к ремню, взял автомат на ремень и крадучись последовал за неизвестным. Человек нёс в руках вещмешок, шёл уверенно и даже непринуждённо, по сторонам не смотрел и наверняка знал цель своего похода. Саня бесшумно крался по обочине дороги, метрах в трёх, то пригибаясь к земле, то передвигаясь короткими перебежками.

Дорога поюлила по перелескам и начала карабкаться в гору. Здесь пришлось поубавить пыл, так быстро перемещаться уже не получалось: мешали камни, на которые время от времени натыкались армейские берцы.

Человек бодрой походкой продолжал свой путь, пока не вышел на горную поляну. Вокруг костра сидели чабаны и кипятили чай. В нос Сани сразу ударили запахи крепкого чая и табака.

Кавказская овчарка, лежавшая у костра, подняла голову, принялась, лениво встала и поплыла в сторону разведчика. Саня, чертыхаясь, встал на ноги и быстренько ретировался. Встречаться нос к носу с охранником овечьих отар в его планы не входило.

– Ну, рассказывай, военный, чего ночью видел или слышал, – Макеев расположился на кресле, сделанном из зелёных армейских ящиков из-под гранатомётных выстрелов.

– Ничего особенного, Иваныч, чабан сегодня ночью попутешествовал слегка.

– А чего-нибудь необычного не заметил в его путешествии?

– Проводил его до лугов, посмотрел на жизнь простых чабанов. Потом, правда, с собачкой в прятки пришлось поиграть, но сыпнул на тропу табаку – она интерес ко мне потеряла. Потом ещё с часок понаблюдал – и до дому. Через час рассвело.

– Ну так чего сказать тебе, Саня? Быстро только кошки родятся. Продолжай наблюдение. С твоим «разложением» денька три подождём. Можешь отдыхать.

Саня вышел из штабной палатки и отправился к своему другу Серёге Колесниченко.

Пункт временной дислокации жил своей жизнью. Взвод Карташова отрабатывал вводную – подъём по тревоге и выдвижение на позиции в случае нападения на ПВД или обстрела. Дымила походная кухня, бойцы, переговариваясь, шли за водой, часовые вглядывались в окрестности, а около палаток нахально паслась местная корова, иногда кося глазом на людей в камуфляже.

– Здоров, Серёга, – Старков присел рядом со старшиной.

– И тебе не хворать, – тот невозмутимо чистил картошку, пряча в уголке рта беломорину.

– Ничего не слышать в нашем дворе и его окрестностях?

– Пока вроде Бог милует, – Колесниченко понизил голос. – Насчёт задания твоего, Саня... Откровенных боевиков в селе нет. Все в горах. Приходили зимовать, да как солнышко пригрело, опять воевать отправились. Мадина, это которая нам хлеб печёт, и вправду вдова ваххабитская, но она, на мой взгляд, на такие штуки не способна, жидковата...

– Думаешь?

– Я их, знаешь, сколько повидал. Думаю не она это. Дальше чабаны – люди в селе по горским меркам не бедные. Отары у них большие. Овцы – продукт стратегический, можно сказать, единственный жизненно важный. За ними уход нужен, тут не до баловства. Земля здесь никудышная. В огородах – сам видел – айва да дыни иногда. Остаётся наш глава поселения, чайханщик и ма-

лый один. Он вроде как пришибленный слегка. Во время первой войны ещё контузило его прилично, вот крышу у него и сносит время от времени.

– Это как?

– Да, говорят, находит на него: может в горы убежать, его потом с фонарями ищут, то орать начнёт сутками напролёт. Для него родные клетку деревянную соорудили. Вот и сажают его под замок иногда. А он орёт как потерпевший да прутья от клетки грызёт.

– Понял, старшина. Спасибо тебе. Присмотрюсь. Может, упустил кого?

– Может и упустил, Сань. Народу, вроде, в селе не так уж и много. Понаблюдаю ещё. Приходят людишки. Кому инструмент напрокат нужен, кто молоко на сахар меняет. Попытаю...

– А народ-то к нам как, ну, настроен вообще?

– Да по-разному. Но откровенно никто власть не хает, осторожничают, да и открыто нас приветствовать побаиваются. Хотя в одном все сходятся: при нас порядка и закона побольше. Горцы – народ справедливый.

Саня Старков второй день «разлагался» в чайхане. Расположившись на циновке, он заказывал себе чай, время от времени подливая в пиалу пойло, доставая бутылку из-за пазухи. Спирта в ней было немного – в основном вода, но разило сивухой за километр.

Чайханщик Ваит вначале только морщился. В чайхану люди в первый день вообще не заходили. Косились недовольно на русского пьяницу и, перекинувшись парой фраз с хозяином, уходили.

На второй день Ваит нашёл компромисс. С русскими ссориться было не в его планах: заходили они часто и заказывали много. Чайханщик перенёс Санину циновку в дальний угол (была бы его воля, отгородил бы это место частоколом), но и этого хватило. Местные вернулись. Садились за чаепитие, разговаривали, смеялись. Но потом перестали обращать на Саню внимание, только морщились от запаха спиртного.

Саня в разговоры не лез, да и разговаривать с ним никто не стал бы. Пользы от его сидения на Шипке пока не было никакой. Разговоры были о погоде, о дождях, о заболевшей корове, об урожае айвы – короче полный порожняк.

– Ваит-джан, налей ещё чайку, пожалуйста, – Саня приоткрыл сначала правый, потом левый глаз.

Чайханщик уже нёс ему пузатый чайник, затем ловко убрав со стола пустой, поставил перед ним новый.

– Зачем пьёшь, Саня?

– Так жизнь такая, Ваит, не мы такие. Что ж ещё тут делать? Скука.

– Может, тебе манты или шашлык? А то не кушаешь совсем, только пьёшь водку свою, – Ваит поморщился. – Одна женщина спрашивала уже: что этот русский тут водку пьёт, у него дома, что, не продаётся?

– Насмешила... Конечно, продаётся. Нет, доттагла, есть не хочу совсем.

– Ты хороший воин, Саня, хороший джигит. Зачем пьёшь только, не пойму.

– Да я и сам не знаю.

– Ты перестань, Саня. Надо домой вернуться. А пить будешь – горы этого не любят. Останешься здесь. Навсегда останешься.

– Может, ты и прав, Ваит. Буду помаленьку прекращать.

– Вот и молодец, – Ваит, довольно улыбнувшись, уже отходил от него.

Старков, постучавшись о деревянную стойку, стоял на пороге командирской палатки.

– А, заходи, Саня. Похмелить?

– Хотя ты не подкалывай, командир, – Саня, откинув полог, зашёл и сел напротив Макеева.

Тот разглядывал карту, иногда делая на ней пометки красным карандашом.

– Ну рассказывай, – командир отодвинул карту и ловко закинул карандаш в гранёный стакан.

– От чайханы пока результатов никаких. Правильно ты говорил: местные – народ осторожный и внимательный. Информации больше от Колесниченко. Он слово заветное знает, наверное. Ему горцы душу готовы раскрыть.

– А ночные вылазки как?

– Прошерстил окрестности вдоль и поперёк. Результата пока ноль.

– Ну этого и следовало ожидать. Волк этот осторожный. Он после каждой вылазки затаиться должен. Это мне и предыдущий командир говорил. Хитрый и очень осторожный противник. Ты продолжай поиск, Саня. Не останавливайся. Снайпер как работает, знаешь?

– Знаю, командир. Сутками цель высидивает.

– То-то и оно, капитан. А тут цель сложная, неделями вокруг неё ходить надо, а может и месяцами. Но ты тоже не пальцем деланный. Мне про твою службу в Таджикистане кое-что тоже поведали. Занимайся, Саня.

Ночью Саня устроил лёжку под огромным раскидистым дубом. Тот стоял на сопке, и окрестности просматривались очень хорошо с трёх сторон. С четвёртой мешала зелёнка. Пока село ещё не уснуло, Старков решил пораскинуть мозгами. Иногда, всем давно известно, это очень полезно. Он опять взял в руки прутик и уселся спиной к стволу дерева.

– Ага, так и запишем. Чайханщик Ваит – фигура в селе известная. Днём он всё время на виду, человек уважаемый. В чайхане ему помогают два сына-подростка и старуха. Свой дом довольно неплохой, недалеко от рабочего места, значит. Продукты для чайханы привозит ему старик на мотоцикле с коляской. Два раза в неделю привозит. А вот ночью? Что делает чайханщик ночью? Хотя если весь день как белка в колесе крутишься, какие ночью приключения? Ночью спать надо!

Саня отломил от прута веточку и положил на землю.

– Номер два – сумасшедший Лом-Али. А может, он только прикидывается умалишённым? Сделает дело – и орать как резаный начинает? Хотя так светиться настоящий Волк не стал бы. Ну так или иначе со счетов его сбрасывать пока не будем...

Он опять обломил веточку и положил рядом с первой.

– Номер три – глава поселения. Скорее нет, чем да. В разъездах всё время, опять же на виду. Кто-нибудь что-нибудь увидел или услышал бы. Да и пре-

дыдущая смена хороводила тут по этому призраку. Если только сообщник или один из сообщников...

Третья веточка легла на поляну рядом с двумя предыдущими. А прут полетел через левое плечо.

Со стороны села потянуло дымом. Он вначале поднимался вверх, а затем рассеивался от дуновения прохладного ветерка и стелился по траве.

«Кизяком топят», – Саня шмыгнул носом.

Над горами взошла луна – круглая и жёлтая, как апельсин, какие бывают только в детстве.

Капитан взялся за цевьё автомата, чтобы переложить его поудобнее, и вдруг почувствовал, как по телу побежали мурашки. В воздухе повисло напряжение, и даже звуки на секунду затихли. С той самой – непросматриваемой – стороны зелёнки что-то уже происходило, но что – этого Саня пока не понял. Он на долю секунды замер, и тут же ему в нос ударил резкий и неприятный запах то ли слежавшейся шерсти, то ли псины. Капитан поднял глаза и оцепенел. Слева метрах в трёх в лунном свете стояли два волка, стояли и спокойно рассматривали Саню в упор. Появились они бесшумно, как будто выросли из-под земли. Один – крупный лобастый вожак – чёрного окраса и поменьше – серый с подпалинами – матёрый.

Глаза волков светились в полумраке, как горящие угольки.

«Сколько раз по следам вашим ходил, а увидеть вот так впервые довелось, – промелькнуло в голове. – Вот он, Чёрный Волк. Да только не два их, минимум с десяток: остальные в засаде команды ждут».

Саня, не торопясь, перевёл руку с цевья автомата на курок, а второй рукой медленно достал из разгрузки армейский нож с костяной ручкой.

– Я для вас трудная добыча, братцы, – шёпотом произнёс он. – Не ровён час троих из ваших положу...

Серый волк поскулил чуть слышно ему в ответ. Но чёрный стоял, как извояние, глядя глаза в глаза. От чего Саня поёжился, но взгляда не отвёл – нельзя. Видно было, что животным неприятны незнакомые запахи ружейного масла, стали, прокопчённого на кострах камуфляжа. Они переминались с лапы на лапу, видимо, думая, нападать или нет.

Волки исчезли так же внезапно, как и появились. Сане даже вначале подумалось, а не показалось ли всё это. «А может, и меня заморочило, как сержанта Разова тогда?» Но сколько он ни смотрел в разные стороны, сколько ни таращил глаза в ночник, волков и след простыл. И следов не отыскал: тропа каменистая.

– Вот и славно. Всё правильно сделали, парни, – сказал Саня в темноту и сам удивился, насколько чужим показался ему свой голос.

Несколько часов просидел Саня, прислонившись спиной к дубу, отходя от произошедшего. И только прохладный ветер с гор да ещё рассвет привели его в чувство. Спать не хотелось совсем: ещё вечером он применил старый армейский метод – ложка растворимого кофе с глотком чистого спирта. Сон отбивает напрочь, и глаза – как два фонаря. Только под утро голова кружится, и тошнит слегка.

Но не зря говорят на Руси: пришла беда – отворяй ворота. Хотя беды никакой не приключилось, но могла. Могла.

На рассвете Саня скатал снайперский коврик, проверил разгрузку, пару раз зевнул и осторожно двинулся в лагерь.

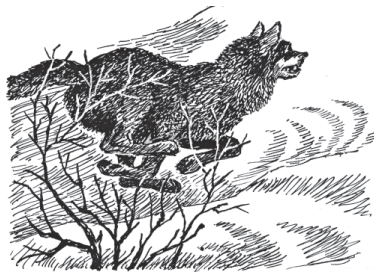
На тропинке, которая была уже на подходе к кишлаку, в одном месте его больно укололо в сердце. Стоп, боец. Саня присел на корточки, отсоединил от калаша шомпол, несколько раз ткнул в землю вокруг – чисто. Затем приподнял траву слева, справа. Восходящее солнце ослепило глаза, и на долю секунды в полуметре впереди на тропе что-то ярко вспыхнуло и пропало. Саня гусиным шагом прополз это расстояние и ножом поддел зелёную проволоку. Натянута у самой земли, припорошена грунтом. По ниточке, по ниточке. Вот она растяжка. На меня? А на кого же ещё? На меня. Выследил волчара, а может ему те – ночные – шепнули.

Вж-ж-ж, вж-ж-ж, чпок, чпок... Саня успел только свалиться – куда-то вправо. Над ухом прожужжала пуля. Он перекатился с места, в которое упал, схватил автомат и прицелился. Только вот куда стрелять? Саня зорко, очень внимательно огляделся. Вон там впереди, метрах в десяти, качнулась ветка. Вот ты где, Кара Борз. Обойду-ка я тебя слева. Саня аккуратно выдвинулся попластунски. И, рывком поднявшись, кинулся к месту засады. Такой прыти призрак от него не ожидал – показался на долю секунды. Мелькнул впереди и сразу пропал.

Саня преследовал его, пригибаясь к земле, где-то замирая, где-то прячась за деревья и пригорки.

«Невысокого роста, очень подвижный, юркий, можно сказать. В маскхалате зелёного цвета – нашем армейском. Местность знает феноменально, двигается уверенно. Где-то семенит. Где-то перепрыгивает препятствия, как кошка. Пацан? Похоже, что подросток или девушка. Та – Мадина, которая хлеб печёт, – высокая, стройная. А этот – вьюн вьюном. Всё. Потерял я его. Сейчас отдышусь. Прочешу лес».

Саня дышал и не мог насытиться, как тогда в Таджикистане. Впереди слышался треск веток. Саня спрятался за кустом и навёл автомат на звук. По тропе, еле-еле передвигая ноги, тащилась старуха. На горбе у неё помещалась огромная вязанка хвороста. Бабка шла прямо на Саню. Саня оглядел её с ног до головы. Чёрный платок, чёрное платье с длинным рукавом, юбка в пол, на ногах калоши. Она опиралась на палку, кряхтела и стонала. Тяжело-ват груз для тебя, бабушка. Глаза полузакрыты, губы плотно сжаты, орлиный нос, бровей почти нет. Да и немудрено: лет-то, наверное, под сто. Слева под

глазом небольшой, но заметный шрам. Бабка остановилась в нескольких саженях от Сани, горестно вздохнула, вытерла рукавом солёный пот и поплелась дальше. Она прошла в паре метров от капитана, не заметив его в густом кустарнике.

«Всё, охота закончена. Всю масть ты мне перебила, мать. Светиться нельзя, хоть и старая бабка, но горянка. Внимательная. Запомнить может».

Саня посидел ещё минут двадцать и выдвинулся к месту засады.

«Вот здесь я сидел на корточках. Стреляли по мне оттуда. Ага. По ниточке. Эфка – у корней дерева – грамотно поставлена. Кабы не солнышко-колоколнышко – вовек не заметить. На колечке гранаты – клочок шерсти. Даже в косичку заплетён. Не поленился диверсант: так хотелось марку подержать, – Саня снял косичку, понюхал, в нос ударил слабый запах лежалой псины. – Волчья. Теперь вернёмся назад. Пули, стало быть, полетели в ту сторону. Поищем, вдруг как повезёт?»

Саня обходил местность, внимательно разглядывая каждое дерево, каждую ветку. «Есть! Вот они, девять граммов в сердце». У одного из платанов пуля зацепила самый краешек, да и застряла в коре, прямо сбоку. Саня выковырнул пулю ножом. Подержал на ладонке, разглядывая, подкинул вверх, поймал, улыбнулся и двинулся в лагерь.

– Выследил волка! Молодец, капитан! – командир отряда Макеев рассматривал пулю со всех сторон.

– Нет, Константин Иванович, он меня выследил. Засаду на меня устроил.

– Ты её на зуб ещё попробуй, командир, – врач отряда Корнев тоже внимательно рассматривал пулю.

– Калибр 9 на 39. ВСК – войсковой снайперский комплекс. Наше оружие – спецназовское, – Старков доставал сигарету из пачки.

– Думаешь? – поднял на него глаза Макеев.

– Не думаю – знаю, командир. Стрелял бесшумно, с глушителем.

– Дневальный! – командир откинул полог палатки. – Ну-ка бери журнал ориентировок и ко мне.

В палатку вбежал боец с выдавшей виды конторской книгой.

– Здесь я, товарищ полковник.

– Молодец! Ищи сводки за апрель этого года. Давай-давай, шевелись. Десятого или четырнадцатого числа. Нашёл? Читай.

Дневальный встал по стойке смирно и нараспев, как стихотворение, прочитал:

– Четырнадцатого апреля в 10.02 у села Кара-Юрт было совершено нападение на машину УАЗ военной комендатуры...

– Дальше. Вон там – на третьей строке, – нетерпеливо перебил его Макеев.

– Где? А-а-а, здесь. Похищены два автомата АК-47 и одна винтовка ВСК. Прокуратурой заведено уголовное дело по статье «Терроризм» номер...

– Всё. Хорош. Свободен.

– Есть, – козырнул дневальный и вразвалку вышел из штабной палатки.

– Наш Чёрный Волк ВСК у комендачей позаимствовал...

– Я ж и говорю, – затянулся сигаретой Старков.

- Каков из себя?
- Маленький, юркий. Бегаёт быстро – не угнаться. Не мужчина. Либо подросток, либо девчонка. Местный – это точно. В зелёном маскхалате.
- Бегаёт хорошо, стреляет плохо, – задумчиво протянул врач, вертя в руках пулю.
- Выходит так, Андреич!
- Лица не заметил? – командир поднял глаза на Старкова.
- Нет. Всё время со спины его видел. На голове капюшон.
- Да-а-а. Задал ты, капитан, задачку. Девчо-о-о-нка. Ну ладно, мы тут по-своему поищем. А ты Колесниченко ещё задачу поставь: пусть поспрашивает местных. И в поиск каждую ночь. Давай, Саня, время выходит.
- Есть, командир, – Саня затушил сигарету о каблук берца и вышел на воздух.

Серёга Колесниченко как всегда занимался своим любимым делом – чистил картошку и покуривал. Это – по его словам – как-то успокаивало нервную систему.

– Ого, какие люди. Салам, Саня, – старшина приветливо улыбался. – Сидай рядышком.

– Здорово, братское сердце, – Старков присел. – Давай сигаретку.

Колесниченко вытащил из кармана смятую пачку сигарет.

– Это – последние, Сань. Не привезли. В горах камнепад сошёл, дорогу к нам отрезало. С МЧС сказали, только через пару недель расчистят.

– Эге, и чего же делать нашему курящему брату?

– Табаку тебе отсыплю. Козью ножку умеешь крутить или научить тебя?

– Умею, а бумагой где разжиться?

– Вон, смотри. Рядом с полевой кухней стопка газет: местные принесли. Бери сколько хочешь. Закончатся – приходи ещё. У меня этого старья навалом.

– Спасибо, Серёга, – Саня засовывал в карман разгрузки пакет с махоркой. – Я задачку поставить тебе хотел: поспрашай местных насчёт пацанёнка или девчонки бойкой. Видел я сегодня утром призрака этого. На Чёрного Волка никак не тянет. Скорее – волчонок. Но бегаёт по лесу – лося обгоняет.

– Хорошо. Не вопрос.

Саня поднялся, чтобы уйти, но почувствовал: не договаривает чего-то старшина.

– Что-то случилось, Серый?

– Да я тебя, Саня, уже неделю спросить хочу, да всё недосуг как-то, – Колесниченко смотрел в сторону.

Старков снова сел рядом.

– Ну спрашивай, коли хочешь.

– Говорят, ты за два месяца перед командировкой развёлся...

– А, вон ты о чём... И что ещё говорят?

– Да видел я твою бывшую пару раз. Ничего, вроде, баба...

– В том то и дело, что ничего – пустое место, фальшивка...

– Не жалко тебе? Всё ж столько лет вместе...

– Серёг, самый короткий путь – это путь правды. Как можно жалеть о человеке, который льёт лживые слёзы при расставании, пишет лживые письма, составляет лживые дневники, радуется, поёт тебе песни под гитару – и всё это оказывается блефом? Всё нормально, ни о чём не жалею...

– Как-то невесело ты это говоришь...

– Старшина, ты о сроке давности что-нибудь слышал?

– Ну мы же с тобой в милиции служим, юристы какие-никакие. Конечно слышал. Знаю что это такое...

– У каждого преступления, Серый, есть срок давности. У каждого, даже у убийства. Одного только люди никогда не могут простить. Предательства. Видимо, считается, что предать человека или людей, которые тебе доверяют, – самое страшное и подлое. У предательства срока давности нет...

– Всё правильно, Саня, – старшина поморщился. – Да я что, Полина Ивановна моя письмо мне прислала из дома. Две недели назад ещё. Пишет, видела Санину бывшую, переживает, мол, баба. Ты там поспрошай его, может, поостыл малый. А теперь вижу, всё правильно: предателей надо вычёркивать из памяти, из сердца, из жизни безжалостно. Всё. Закрыли тему. А насчёт пацанёнка я поспрошаю, это ты не волнуйся. Сделаю в лучшем виде.

Этой ночью было совсем темно. Луна спряталась за чёрные тучи. Саня посмотрел на небо: тучи, походу, беременные, поутру дождичек брызнет. Хотя, как в горах может «брызнуть» дождик, он знал не понаслышке.

«Ну и хорошо, что луны нет, – подумал капитан, – в ночник наблюдать удобнее». И он достал из разгрузки старый добрый «Ворон».

Правда, понаблюдать за селом и обходными тропами не пришлось. Совсем рядом, метрах в пятидесяти, он услышал сначала рык, потом волчий вой, а затем и вовсе леденящий душу крик.

Саня, быстро собрав боеприпасы, взяв наизготовку оружие, тихо двинулся на звук.

Осторожно приблизившись, он посмотрел в прореху забора из старых деревянных слег. В глубине двора стояла большая деревянная клетка, усиленная стальными прутьями. В клетке метался человек. Он то садился на задние ноги, то подпрыгивал, ударяя головой в потолок, то вертелся волчком. Саня посмотрел на него через ночник: человек сел на корточки, поднял голову вверх и завыл по-волчьи. И столько боли и муки было в этом вое, что у Сани невольно пробежали мурашки по спине. А через прибор ночного видения глаза человека сверкнули, как тогда у волка, раскалёнными угольками.

«Да, в таком состоянии не до диверсий. Вдруг в самый ненужный момент клеммы перемкнёт. И ведь он меня не видел. Спектакль играть не перед кем: зритель отсутствует. Скорее всего, и как на сообщника призрака на него положить невозможно. Разве я бы взял такого в напарники? Никогда».

В горах откликнулось несколько голосов. Волки выли, приветствуя друг друга. В селе залаляли собаки, заскрипели, открываясь и закрываясь, двери. Пора было сворачиваться, что Саня и сделал. При таком шухере засаду не делать.

Саня сидел у буржуйки, скручивая козью ножку. Да, без курева трудно приходится. Первое время чуть лёгкие не выплёвывал. Крепким оказался табачок. Рядом лежала стопка старых пожелтевших газет. Их безжалостно кромсала и рвала уверенная омовская рука. Дровишки попались сырые да сучковатые. Благо, бумаги на растопку хоть отбавляй. Со вчерашнего утра шёл мелкий моросающий дождь. Теперь может на неделю зарядить – это как повезёт.

«Спортивный вестник Кавказа». Ну что же, почитаем. Таблицы союзного ещё чемпионата по футболу. Ого! «Заря» (Ворошиловград) – и такая команда тогда была. И – вверху таблицы: хорошо играли, наверное. «Динамо» (Тбилиси), ереванский «Арарат». Саня перебирал стопки газет, иногда прочитывая передовицы, иногда просто бросая газеты в топку.

И вдруг тревога пробежала по его телу, пробежала и занозой засела в мозгах. Как будто только что он пропустил что-то очень важное. Саня лихорадочно стал пересматривать прочитанные уже газеты, искал глазами старые таблицы и статьи.

С одной из страниц на него смотрела молодая красивая горянка. *«Гордость республики – Аминат Адиева. Мастер спорта СССР по спортивному ориентированию, призёр молодёжного чемпионата Советского Союза»*. Ну и что? Саня перевернул газету – 21 мая 1971 года. «Так это же было при царе Горохе, когда людей было трохи».

Нет, где-то он уже видел это лицо. Миндалевидные глаза, чёрные брови дугой, орлиный нос, плотно сжатые губы. Слева под глазом небольшой, но заметный шрам.

– Серёга! – Саня быстро зашёл в палатку взвода обеспечения.

Колесниченко резко вскочил на деревянных нарах, больно ударившись головой о деревянную слегу.

– Блин! Ты, Саня... Чего стряслось то? Пожар, что ли?

– Вспоминай! Бабка старая. Глаза серые, нос орлиный, рост примерно метр шестьдесят. Зовут Аминат. Знаешь такую?

– Ну знаю. Приходила пару раз, козу искала. Живёт в крайнем доме на окраине аула. Одинокая, неразговорчивая. Да ты куда?

Но Саня быстро выбежал из палатки.

– Малахольный. Далась ему эта старуха, – старшина потирал рукой ушибленную голову.

Капитан Старков положил газету на стол перед командиром.

– Это она.

Полковник Макеев отложил в сторону карту и недоумённо смотрел на Старкова.

– Она – призрак.

– Понял. Быстро и по делу.

– Тогда утром в лесу я за призраком гонялся. А встретил её. Она и есть – Кара Борз. Притворилась, правда, старой и дряхлой, но с ней наперегонки побегать – ушатает вусмерть.

Макеев глазами пробежал статью.

– Дневальный! – в палатку ввалился старшина Разов. – А, это ты, боец. Командуй «В ружьё!». Сейчас поквитаемся мы с твоим призраком. Только это, Разов, без шума, толкотни и суеты. Понял?

– Есть, товарищ полковник, – и сержант исчез, взмахнув палаточной полой.

Отделение омовцев взяло дом на окраине села в плотное кольцо.

– Товарищ полковник, можно я её сам возьму? Две с половиной недели по её следам ходил, – Старков с надеждой смотрел на командира.

– Ладно. Давай, Саня, как учили. На рожон не лезь. Если бабка отстреливаться начнёт, сразу назад. Мы её дом гранатами закидаем. А то мороки потом: вези её в комендатуру, в прокуратуру. Да ещё в доме ничего как не найдём... Доказывай потом. Вдруг она всю приبلуду в лесу прячет! Понятно, капитан?

– Понятно, Константин Иванович. Она хоть и осторожная, да только я ей как снег на голову свалюсь. Неожиданно.

– Ну, давай-давай, действуй! Много текста, – и полковник нервно улыбнулся.

К дому Саня подполз по-пластунски. Краешком глаза глянул в окно. Занавески плотно зашторены, но в глубине виден свет. Старков аккуратно продвинулся к двери: ни замка, ни засовов на ней не было.

Дверь открылась без скрипа. Саня перенёс через порог сначала одну, потом другую ногу. Посидел в сенях, отдышался, постарался успокоить колотящееся как овечий хвост сердце. И, аккуратно открыв вторую дверь, сделал кувырок внутрь. В доме было тихо, только тикали на стене старые ходики. На столе стояла керосиновая лампа, лежала газета, на ней очки и связка волчьих зубов на нитке. Саня перевёл взгляд направо. Рядом с тахтой лежали на полу две противотанковые мины, на них стояла монка-сотка и подмигивала ему красным глазком.

«На движуху работает. Не успею», – пронеслось в голове у Сани.

Последнее, что он увидел, это то, что мины были старыми и ржавыми. И ещё – мамины глаза. А потом сверкнула молния. И тишина...

Взрыв внизу в селе ухнул неожиданно. Гордость республики Аминат Адиева, мастер спорта СССР по спортивному ориентированию, повернув голову, посмотрела с горы вниз. Над селом клубились чёрные разводы дыма. Лицо её, прочерченное морщинами, не выражало ничего – ни радости, ни сожаления, ни печали.

Она поправила лямки армейского рюкзака и уверенной походкой зашагала вверх по узкой горной тропе.

Трижды полковник

Советские юноши и девушки выбирали себе профессию, как правило, исходя из места жительства и социального положения своих родителей. Сын успешного начальника производства или талантливого научного сотрудника отправлялся в профильный институт. Сын председателя колхоза-миллионера получал образование по специальности, востребованной в сельской местности. Если же образованные родители не достигали заметных успехов в работе, то их дети поступали в другое высшее учебное заведение. Более скромный выбор имели дети рабочих и колхозников. Учиться в институте им часто не позволяло материальное положение родителей, поэтому они часто пополняли рабочие династии или династии хлебобобов. Но те из них, кто тянулся к знаниям, часто добивались выдающихся успехов. Успешные семейные династии можно было встретить в армейских и флотских кругах, в здравоохранении, а вот у учителей или у правоохранителей это наблюдалось довольно редко. Дети учителей и милиционеров, насмотревшись на старшее поколение, предпочитали идти своим путём.

Не пошёл по стопам матери – сельской учительницы – и Вячеслав Владимирович Баранов. После окончания средней школы он какое-то время поработал токарем-расточником на Орловском часовом заводе, а по достижении совершеннолетия отправился в Ленинград поступать в Военно-морское инженерно-техническое училище имени Дзержинского. Из него, наверное, вышел бы хороший морской офицер, но, как говорится, бес попутал. После сдачи вступительных экзаменов ему и ещё нескольким парням захотелось свободы. Самоволка не осталась незамеченной, и командование на их примере решило поучить других курсантов. В результате Вячеслава из училища отчислили и отправили для прохождения срочной службы в войска связи. Там он успешно окончил школу младших командиров и досконально освоил свою воинскую специальность. Служилось легко, проблем не возникало. С появлением командирского опыта и освоением смежных специальностей его назначили заместителем командира взвода и начальником радиостанции (офицерская должность).

Демобилизовавшись из армии в 1978 году, Вячеслав решил не возвращаться на малую родину, а посвятить себя службе в столичной милиции. Ничего другого, как должность милиционера полка патрульной службы и места в общежитии, ему предложить, конечно, не могли. На большее он и не рассчитывал, понимая, что начинать нужно с низов. Однако добросовестность при несении службы и уже имевшаяся командирская практика вскоре выдвинули его на должность командира отделения, а затем и командира взвода, по численности личного состава сравнимого с пехотной ротой – 115 человек.

Другой на месте Баранова успокоился бы. А что ещё нужно?! Жизнь удаётся, карьера складывается, командиры считаются, подчинённые уважают. Но его особо не прельщала возможность командовать людьми – ему хотелось романтики, проявить свои индивидуальные возможности на поприще борьбы с преступностью. И он попросился на оперативную работу. В 1982 году младшего лейтенанта милиции Баранова назначили инспектором уголовного розыска 52-го отделения милиции. В зону его оперативного обслуживания входил Велозаводский рынок, улицы Машиностроителей, Шарикоподшипниковская, прилегающие переулки. То были так называемые застойные годы, преступность постепенно снижалась, поэтому оружие получали в исключительных случаях, но дел всё равно хватало: кражи, угоны, бытовуха, залётные гастролеры, притоны. С них-то Вячеслав и начинал свой рабочий день. Пройдётся по двум-трём притонам – смотришь за ним тянется цепочка задержанных: кого на профилактическую беседу, кого для проверки, кого для допроса по уже возбуждённым делам.

Это была хорошая школа – «земля». Основа основ всей сыскной работы. Кто её не прошёл, долго восполняет этот пробел, если его вообще можно восполнить. Вячеслав прошёл «землю» с честью. Его успехи заметили не только непосредственные руководители, но и кураторы с Петровки, 38. С подачи старшего опера Сергея Дианова ему в 1985 году предложили перейти в 9-й отдел МУРа. Правда, кадры не пропускали: у него за плечами было только три курса ВЮЗИ. Поэтому вопрос о переводе рассматривался аж на заседании парткома ГУВД.

9-й отдел занимался организацией раскрытия преступлений против иностранцев и преступлений, связанных с произведениями искусства и антиквариатом. Начальником отдела был Евгений Чайковский, его заместителем – Борис Минаев. Оперативный состав подобрался дружный, поэтому работалось легко и с интересом. С учётом линии работы подбирались и спецаппарат: антикварщики, фарцовщики, валютные проститутки, начинающие сутенёры и валютчики.

В условиях начавшейся перестройки в Москве тогда, как грибы после дождя, стали появляться всякого рода иностранные фирмы, представительства, конторы. Фирмачи же, не привыкшие к российским реалиям, охраной арендованных помещений свои головы забивать особенно не стали, вот их-то наши «умельцы» и начали потихоньку «бомбить». Проникали они туда через окна, путём подбора ключа, а то просто с применением грубой физической силы – с помощью фомки или крепкого плеча. Брали они, как правило, модные и редкие тогда радиотелефоны, кнопочные телефоны, оргтехнику, дорогие спиртные напитки и прочую мелочёвку. Но не надо забывать, что тогда у нас в стране к иностранцам относились с особым пиететом, поэтому практически все преступления против них брались на контроль всякого рода инстанциями, так что покой нам только снился.

– Что мы только не делали! – вспоминает Баранов. – Трясли ранее судимых за аналогичные преступления, проверяли ломбарды, комиссионки, на установление преступников ориентировали спецаппарат. Шли месяцы, а кражи продолжались. И вот от одного «источника» (с лёгкой руки гаранта конституции в последнее время их стали называть женщинами с пониженной социальной ответственностью) поступила информация о некоем «богатеньком» Евгении, посещающем дорогие рестораны и не скупившемся на дорогие на-

питки и на не менее дорогих «интердевочек». Информация, в общем-то, так себе, но я поручил «своему человеку» установить с ним контакт, во-первых, чтобы установить его личность, а во-вторых – для того чтобы выяснить источник его доходов. Контакт состоялся. Он оказался настолько тесным, что Евгений стал посещать её съёмную квартиру. Однако «клиент» оказался настолько осторожным, что заглянуть в его документы удалось только через 2–3 месяца после знакомства. Однако на проверку документы оказались «липовыми», что утвердило меня и руководство отдела в мысли о его преступном образе жизни, поэтому было принято решение о проведении в отношении Евгения комплекса оперативных мероприятий, но уже в рамках оперативного дела.

На очередной встрече «источник» сообщил о том, что наш фигурант чуть ли не каждую ночь куда-то уезжает и, возвратившись под утро с деньгами, что-то записывает в свою записную книжку. По прошествии некоторого времени нам удалось скопировать эти записи. Они оказались весьма интересными. Там были даты, какие-то зашифрованные названия и суммы в рублях. Наш запрос Зональный информационный центр (ЗИЦ) ГУВД выполнял более двух недель. И небезуспешно. По датам и созвучным с зашифрованными записями названиям было выявлено около 200 нераскрытых краж из всякого рода учреждений, в том числе и из иностранных фирм. А тут нашлась и справка об освобождении нашего Евгения, из которой следовало, что он не просто неоднократно судимый, но и особо опасный рецидивист (ООР) Евгений Н. Изучение его личности привело нас к заключению о том, что Н. является профессиональным вором с признаками клептомании. Если он видел «что-то плохо лежащее», то обязательно старался это «что-то» украсть и, в конце концов, попадался. Поэтому после каждого освобождения из ИТК он больше года на свободе не гулял.

Мы решили проверить нашу догадку. «Источник» пригласила Н. в гости к своей подруге «по цеху», которая оставила на видном месте стандартный набор женских украшений, чем наш «клептоман» не преминул воспользоваться. Подруга написала заявление, указав его в качестве подозреваемого, но задержать его мы смогли лишь после того, как он успел сбыть похищенное пока ещё не известному нам скупщику. Однако удача оказалась на нашей стороне. При досмотре личных вещей в подкладке его пиджака мы обнаружили одну из похищенных серёжек. Я и мои товарищи по отделу (Чернов-Ягодин, впоследствии погибший при исполнении служебных обязанностей, Курьянов и Лозбенев), уверенные в успехе, поехали на Петровку, чтобы подготовить ему камеру в ДПЗ, а следовательно тем временем, найдя какие-то нестыковки в обстоятельствах происшедшего, взял и освободил его.

Пришлось всё начинать сначала. Но теперь «источник», оказавшийся у вора под подозрением, могла помочь лишь тем, что при возможности сообщит нам о его появлении в каком-нибудь ресторане. И такой случай ей представился. В мае 1986 года при выходе из ресторана гостиницы «Интурист» нами была создана конфликтная ситуация, Н. вспылил, его задержали и арестовали за административное правонарушение на 15 суток. Разработка проводилась в ДПЗ на Петровке, 38. Его «раскачивали поверху и понизу». Но если на допросах он шёл в полный отказ, то в камере, зная об отсутствии каких-либо своих следов на

местах совершения краж, безбоязненно «пел соловьём». Это сейчас показания сокамерников принимаются в качестве доказательств по делу, раньше такое можно было использовать лишь для того, чтобы убедить прокурора в небеспочвенности наших подозрений. Тогда нам удалось это сделать, новый следователь предъявил ему обвинение в краже ювелирных изделий и вынес постановление об аресте, а прокурор его санкционировал. Это оказалось для него полной неожиданностью. Более того, к этому моменту мы знали о существовании у него малолетнего сына и сожительницы, у которой был ещё и 16-летний сын от первого брака. Его-то мы и подозревали в соучастии в преступлении. Евгений Н. это знал, поэтому согласился сотрудничать со следствием при условии, если мы будем давать ему личные свидания с сожительницей и оставим свои подозрения в отношении её сына. Мы выполняли свои обещания, выполнял свои и арестованный. Так началась многомесячная работа по закреплению доказательств его преступной деятельности. Осуществлялось это путём допросов, выездов на места совершения краж и изъятия похищенных вещей. В общей сложности следственно-оперативной группой было задокументировано около 180 краж, за которые гражданин Н. в конце 1988 года Московским городским судом был приговорен к восьми годам лишения свободы.

В 1991 году, после пяти лет работы в аппарате МУРа, у старшего оперуполномоченного В.В. Баранова появилось желание испытать себя на новом поприще. Свою роль в этом стремлении сыграли, наверное, и внутрисполитические события: ГКЧП, разгул псевдодемократии, развал СССР. Ему на выбор было предложено несколько десятков должностей, но он предпочёл «синицу в руках» и согласился пойти на понижение – стать заместителем начальника 37-го отделения милиции по уголовному розыску. Как не оценивай, но по самостоятельности и ответственности это была ключевая должность в уголовном розыске. Что и как нужно делать, Вячеслав уже знал, поэтому освоение нового участка работы прошло чуть ли не автоматически. А через год, когда структуру московской милиции начали перестраивать с районной на окружную, его назначили начальником отдела уголовного розыска Таганского РУВД ЦАО (Центральный административный округ), в котором, в отличие от других округов, районное деление сохранялось ещё несколько лет.

Это были жуткие времена: тотальный дефицит, растущая безработица, извращённое кооперативное движение, «челноки», «новые русские», повсеместный базар и криминал, подминающий под себя коммерческие структуры и не останавливающийся перед применением оружия при разделе сфер влияния. В этих условиях начальнику ОУР РУВД приходилось сотрудничать с отпочковавшимися от уголовного розыска подразделениями по борьбе с организованной преступностью, ведь преступный контингент не разделишь, да и спецаппарат – «одного поля ягодка». Так что, как ни разделяй, а работать нужно дружно. Но, если «наверху» иногда наблюдалось так называемое перетягивание канатов, то «на земле» они себе этого позволить не могли, поэтому по прошествии трёх лет, учитывая результаты совместной работы, Вячеслава Владимировича сагитировали возглавить отдел по борьбе с организованной преступностью по ЦАО г. Москвы.

По-разному можно относиться к этой службе, но то, что она давала возможность своим сотрудникам раскрыть свой оперативный потенциал, абсолютно установленный факт. Ведь по содержанию работы это была самая настоящая разведка в преступной среде, не отягощённая ни толпами заявителей, ни отказными материалами, ни «висяками». «Бери под колпак» фигуранта, вербуй его окружение, внедряйся, снимай информацию с помощью оперативно-технических и других возможностей – и успех не заставит долго ждать.

Одной из таких разработок полковник Баранов может гордиться даже по прошествии 20 лет. Москвичи старшего поколения помнят, что в 90-е годы представлял из себя стадион имени Ленина в «Лужниках». По инициативе администрации стадиона и с молчаливого одобрения городских властей он из гордости советской эпохи превратился в гигантский рынок с миллиардными оборотами, где все проблемы решались не по закону, а по воровским понятиям. Где власти, в том числе и милиция, были не просто бессильными, но и небескорыстно покровительствующими организованным преступным группировкам (ОПГ).

Так вот, одна из таких группировок, заручившись лицензией от Правительства Москвы, развернула на стадионе игорный бизнес в 15–20 точках одновременно. Средством наживы стали «однорукие бандиты», оснащённые заранее проигрышными для обывателя программами. В состав ОПГ входили боссы, бригадиры, охранники, зазывалы и якобы удачливые гости столицы, с помощью которых в игру вовлекались сотни, тысячи приезжих, мечтавших по-лёгкому увеличить свои сбережения, собираемые подчас по крохам для приобретения обновок, а то и на лечение или инвалидные коляски. Видя, как подставные игроки выигрывают крупные суммы денег, доверчивые посетители рынка втягивались в игру и оставались подчас в таком положении, что им даже билет на обратную дорогу не на что было купить. Обращения в милицию заканчивались вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или списанием заявлений «в дело», так как деятельность игорного бизнеса была защищена лицензией, а в игре кому как повезёт. «В данном случае, – объясняли проигравшему или проигравшей, – вам не повезло». Несогласные с таким решением потерпевшие обращались во всевозможные инстанции, но и там был один ответ: «Бизнес легален». А бандиты, ежедневно «зарабатывая» около 500 тысяч долларов США, продолжали укреплять свои связи в структурах власти.

Не устраивало это только Баранова и его товарищей по отделу – Юрия Кузнецова и Александра Серина, а также начальника Центрального ОУВД Бориса Геннадьевича Захарова. В результате было принято решение приступить к документированию преступной деятельности организаторов и активных участников игорного бизнеса. Все заявления и жалобы пострадавших от него граждан концентрировались в ОБОП по ЦАО г. Москвы. В органы внутренних дел по месту жительства потерпевших направлялись поручения с просьбой подробно опросить их с тем, чтобы получить ясную картину механизма вовлечения в игру, процесса самой игры, её участниках и роли каждого из них. Группа младших инспекторов уголовного розыска устанавливала «свежих» потерпевших и опрашивала их по заранее составленному опроснику. Выявлением лиц,

причастных к этому бизнесу, занималась как эта группа, так и периодически привлекаемые бригады наружного наблюдения. Для выяснения роли каждого участника ОПГ в неё было внедрено несколько агентов. Работа по документированию осуществлялась на протяжении всего 1996 года.

В начале 1996 года команда Баранова имела полное представление об организаторах и активных участниках преступного бизнеса (всего около 100 человек), их пособниках в структурах власти и в правоохранительных органах. Однако подробная справка, напоминающая краткое изложение обвинительного заключения, не произвела должного воздействия ни на милицевских следователей, ни на следователей городской прокуратуры. Довод был прежний: «Бизнес легален».

– Мои хождения по инстанциям, – вспоминает Вячеслав Владимирович. – Привели меня к прокурору ЦАО г. Москвы Буксману Александру Эммануиловичу. (По состоянию на 2017 год – первый заместитель Генерального прокурора России.) Выслушав мою эмоциональную речь о несправедливости и творимом беспределе, о преступном бездействии властей и правоохранителей, он попросил оставить собранные нами материалы для изучения. Через несколько дней состоялась наша повторная встреча. Оказывается, прокурор не только изучил материалы, но и целый день провёл на стадионе, чтобы убедиться в масштабах преступной деятельности ОПГ. Согласно совместно разработанному плану в начале февраля 1997 года состоялась масштабная операция на 15 игровых точках, в ходе которой было задержано более 70 человек. В рамках уголовного дела, возбуждённого по признакам статьи 159 УК РФ (мошенничество), началась кропотливая работа по документированию преступной деятельности и легализации материалов, полученных оперативным путём. Однако до предъявления обвинения кому-то из задержанных было ещё далеко. Более того, они сразу же пошли в наступление. Буквально на следующий же день на столе моего непосредственного руководителя появилась стопка медицинских справок о нанесении им побоев при задержании и в процессе допросов. Таким образом, я мог сразу же превратиться из борца с преступностью в преступника. Меня выручило то, что люди, ранее отрицавшие даже знакомство друг с другом, оказались в одном травмпункте с разницей в пять минут один от другого. А побои у них были самые настоящие, только нанесли их они друг другу по обоюдному согласию. Шантажа и угроз не выдержал и первый следователь, в производстве которого находилось это дело, заканчивать его пришлось старшему следователю по ОВД прокуратуры ЦАО Наседкину Виктору Анатольевичу (по состоянию на 2017 год – прокурор Архангельской области).

Несмотря на проводимые нами мероприятия, лицензия на ведение игорного бизнеса оставалась на руках у его организаторов, и они, уверенные в своей неуязвимости, продолжали свою прибыльную деятельность. Ситуация в корне изменилась лишь после того, как ВНИИ космического приборостроения провёл экспертизу программного продукта, закаченного в одноруких бандитов. Заключение было однозначным: в первоначальную программу внесены изменения, позволяющие их операторам вручную управлять «фортунной». Только после этого лицензию отозвали, действия же участников ОПГ получили новую квалификацию – организация преступного сообщества (ст. 210 УК РФ).

Ну а теперь предоставим слово Александру Эммануиловичу: «Это было первое в России уголовное дело о преступном сообществе. В общей сложности осуждено свыше 80 участников банды. Но у победы остался и горький привкус. Все, кто был причастен к уничтожению этой «империи», так или иначе пострадали. Это и начальник 1-го РУВД ЦАО (В. А. Борисов), и начальник ОБОП (В. В. Баранов). Мне тоже пришлось уйти из прокуратуры. Слишком большие деньги потеряли отдельные граждане в результате нашей неуёмной активности, простить этого нам не могли. Но, оглядываясь назад, понимаю: даже будь у меня такая возможность, всё равно не стал бы ничего менять. Ведь речь шла о тысячах людей, которых обманывали без зазрения совести. Отмалчиваться, стоять в стороне было бы бесчестно».

* * *

Десять лет отработал полковник Баранов в службе по борьбе с организованной преступностью. По-разному назывались его должности: начальник ОБОП по ЦАО г. Москвы, начальник отдела ЦРУБОП МВД РФ, заместитель начальника ЦРУБОП, начальник Управления по борьбе с организованной преступностью по г. Москве. Работа в милиции, а тем более в этой службе полна неожиданностей. Никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь. Вот и в тот роковой день, 19 сентября 2004 года, когда он срочно выехал в 83-е отделение милиции, где находился бывший капитан третьего ранга, переквалифицировавшийся в террориста и наёмного убийцу, которого задержал наряд милиции в начинённой взрывчаткой автомашине, он застал там целый синклит руководящих работников прокуратуры, милиции и ФСБ. Всем хотелось быть причастными к раскрытию очередного террористического акта. Но, как известно, «у семи нянек дитя без глаза». Только в этом случае получилось, что «дитя» ещё до приезда Баранова по вине ретивого исполнителя оказалось на том свете. А поскольку исполнителем почему-то «назначили» сотрудника УБОП, то и отвечать пришлось его начальнику. Так неожиданно-негаданно Вячеслав Владимирович оказался на пенсии.

Но кто разбрасывается такими кадрами?! На работающую лошадь нашёлся новый хомут. Два года он в звании полковника таможенной службы тянул лямку заместителя начальника Главного управления по борьбе с контрабандой Федеральной таможенной службы России. Тянул добросовестно и небезрезультатно, но как бы он там ни старался, он всё равно чувствовал себя в таможене неуютно, поэтому, когда последовало предложение поработать в государственном Россельхозбанке, к тому же в коллективе бывших милиционеров, он согласился, почти не задумываясь.

И всё было бы хорошо (тут тебе и зарплата, и перспектива служебного роста) но произошедшая через четыре года смена управленческой команды всё испортила. Пришлось Вячеславу Владимировичу в третий раз примерять на себя полковничьи погоны, но теперь уже погоны старшего советника прокуратуры. Поэтому очерк так и назван – «Трижды полковник». Однако, начав работать в надзорном ведомстве, он понял, что милиционер и прокуратура – понятия несовместимые, поэтому через два года он окончательно ушёл, как когда-то говорили, в народное хозяйство.

Светлана ФИЛИПОВА

Самое главное

– Нина, ты далеко собралась? – мамин вопрос застал меня буквально на пороге дома.

– Мам, ну какая разница. Ну я же ненадолго. До Томки и назад.

Ну сейчас начнётся: поздно не возвращайся, к плохим ребятам не подходи, не смей курить – всё это я слышу каждый раз, уходя из дома.

– Нина, слышь, обязательно иди через посёлок. Во-первых, уже поздно, а во-вторых – Тарасовна говорила, у нас на посёлке маньяк объявился, на девчонок молодых охотится.

Последнее мамино замечание меня заинтересовало, я даже вернулась в комнату, чтобы её выслушать. Ещё бы, маньяки – они же только по телевизору бывают, а тут в нашем посёлке, где каждый друг друга знает. Поэтому я сначала даже не поверила:

– Опять поселковые сплетни собираешь? Не стыдно, какого-то маньяка придумали, совсем заняться нечем.

Мама поняла, что дочь темой заинтересовалась, и принялась делиться услышанным:

– Какие сплетни? Мне Мария Тарасовна, жена нашего участкового рассказала. Пару месяцев назад девчонку, такую же как ты молоденькую, нашли убитой да изнасилованной. Думали сначала, что из своих кто-то, а уж когда потом в Подлесном изнасилованную да задушенную нашли, тогда только поняли, что маньяк.

– А с чего ты взяла, что он у нас теперь орудует?

– А где ж ему ещё быть? Сначала в Подгорном, потом в Подлесном, а мы как раз следующие по дороге находимся. Так что теперь точно где-то здесь душегуб орудует. Так что ты по лесам не шлейся и смотри аккуратнее.

Ну вот, мама села на своего излюбленного конька, сейчас заведётся про то, что я ещё совсем ребёнок, ума не нажила, – не обрадуешься.

– Мам, ну все это я уже сто миллионов раз слышала, я же уже почти взрослая, в этом году школу заканчиваю, а ты со мной всё как с ребёнком.

– Взрослая, да дурная. Вот попомнишь мои слова, когда сама матерью станешь. Что в тебе взрослого кроме роста-то есть? Мозгов бы тебе повзрослее кто-нибудь бы отсыпал, тогда и будешь матери перечить.

Потихоньку прикрыв за собой дверь, я вышла на крыльцо. На улице уже смеркалось. Надо же как быстро в этом году наступила осень. Только вчера ещё все задыхались от неимоверной жары, а сегодня уже довольно прохладно, даже днём дождик накрапывал, впереди ничего хорошего: осень она и есть осень.

Накинув на плечи куртку, я пошла вперёд. Расстояние от моего до Томкиного дома, измеренное шагами неоднократно (мы с ней всю жизнь дружим, наверное, с пелёнок вместе, правда это мне уже мама рассказывала, сама-то я себя в таком возрасте не помню), – метров пятьдесят по улице, мимо домов, а потом, чтобы не идти через полдеревни, – напрямки через посадки. Экономить минут пятнадцать минимум. Правда, после мамкиных слов про маньяка экономить время как-то расхотелось. Лесопосадка, доселе такая привычная и родная, хмуро смотрела на меня, и ветер, шелестевший между деревьями, как бы говорил: «Иди своей дорогой». Зябко поёжившись, я скрепя сердце свернула на поселковую улицу.

Было ещё не поздно, но в большинстве домов свет уже не горел: в деревне спать ложатся рано. А в голову лезли самые разные мысли. Вот через год закончится школа, а потом мы с Томкой хотели в артистки поехать учиться. А что? Всю жизнь, как моя мама, дояркой работать? Так хочется красивой жизни, необыкновенной. Ведь в маминой жизни что есть-то кроме коров её любимых да нас с братом. Отец ушёл от нас, когда я ещё совсем маленькой была, и с тех пор – ни ответа ни привета. Мама всю жизнь работает как проклятая, чтобы нас с Мишкой поднять. И ничего светлого в перспективе не наблюдается. А я учусь хорошо. Люди говорят – симпатичная. Ростом вот вымахала – целый метр семьдесят. И тут мало приятного: у нас на посёлке все ребята какие-то недоростки. Как можно с кем-нибудь дружить, когда смотришь на него сверху вниз. Вот Томка моя – настоящая красавица: и рост у неё нормальный, и волосы чёрные, прямо смоль, глаза карие, носик ровненький. Просто залюбуешься. Недаром у неё ухажеров – полпосёлка, да ещё из соседних деревень заглядываются. А тут – волосы цвета мышиного, непонятного, даже глаза – не поймёшь какие: не то серые, не то чуть голубые. Даже с имечком мне повезло. У людей имена как имена, а я – Нина. Ну и что хорошего? Куцее какое-то имечко, невнятное. Да и много у нас Нин: если позовёт кто, так пол-улицы оборачивается. Вот мне бы имя такое, какого ни у кого нет, – ну, например, Каролина или Марта. Хотя нет, Марту не надо: у тётъ Зины, нашей соседки, так корову зовут. Вот бы смешно было бы зваться, как корова, насмешек не оберешься. Мне кажется, что если бы у меня было какое-нибудь имя необычное, так и жизнь бы моя сложилась необычно. В мечтах я свою жизнь уже давно себе напридумывала. Сначала сдам выпускные экзамены. Тут ничего сложного, кроме, пожалуй, физики. Ну ничего, весь год позанимаюсь, да и сдам, тем более что артисткам физика ни к чему. Скорее бы уж год заканчивался, поедем мы с Томкой в Москву поступать, вот там жизнь-то другая, интересная. Мама, правда, против, говорит, что где родился, там и пригодился. Но я с ней не согласна. Ведь главное в жизни, чтобы интересная работа была, любовь необыкновенная, и, вообще, жить не скучно было. А у нас в посёлке, кроме клуба, и пойти-то некуда. Да и в клубе только что кино посмотреть можно, а на дискотеках скучотища: ребята не танцуют, стоят по стенкам стесняются, одни девчонки пляшут, а как объявят медленный танец, так вообще туши свет – никого. Всё-таки самое главное – уехать куда-нибудь, в люди выбиться. Правда, потрудиться придётся. Мама говорит, что ничего в этой жизни просто так не даётся. Вот и я учиться буду,

на артистку ведь учиться несложно: текст выучил, а потом представляй себя какой-нибудь леди Макбет или бесприданницей. Я этот монолог Ларисы давно наизусть знаю: хоть посреди ночи разбуди – сразу в образ войду. Томка говорит, что у меня получается очень хорошо. А вот мама в меня не верит, ну да я ей и монолог ни разу не читала – стесняюсь.

Пока я всё это обдумывала, и не заметила, как до Томкиного дома добрела. Странно, что-то подружка моя мне навстречу не идёт: мы же договаривались с ней, что я в девять к ней зайду.

– Тётъ Маш, здравствуйте, а Томка-то где? – постучав в окно, спросила я у её мамы.

– Как это где? – голос подружкиной мамы был какой-то усталый. – Вы разве не встретились? Она какой-то стих новый нашла, говорит, больно хороший, вот и не дождалась, побежала к тебе навстречу.

– Странно... хотя нет, я же через посёлок пошла. Мама говорит, маньяк в посадке объявился. Я, правда, не верю, но как-то напрямую идти не решилась.

– О господи, какой маньяк? А Тамарка, наверное, через лес побежала, так к тебе торопилась. погоди, я твоей маме сейчас позвоню. Да ты заходи давай.

Тётя Маша заторопилась к телефону, а я зашла в прихожую и стала ждать. До меня доносился голос Томкиной мамы – сначала спокойный, а потом взволнованный:

– Что, ещё не приходила? Так как же это? Она уже полчаса как из дома умчалась. Ладно, Ань, спасибо и на этом, но ты, если вдруг объявится, позвони сразу. Может, с кем встретилась по дороге, заболталась.

– Представляешь, она к вам ещё не приходила, – голос Томкиной мамы звенел как струна.

– Тётъ Маш, ну не волнуйтесь вы так, ну встретилась с кем-то, стоит разговаривает. Сейчас я пробегу и найду её.

– Нет, Нина, одна ты никуда не пойдёшь, что-то сердце у меня не на месте, сейчас я отца позову и пойдём вместе. Саш, вставай, Тамарка пропала. Бери фонарь – искать пойдём.

Обстановка накалялась с каждой секундой. Вот дядя Саша отыскал в сарае фонарь и с ворчанием подошёл к нам:

– Взяли моду по ночам шляться, до утра подождать невтерпёж, а если так уж приспичило, могли и по телефону поговорить.

И наша процессия выдвинулась на поиски так неожиданно пропавшей Томки. Интересно, куда она могла подеваться? По пути я её точно не видела, шла я не спеша, по сторонам, правда, не глядела – задумалась, но её бы точно не пропустила. Если она через посадку пошла, то почему до сих пор не пришла ко мне, кого она могла там встретить?

Уже совсем стемнело. Фонарь дяди Саши освещал лишь узкую тропинку. Идти было неудобно и как-то жутко: куда же она могла задеваться?

– Тамарочка, доченька, – постоянно кричала тётя Маша, но в ответ лишь шумели деревья, никто не отзывался.

На тропинке до моего дома никого не было. Ворвавшись в дом, я закричала:

– Мам, Томка не приходила?

– Не было её, – мама вышла к нам, уже переодев халат. – Так, я пошла к Василию, участковому нашему, пусть присоединяется. А ты, Маш, не реви пока. Найдём мы твою дочурку.

Пока мы с дядей Сашей успокаивали Томкину маму, моя уже сбегала к соседям, позвала участкового. Тот пришёл быстро, ведя на поводке своего Рекса.

– Так, ребята, шутки кончились, идём искать все вместе, только сильно по сторонам не разбегайтесь, чтобы друг друга видеть можно было. Рекс у меня умница, найдёт девчонку. Нин, у тебя Тамариной вещи никакой нет, чтобы ему понюхать дать?

– Есть, дядь Вась. Тетрадка её подойдёт? Она мне переписать давала.

– Не знаю, давай попробуем.

Рекс внимательно обнюхал тетрадь, посмотрел по сторонам и сел.

– Так, значит, сюда она сегодня не приходила, пойдём дальше, может, там след возьмёт. Он у меня настоящий розыскной пёс, я его в милицейском питомнике в городе взял.

Пройдя почти половину пути, Рекс вдруг оживился, потянул поводок и с лаем кинулся в глубь посадки. Все бежали за ним. Слышно было только тяжёлое дыхание мужчин и всхлипывания тёти Маши.

– О господи!– жуткий крик Томкиной мамы огласил окрестность. Я сначала не поняла, что случилось, но, подбежав, остановилась как вкопанная. В двух шагах от меня на земле белело Томкино платье.

– Тамарочка, доченька, что с тобой, вставай, что же ты тут лежишь? – тётя Маша кинулась к лежащей, взяла её за руку и отпрянула с жутким криком: – Убили!!!

Я отшатнулась. Томка лежала на земле, неестественно выгнувшись. Я хотела наклониться, чтобы понять, что случилось, но участковый дядя Вася, обняв меня, отвёл в сторонку.

– Не надо тебе на это смотреть, дочка. Теперь здесь милиция работать будет.

Меня словно ударили, я присела, слёзы текли по лицу, а в голове крутилось только одно: «Томки больше нет. Как же это?»

Мама обняла меня за плечи и повела к дому. Я не сопротивлялась. Дальнейшее было как в тумане. Я плохо помню, как дошла домой. Мать напоила меня водой, дала какую-то таблетку, и я заснула.

Утром, едва открыв глаза, я вспомнила, что произошло вчера. Как-то не верилось, что больше не позвонит телефон, не откроется дверь, и звонкий Томкин голос не крикнет: «Нин, пошли, нас в клубе ждут». На душе было погано и муторно. В комнату зашла мама.

– Милиция всю ночь душегуба проклятого искала, но, видимо, сбежал уже поганец или прячется где. Ну ничего, они его обязательно найдут, вот увидишь. Самое главное, что ты цела. Господи, доченька, как Машу жалко. Тамарка ведь у неё одна была, – мама всхлипывала, обнимала меня и гладила по голове. Так мы и сидели с ней, оплакивая мою бедную подругу.

Томкины похороны я помню плохо. Единственное, что навсегда останется в памяти, – это серое лицо её отца и потерянный взгляд тёти Маши. И ещё могила моей подруги, усыпанная цветами. Было много цветов, просто целый ворох. А мне подумалось, как жаль, что только после смерти принесли ей эти цветы. Столько ей никто никогда не дарил. А Томка... она просто уехала далеко-далеко, уехала без меня и никогда не вернётся.

С тех пор прошло много лет. Я выросла, у меня есть замечательный муж, дочка Тамара. После того случая моя жизнь изменилась. Я больше не хотела в артистки. Столкнувшись со смертью любимой подруги, я поняла, что самое главное – это жизнь человека. Я стала следователем. Служу в нашем райотделе. Недавно в город звали переводиться, а я не хочу. Права была мама: я пригодилась там, где родилась. По мере своих сил я стараюсь сделать нашу жизнь чище. И хочется верить, что у меня это получается. Глядя на своих «подопечных», всё чаще задаюсь вопросом: откуда в людях столько злобы и зависти. Ведь самое главное, что есть ты, есть твои любимые и дорогие люди, а всё остальное – деньги, машины, богатство – это не главное, это всё можно изменить. А вот то, что ты есть, изменить нельзя. Порой я задаюсь вопросом: а что бы было, если бы я пошла к Томке через те посадки? Или: а если бы она в тот вечер не пошла ко мне, а осталась дома. А если бы... если бы...

Того человека, который убил мою подругу, так и не нашли. Но мне очень хочется верить, что когда-нибудь я взгляну в его глаза и спрошу, что же для него самое главное.

Фуршет на лётном поле

По щербатым бетонным плитам тбилисского аэропорта, взмётывая в воздух высохшие жёлтые листья, гулял холодный ноябрьский ветер. Вдоль края пустынного лётного поля к одиноко стоящему с приставленным трапом ЯК-40 брела группа людей. Она растянулась длинной вереницей и состояла в основном из женщин, детей и стариков, одетых в поношенные куртки и пальто тёмных цветов. Почти у каждого из взрослых руки были заняты сумками, чемоданами, какими-то узлами.

Впереди, о чём-то разговаривая между собой, быстро шли двое мужчин в синей лётной форме. Следом за ними, поспевая, тянулись пассажиры рейса Тбилиси – Минводы.

На тусклом электрическом табло в здании аэровокзала для оставшихся там провожающих светились дата и время вылета – 7 ноября 1993 года, 12 часов местного времени. Когда-то это был праздничный день, сегодня – нет.

Затянутое серой пеленой сумрачное небо не давало особых надежд на отправку борта по расписанию. Но, если люди не улетят сегодня, они придут завтра, послезавтра, послепослезавтра. И так до тех пор, пока будет оставаться хоть малейшая возможность убраться из этого страшного бандитского и голодного города. Города, который ещё совсем недавно каждый из унылой цепочки эмигрантов считал частью своей Родины – Советского Союза, а день 7 ноября – её великим праздником.

Теперь понятие «Родина» резко изменилось. Для сотен тысяч жителей Грузии она неожиданно оказалась очень далеко. Все негрузины вдруг стали изгоями – оккупантами, гостями, нахлебниками, несмотря на то, что десятки лет работали на этой земле, отдавая ей все свои силы, знания и умения.

Позади остались мучительные раздумья: уехать или остаться, может, всё ещё образуется?

Что ничего хорошего не образуется, и ждать позитивных сдвигов не стоит, после пары лет искусственного суверенитета республики стало видно даже законченным оптимистам. Ночью в городе постоянно гремели выстрелы, слышались взрывы, хозяйничали бандиты и мародёры.

«Патриоты»-боевики из так называемого «Народного фронта», с чёрными банданами на узких лбах, бесцеремонными манерами и наглыми глазами, быстро довели до понимания граждан второго сорта, кто в солнечной Грузии истинные хозяева, а кто бесправные и незванные «гости».

Исторические примеры, как поступать с нежелательными иностранцами и кого считать «настоящими арийцами», давно известны, так что велосипедов изобретать не пришлось.

Отгремели уже события в Сумгаите, Баку, Фергане, Южной Осетии, Абхазии...

После 9 апреля 1989 года резко изменились жизнь и настроения внутри республики. Из всех щелей полезли с националистическими лозунгами невесть откуда взявшиеся «борцы за свободу» – десятки и сотни мелких политических партий, представляющие интересы отдельных влиятельных людей, семейных кланов и просто криминальных группировок.

После выборов начались разгул бандитизма, голод, гражданская война, разруха. За какие-то год-полтора побывали в «вождях» народа Звиад Гамсахурдиа, Джаба Иоселиани, Тенгиз Китовани. Страна вошла в пике и летела в пропасть.

В девяносто вторым президентом Грузии стал непотопляемый Белый Лис – Эдуард Шеварднадзе. Приняли его в стране со слезами радости и с надеждой на лучшую жизнь. Как оказалось, надеялись зря. Накопленные проблемы не решались, становилось всё хуже, всё голоднее, беспросветнее.

Для славян и их детей не осталось никаких перспектив на будущее. Русские школы постепенно закрывались, русский язык изгонялся из обращения, русскоязычные работники увольнялись отовсюду, где только можно было обойтись без них и взять «национальные кадры».

«Неарийцы» да и умные, дальновидные, порядочные люди из титульной нации по мере «просветления» уезжали сотнями и тысячами на новую старую родину – в Россию...

Сергей шёл на посадку самым последним в процессии.

Ручки на выдавших виды старых хозяйственных сумках протёрлись и грозили вот-вот порваться. Огромный узел с детской одеждой и какими-то тряпками первой необходимости, которые на скорую руку напихала жена, всё время развязывался. Приходилось идти медленно, часто останавливаться, чтобы поправить узел и поудобнее устроить его на плече. Больно, очень больно было прощаться с этой землёй, где он, его родители, бабушки и дедушки прожили всю свою жизнь, а могилки их теперь останутся неухоженными...

Ещё совсем недавно у него была работа, было ощущение собственной нужности людям и гордости за свою профессию. Сергей работал старшим оперуполномоченным Глданского райотдела милиции до того времени, пока неизвестные в камуфляже не атаковали его ночью, забросали бутылками с зажигательной смесью, расстреляли дежурных и забрали всё оружие, какое нашли.

После девяносто первого года и боёв звиадистов с гвардейцами Китовани, мхедрионовцами Джабы Иоселиани в центре Тбилиси на проспекте Руставели подобные нападения неизвестных вооружённых людей на милицейские патрули и даже отделения милиции в городе и районах стали нередкими.

Сергея после разгрома места службы перевели сначала в другое отделение, а потом и вовсе сократили. Милиция потеряла своё бывшее влияние и востребованность, теперь граждане и новоявленные «бизнесмены» больше шли под «крышу» к местным «крёстным отцам».

Лишившийся работы русский мент выпал из зоны интересов министерства внутренних дел грузинского государства, и дальнейшая судьба старшего лейтенанта Сергея Астафьева никого в органах правопорядка не интересовала. Свою жизнь выброшенные за ненадобностью люди с неподходящей историческому моменту национальностью должны были устраивать сами, как им заблагорассудится.

А у Сергея выбора особого и не было. Варианты идти к какому-нибудь тбилисскому Дону Корлеоне передавать свой оперативный опыт и служить холуём в его свите или «пушечным мясом», добровольцем к гвардейцам Китовани для непрекращающихся военных стычек в Абхазии или Южной Осетии, грабежей местного населения Сергей даже не рассматривал. Это было бы предательством всего того, во что он верил, ради чего пошёл работать в органы.

Оставалось только одно – уехать туда, где свои, где он будет нужен и будет таким, как все. Где дети получают возможность учиться на родном языке, стать полноправными гражданами страны, добиться чего-то в жизни по своим способностям, а не по праву рождения. Вот потому он сегодня здесь, на лётном поле.

Сергей сильно отстал, попутчики ушли далеко вперёд, и даже их вялых разговоров и покрикиваний на детей не стало слышно. Вереница людей в сопровождении двух лётчиков брела по окраине аэродрома мимо каких-то старых полуразрушенных строений, высоких зарослей кустов, свалок мусора.

Автобусы для авиапассажиров давно уже не ходили. В аэропорту, как и везде в стране, наблюдались дефицит бензина и полный бардак во всех службах.

Лётное поле практически не охранялось. Редкие группы счастливцев, раздобывших билеты на случайные чартерные или контрабандные рейсы непонятно каких авиакомпаний, втягивая голову в плечи, добежали до своих самолётов быстро и тихо, как мыши, ежеминутно опасаящиеся нападения кошки.

Грабили всех и везде. Грабили чиновники, военные, бандиты и даже просто оголодавшие сограждане. Отбирали последнее, не гнушаясь чемоданом с пожитками, старым пальто или талонами на хлеб. Каждый стремился выжить любыми способами, и своя жизнь, свои дети были дороже, чем чужие...

Продавали награбленное на множестве стихийно образовавшихся рынках. Там никто никого не ловил и не проверял документы на товары. Вооружённые «смотрящие» рынков просто обчищали продавцов и брали с них долю. Когда деньгами, когда товаром. Смотря что кому было нужнее.

Правда, даже в этом угрюмом, опасном и неуправляемом городе не всякий мог перейти последний барьер. Тот самый, который отделяет честного человека от преступника.

Но когда дети плачут от голода и просят есть, а заработать на хлеб честными способами становится невозможно, преграда, удерживающая людей от того, чтобы отнять кусок хлеба для своего ребёнка у ребёнка соседа, становится всё слабее и слабее...

Иногда для некоторых она исчезает совсем.

Сергей поставил сумки на землю, сбросил с плеча узел и в очередной раз постарался затянуть покрепче его развязавшиеся концы.

Пальцы замёрзли и плохо слушались.

Сергей завозился и не заметил, как из-за стены полуразвалившегося длинного строения с открытыми настежь обгорелыми рамами вышел человек. Он настороженно посмотрел вслед ушедшим далеко вперёд пассажирам, а потом перекрыл дорогу отставшему мужчине.

– Э, закурить нэ найдётся?

Вопрос был задан по-русски.

Сергей поднял голову и увидел поджарого крепкого парня лет тридцати без верхней одежды, высокого, в военном камуфляже без знаков различия. В такой униформе ходили многие. Гвардейцы грузинской армии, ополченцы, мхедрионовцы да и просто уличная шпана, причисляющая себя к «патриотам».

У личности, неожиданно появившейся на пути Сергея, было узкое небритое лицо с беспокойными глазами, светившимися какой-то мрачной решимостью. Человек в камуфляже пытался выглядеть угрожающе, но это ему не очень удавалось. Что-то в его облике не соответствовало взятой роли. Не похож он был на отморозка, которым пытался выглядеть. Оружия в руках парня не было видно, но... это ещё ничего не значило.

Сергей боковым зрением заметил шевеление кустов возле стены строения и сделал выводы. Сюрприз был неприятный. Можно было легко догадаться, что вскоре последует.

Оперативный опыт подсказывал: вменяемые грабители в меру своего интеллекта обычно сначала стараются «прощупать» случайную жертву. Иногда можно нарваться на родственника или знакомого какого-нибудь влиятельного человека, с которым лучше не связываться. Этого опасались.

В случае, если жертва беспомощна, некоторым новоиспечённым «абрекам» требовалось для смелости себя распалить, заставить забыть о жалости, совести, вызвать презрение и ненависть к попавшему в засаду несчастному. Тогда бить его и отбирать убогое имущество легче.

Сергей понял, что сейчас начнётся увертюра к банальному грабежу. Прямо на лётном поле.

Все деньги семьи были спрятаны у жены. В сумках ничего ценного не везли. Разве что зимние детские вещи, которые скоро понадобятся сыну и дочке. Без свитеров, тёплых носочков, белья они могут просто замёрзнуть по дороге. А путь неблизкий. Самолётом до Минвод, оттуда неизвестно когда удасться сесть на проходящий поезд и затем сутки-двое трястись в общем холодном вагоне до города первого салюта – Белгорода. А от него потом ещё добираться пятнадцать километров до маленькой деревушки где-то за Болховцом.

В микроскопической хатёнке старая печь, как помнил Сергей, сыпалась и дышала на ладан. Там выживать тоже будет непросто.

На дорогу денег наскребли с огромным трудом. Доехать должно было хватить, но вот если придётся ещё покупать детям тёплую одежду...

Сергей мгновенно представил себе ставки в этой ситуации.

Нападение произошло в самый последний момент, когда уже ничего не переиграешь. Если семья пропустит этот рейс, за который заплачено последними деньгами, то уехать в Россию не сможет. Квартира в Тбилиси уже продана за копейки, жить негде...

Вот попал!

Мозг заработал вразнос, просчитывая возможные выходы из капкана. Как ни крути, а их всего два: или придётся попытаться как-то убедить грабителей, что связываться с ним не стоит, или драться.

Даже не новые детские вещи в нынешнее тревожное время – тоже ценность: их можно продать на рынке и купить еды. Сидящие в кустах в засаде стрелять, скорее всего, не будут. Если нападут, то постараются пырнуть ножом или забить арматурными прутами – самым распространённым сейчас оружием.

Скорее всего, притаившиеся бандиты видели лётчиков, а у тех вполне могут быть пистолеты, да и какую-никакую, но охрану аэропорта могут вызвать по радио с готового к вылету самолёта. Так что стрелять нападающим опасно.

С другой стороны, за что сейчас можно поручиться? Да и сколько человек в кустах, неизвестно. Расклад сил пока не ясен. Запросто могут убить или сделать инвалидом. В любом случае семья окажется в тяжелейшем положении.

Милицейский опыт, вынесенный с болью и кровью из оперативных мероприятий и задержаний, однозначно говорил, что линию поведения придётся строить на ходу в зависимости от развития ситуации.

Сергей неторопливо поднялся, расстегнул куртку и повёл плечами, разминаясь. Заметил, что крепкий парень был в кедах. Видно, подготовился для того, чтобы легче было справиться с отставшим мужчиной на глазах у своих поделщиков. Понятно, что это было бы полезно для укрепления авторитета вожак. Судя по слегка приплюснутому носу, он, скорее всего, когда-то занимался боксом.

Сергей подумал, что парень не зря начал говорить по-русски. Если жертва простодушно ответит на том же языке, то пол-увертюры пройдено: чужих грабить легче. Не нужно упрощать бандитам жизнь. Сергей приветливо улыбнулся парню и ответил по-грузински:

– Гамарджобат, батано. (Здравствуй, уважаемый.) Курева нет, извини. Вот, бегу на самолёт, а сумки старые, рвутся. Хурджин развязывается.

Небритый вожак, пытаясь нащупать выигрышную линию поведения и обрести внутреннюю уверенность, настороженно спросил:

– Навэрна, в Россию лэтишь, да?

– Да, – легко согласился Сергей, врать не было смысла. Все сейчас уезжали в Россию. Даже грузины.

– А что тэбе здэсь не нравится? – стараясь найти почву для конфликта, продолжил по-русски гопник.

– Работы нет, детям есть нечего.

– Всэ так говорят, когда отвечать за свои дела приходится.

– Какие дела? – искренне изумился Сергей. – Что я сделал?

– Ты же русский?

– Русский.

– Вот и должэн атвечать за то, что ваш Елцын надэзал.

– За то, что Ельцин сделал Грузию независимой? – Сергей старался говорить спокойно.

Парень в кедах, наоборот, пытался себя распалить и нёс первое, что приходило на ум:

– Нэт, за то, что русские захватили Грузию и командовали тут.
– Командовали? Воевали вместе. Берлин брали, помнишь? Да и знаешь, дорогой, сколько грузин в России живёт?
– Эта всё прэдатели родины. А воевали вместе давно. Тэперь Россия абхазов защищает. И осетинов. Очэнь плоха. Ты тоже, навэрна, за абхазов, да?
– Я помню, как Россия когда-то грузин от турок защищала, – Сергей улыбнулся. – Тогда в Грузии всего восемьдесят тысяч человек оставалось. Как сейчас абхазов.

– Э, что-то ты многа знаэш. Очэнь умный, да?
Сергей отвечал доброжелательно, и это сбивало попытки, видимо, ещё не совсем огрубевшего душой главаря разжечь долгожданный конфликт и отобрать у подвернувшегося лоха ручную кладь.

Сергею пришла мысль, что этот парень в первый раз вышел на дело и ещё не потерял остатков совести. Он старался разозлить себя, преодолеть глубоко засевшее внутри табу на насилие, судороги совести, заставить поверить в то, что пойманный русский – подонок, не достойный жалости. Его можно и нужно ограбить, и это будет справедливо.

Какой-нибудь матёрый бандит давно бы уже нашёл предлог придраться, а то и не стал бы искать его вовсе.

Вполне вероятно, что этого худого небритого парня дома ждут голодные дети, и он не знает, как их накормить. Он пытается перейти воздвигнутый всей прошлой жизнью барьер – «не укради», «не убий» – и пока не может. Не хватает куража, решимости, криминального опыта. Мешает какой-то подкожный стыд...

Из-за кустов и стен развалин выглянули недовольные лица. Двое. В руках арматурные пруты. Одеты в грязные спортивные костюмы и старые дутые куртки. Обоим лет по семнадцать – двадцать. Ещё совсем мальчишки.

Кореша устали ждать.

Когда же, наконец, старший подаст знак, и они нападут на этого отставшего от своих неудачника?

Побьют и отберут сумки. А потом продадут шмотки на базаре и принесут в дом деньги со словами: «Вот, я заработал». И никто не спросит: «Как?» Это неважно. Главное, что можно будет поесть... И почувствовать себя кормильцем семьи.

Лишнего времени не было ни у одной из сторон. Напряжённость росла, и тишина начинала оглушительно звенеть в ушах. Сердца четырёх мужчин, внешне пытающихся выглядеть спокойными, неистово стучали и толчками прокачивали кровь в жилах. Мышцы напряглись.

Вот-вот банда бросится на русского, даст волю накопившейся ненависти, безудержному желанию наказать хоть кого-то, отыгаться за своё бессилие, голод, неудавшуюся жизнь. Надо же найти виноватого – козла отпущения, который за всё ответит! Здесь и сейчас можно безнаказанно и всласть избить этого не очень крупного с виду мужика железными прутами, а потом, может, и прирезать его финкой, припрятанной у «упроса» (старшего), отомстить за

разруху в стране, голод, за ошибки своих недалёковидных руководителей, за всё, что было плохо.

Парни сжимали арматуру в руках, и в их глазах явственно было видно желание пустить прутья в ход и бить, бить наотмашь по живому человеческому телу, жестоко, изо всех сил, пока жертва не перестанет шевелиться и не замрёт в нелепой и безжизненной позе на грязном бетоне.

Но старший почему-то не подавал сигнала к нападению. Может, он знает этого мужчину?

Замешательство команды незадачливых грабителей не могло продолжаться долго, и Сергей решил взять инициативу в свои руки.

– Рагварихар, генацвале? (Как тебя зовут?) – обращаясь к старшему, спросил Сергей.

Небритый помялся:

– Зачём тебе знать?

– Видишь самолёт? Там меня ждут. Жена, дети. Я хочу, чтобы ты с ребятами, – Сергей небрежно кивнул в сторону уже нескрывающихся подельников, – выпили за то, чтобы мои дети хорошо долетели. За счастливую дорогу. Дома выпить не пришлось, торопились. У меня с собой вино есть. Киндзмараули. Настоящее. Мы ведь с тобой не враги? Верно?

Старший помолчал, отвёл глаза в сторону, выдавил:

– Пока нэт.

– Вот видишь, – развил маленькую победу Сергей, – так что и по грузинскому обычаю, и по русскому давай выпьем на дорогу. И ещё... – взгляд у Сергея стал твёрдым и испытующим, – ты же понимаешь, что без меня моя семья не улетит, а если со мной что случится, то пропадёт?

Важный сигнал был послан.

Небритый через силу кивнул. Такой простой факт не нуждался в комментариях. Да и, судя по всему, старший сам понял, что, во-первых, он ещё не готов цинично и жестоко грабить и убивать незнакомых и не повинных ни в чём людей, а во-вторых – встреченный мужчина если что-то и отдаст, то добровольно, не теряя чувства собственного достоинства. И если отдаст, то только то, с чем сможет расстаться без фатального ущерба для своей семьи. Или будет драться насмерть. Иного выхода у него нет.

Старший не хотел драться насмерть. Он не был к этому готов, да и изнутри жёг стыд. Не говоря уже о том, что соседские мальчишки, Мишико и Рамаз, которые подбили его на эту кажущуюся вначале такой беспроектной авантюру, могли сильно пострадать.

Жизненный опыт старшего по огоньку, блестящему в глазах русского, по его крепкой спортивной фигуре под курткой, по ленивой тигриной грации движений подсказывал, что с этим человеком нужно быть осторожным.

Сумки с домашними пожитками и тряпками не сто́ят кровавой драки и чьей-нибудь возможной смерти. Не те ставки. Да и у русского тут рядом семья, дети...

Главарь колебался. Думал. Он покосился в сторону, куда ушли пассажиры. Те уже дошли до самолёта и собрались вокруг трапа.

Лётчики поднялись по лестнице и скрылись внутри воздушного судна. С минуты на минуту там могут обратить внимание на то, что одного человека не хватает. Жена может поднять шум, сообщить лётчикам. А те вызовут охрану или, чего доброго, сами прибегут сюда разбираться.

А с лётчиками ссориться нельзя. Мало того, что они могут быть вооружены, но, кроме того, ранив лётчика и сорвав этим рейс, легко можно задеть интересы крупных игроков – хозяев самолётов, авиакомпаний. Им нельзя наносить ущерб. Найдут и отомстят. Неудачно всё складывается! Надо разруливать ситуацию, давать задний ход. И при этом сохранить лицо.

Мужчину с багажом, неизвестно почему остановившегося посреди дороги, и человека в камуфляже, загородившего ему путь, на голом лётном поле было прекрасно видно от самолёта.

Старший сделал вид, что принимает трудное решение, потёр подошвой кеда об асфальт, сплюнул, задумчиво пнул камешек и медленно сказал:

– Харашо! Раз такое дэло... раз ты с семьёй... давай выпьем. Меня Дато зовут. А их, – старший махнул рукой корешам, – Мишико и Рамаз.

– Эй, бичебо, моди ак! (Парни, идите сюда!)

Мишико и Рамаз, крупные и здоровые ребята, с довольно-таки глупым видом выбрались из засады и подошли к беседующим мужчинам. Они только что собирались грабить русского. Что же случилось? Дато повернулся к парням и выдал единственно возможное в этой ситуации объяснение:

– Эта знакомый аднаго маего друга. Сичас мы выпьем с ним, потом пуст идёт. А то на самолет апаздает.

– Сергей, – представился русский и полез в сумку. Как он кстати захватил с собой большую пластиковую бутылку с вином. И ведь не хотел брать!

Чтобы незадачливым грабителям было не очень обидно от неожиданного финала, Сергей решил показать, что в сумках у него нет ничего ценного. А вот выпивка и еда будут.

– У меня тут только детские вещи, – Сергей открыл одну сумку, выложил на землю несколько прозрачных целлофановых пакетов с одеждой.

Бутыли с вином не нашёл и сложил пакеты обратно. Вино в двухлитровой бутылки и свёрток с едой нашлись в другой сумке. Насколько Сергей помнил, в свёртке было немного варёной картошки, буханка хлеба, несколько варёных яиц и десятка два пирожков с капустой и с яблочным повидлом из остатков ещё советских консервов.

Русский развернул газету и разложил еду. Она сразу же привлекла голодные взгляды парней. Сергею вдруг стало жалко горе-налётчиков. И не только их, но и всех тех несчастных, которых, играя на патриотических чувствах, одурачили лживыми лозунгами о свободе, независимости, демократии. Довели целый народ до нищенского существования, свободы грабить, быть ограбленными и умереть от голода и безысходности, как крысы в бочке.

Сергей достал из сумки несколько больших пластиковых стаканчиков, откупорил бутылку и, присев на корточки, разлил вино. Сделал приглашающий жест замершему в неловкой позе старшему, не знающему, как себя вести в этой ушедшей из-под его контроля ситуации, и сказал:

– Дато, сделай мне уважение как гостю. Я же здесь гость, не так ли? Уезжающий. Давай выпьем за то, чтобы мои дети хорошо долетели. И закусим немного.

Несколько секунд Дато мялся, для порядка выдерживая паузу, как будто делал большое одолжение русскому, принимая приглашение. Мишико и Рамаз расслабились, их лица помягчели. Недавняя ненависть куда-то исчезла, испарилась. Вернулись полузабытые воспоминания из мирной жизни, когда вот так вот за хорошим столом вместе собирались друзья, родственники, просто случайные знакомые. И когда было совсем неважно, кто они – русские, грузины, азербайджанцы.

Старший взял стаканчик с вином и присел на корточки рядом с русским. К импровизированному столу пристроились и «кунаки». Прутья они отложили. Дато прочистил горло, поднял стакан:

– Давай, кацо! За то, чтоб тваи дэти харашо далетели!

Потом он провёл ладонью по лицу, будто делая над собой усилие, пытаясь стереть выступившую некстати краску. После этого неуверенно протянул стакан и чокнулся с русским.

Четверо мужчин, сидевших на корточках на краю почти пустого огромного поля вокруг разложенной на земле газетки с едой, беззвучно чокнулись и выпили. Неторопливо, без спешки, закусили.

Со стороны странная пирушка, наверное, напоминала сюжет одной из картин Пиросмани: встретились после разлуки старые добрые друзья и присели тут же отметить это важное событие без долгих приготовлений и официоза. Неужели что-то такое, отдалённо похожее, но извращённое временем и обстоятельствами, в этой аналогии было? Сергей опять наполнил стаканы:

– Теперь за вас, ребята! За ваших детей, родственников, ваших родителей! Дай им Бог здоровья и долгих лет!

За такие пожелания пить полагается всегда. Троица несостоявшихся грабителей протянула стаканы к Сергею. Выпили. Степенно закусили. Выражение глаз «абреков» постепенно изменилось. Остатки настороженности, недоверия, скрытой агрессии куда-то исчезли. Взгляды потеплели.

Вино согрело замёрзшие тела и души. Ноги постепенно устали, и парни уселись прямо на холодный бетон. Сергей порылся в сумках и дал каждому по целлофановому пакету с тёплыми вещами – подложить под себя.

Дружеский жест оценили. Атмосфера за столом ещё более разрядилась. Со-трапезники будто забыли о причине, сведшей их вместе на этом пятачке земли. Завязался разговор о наболевшем. Налётчики заговорили по-русски.

– Када тока это всё кончится? – посмотрев в серое небо, сказал Мишико. В животе у него сыто бурчало.

– Ты что имеешь в виду? – на всякий случай решил уточнить Сергей.

– Как что? Вот эта, жрать нэту, работа нэту, дэнег нэту. Жизни вабще нэту! Амис дедаватери!

– Мы с тобой в этом не виноваты, Мишико.

В разговор вступил старший:

– Э-э, кто виноват, все знают! Никто не знает, что надо дэлать!

– Точно, Дато! Мы хоть и маленькие люди, но все это понимаем, да? – Сергей взглянул на Рамаза, тот кивнул.

– Понимать понимаем, – и тут же, разминая застывшие на холоде пальцы, добавил, – но кушать каждый день хотим.

– Очень трудное время сейчас. Я не знаю, что сказать. У меня нет хороших советов. Наверное, важно только всегда стараться оставаться человеком.

Помолчали. Старший замёрз. Встал и сходил к стене, за которой сначала прятались друзья. Вернулся оттуда в поношенном армейском бушлате и опять пристроился к столу. Сергей в третий раз наполнил стаканы.

– А в России, наверное, кушать много есть? – не выдержал Мишико. – Ты сейчас приедешь туда и будешь жить как человек. Всё будет, да?

– Там всё с нуля начинать придётся. Но там моя родина. Мой дом. А дома даже стены помогают.

Рамаз завистливо протянул:

– И-эх! Если б не эти наши долбанные «патриоты», у нас сэйчас всё па-другому было бы.

Простые и ясные истины людям обычно приходят на сытый желудок. И когда они в благодушном настроении. Разговор в другое время мог продолжаться дольше и быть интересным, но... самолёт ждать не будет.

Сергей посмотрел на порозовевшие лица парней, потом на пластиковую бутылку. Вина в ней почти не осталось. Он встал и поднял руку со стаканом.

– А теперь я хочу сказать последний тост. Важный. Для всех нас.

Парни поднялись, почувствовали, что пришло время заканчивать это приятное времяпрепровождение. Сергей продолжил:

– Давайте выпьем за Родину. У нас у каждого она есть. И дай Бог, чтобы с ней всегда всё было хорошо! И чтобы мы, как её дети, всё для этого сделали! Не потеряли бы, не продали, не разрушили. Гаумарджос!

Дато, Мишико и Рамаз переглянулись.

– Самшобло! (За Родину!) Правильно говоришь!

Выпили.

Появилось ощущение, что они все давно знакомы, просто забыли об этом. Случай свёл их вместе, в душе проснулись воспоминания о прошлых праздниках, застольях, дружеских встречах. С тех добрых времён прошло всего несколько лет, а казалось, что прошла целая вечность...

Где-то далеко раздался резкий хлопок. Сергей посмотрел туда, откуда прилетел звук, и увидел бежавших к нему от самолёта двух мужчин в синей форме.

Выходит, пистолеты у лётчиков всё-таки были.

Сергея, наконец, хватились. А когда заметили его, окружённого тремя неизвестными, сразу догадались, в чём дело.

Возможно, лётчики были людьми не робкого десятка, а, может быть, они уже вызвали по радиации автоматчиков из аэропорта. В любом случае «абрекам» пора было исчезать.

Сергей повесил через плечо узел, махнул рукой недавним врагам, подхватил сумки и с облегчением тяжело затрусил навстречу лётчикам.

Те, поняв, что он свободен, остановились.

Обернувшись назад, Сергей увидел, что несостоявшиеся грабители, забрав газету с остатками еды, бежали к шоссе в город.

На сегодня их охота закончена.

Может быть, после неожиданного застолья вместо задуманного грабежа парни задумаются о том, что они чуть не совершили? И не будут больше пытаться перейти Рубикон? Останутся людьми?

Поравнявшись с лётчиками, Сергей с благодарностью пожал им руки.

– Спасибо, мужики, что поддержали!

– Ты, видно, в рубашке родился! Слава Богу, что всё обошлось! Тут каждый день что-нибудь случается. Нельзя отставать от группы!

– Больше не буду!

Те засмеялись.

– Ну больше, думаем, и не понадобится!

Сергей был смущён. Чтобы вот так – вдвоём – броситься выручать незнакомого человека, окружённого грабителями, требуется немалое мужество. И даже пистолеты не всегда могут помочь...

Родина для Сергея началась с приветливой улыбки пожилого майора МВД на таможенном контроле в аэропорту Минвод. От каждого встречающего и сотрудника там веяло сопереживанием и радостью за бледных соотечественников, вырвавшихся из удушающих объятий чужой страны.

Длинная очередь бывших пассажиров тбилисского рейса выстроилась у терминала, перекрывающего выход в город.

Проверка документов. Профессионально цепкий взгляд немолодого пограничника, сверяющего фотографии с их живыми оригиналами.

Свежая российская прописка в паспорте Сергея, его по-детски счастливое и одновременно измученное лицо, как у марафонца, добравшегося, наконец, до финиша, привлекли внимание офицера.

Он внимательно посмотрел Сергею в глаза, на несколько секунд задержал в руках красную книжечку с двуглавым орлом на обложке. Затем, улыбнувшись, вдруг неожиданно спросил:

– Вы теперь наш? Россиянин?

В этом взгляде было столько теплоты, сочувствия и поддержки, что Сергею захотелось обнять этого совершенно не знакомого ему человека, прижать к груди и рассказать, как родному, обо всех своих жутких мытарствах за последние годы. О ледяном дыхании смерти в затылок каждый день. О том, как приходилось доставать еду для детей. О проблемах, которые пришлось преодолеть на многотрудном пути домой. Сколько их было...

Гражданам России в Грузии запрещали продавать свои квартиры, дома, и, для того чтобы суметь это сделать, нужно было будто бы потерять паспорт и умудриться получить новый. На каждом шагу давать взятки.

За то, чтобы отправить домашние вещи контейнером, вместо полагающихся ста рублей в кассу, нужно было заплатить семьсот долларов «нужному человеку». За то, чтобы получить справку о выписке на русском языке, надо было... И так далее, и так далее... Но Сергей ничего рассказывать не стал.

Он пожал протянутую ему руку и непослушными губами, сдерживая подступившие к глазам слёзы, с трудом выговорил:

– Да. Я теперь дома!

Потом был проходящий поезд «Кисловодск – Москва», в котором проводники уступили жене и детям своё двухместное купе. Затем, поздно вечером, попутка от Белгорода до далёкой деревеньки, в которой не светилося ни одного окна.

В наступившей темноте неожиданно повалил первый снег. Крупные искристые хлопья быстро засыпали дорогу, хаты и сделали почти неузнаваемой местность. Машина шла медленно, упираясь светом фар в белую, почти непрозрачную стену из плотной круговерти снежинок. Ориентировались с трудом. Еле узнали свои ворота.

Ржавый ключ со скрипом повернулся в замке, и Сергей с семьёй, наконец, оказались в пустом, маленьком и холодном, но в своём собственном доме, на своей земле, на которой они больше не были гостями.

Скоро в русской печи весело запылал огонь, стало тепло. На две старые скрипучие кровати собрали покрывала, куртки, занавески – всё, что могло хоть как-то согреть, и улеглись спать. Дети долго вертелись, не могли заснуть. Несмотря на усталость, что-то им мешало.

Через некоторое время Сергей понял, что именно. Вокруг стояла абсолютная ватная тишина. Не слышалось стрельбы, взрывов, истерических воплей пьяных «патриотов», как каждую ночь в Тбилиси. И это было очень непривычно.

Начиналась новая жизнь. На Родине.

Через неделю после прибытия и приведения домика в относительный порядок Сергей пришёл в отдел кадров белгородского УВД на собеседование. Через полчаса был принят на службу в родное ведомство на должность старшего оперуполномоченного уголовного розыска.

Домой, к детям, ехал непривычно расслабленным и счастливым. Теперь всё будет хорошо! Теперь у него есть и его работа! Теперь можно жить и дышать полной грудью. Воздухом Родины!

